ПИОНЕР

8

1980

Клуб «ВРАТАРЬ»

«Мяч легкими, короткими рывками катился перед мелькающими ногами в полосатых гетрах. На трибунах стояли рев и вой. Однако исполинская фигура в воротах не проявляла никакого смятения. Вратарь смахнул с губ подсолнечную шелуху и строго поглядел на нападающего. Того настигали защитники. Бегущий, чувствуя за собой погоню, с ходу, что есть силы, поддал мяч ногой.

— Есть! — закричали на трибунах.

Но за мгновение до этого вратарь, в котором мигом исчезла его вялость, сделал два длинных и упругих шага в сторону; точно угадав направление удара, он спокойно поднял левую руку. И тут все увидели нечто странное...»

Что же произошло дальше? Может быть, некоторые из вас уже знают это, если читали захватывающий роман Льва Абрамовича Кассиля «Вратарь республики». Книгой этой зачитывается уже не одно поколение ребят. А если вам не попадала в руки книга Кассиля, обязательно прочитайте ее. Вы познакомитесь тогда с прославленным вратарем Антоном Кандидовым — главным героем романа.

А был ли на самом деле такой вратарь?

И да и нет.

Писатель очень любил футбол и не раз восхищался игрой замечательного вратаря, заслуженного мастера спорта **Анатолия Акимова.** Его игра в воротах и помогла Льву Кассилю рассказать о футболе и о человеке, который «часовым поставлен у ворот...».

А потом был снят фильм «Вратарь», спортивный марш из которого до сих пор любят ветераны футбола и его новобранцы — участники игр на приз самого популярного спортивного клуба «Кожаный мяч».

Миллионы ребят борются за право дойти до финала, завоевать главный приз и золотые медали чемпионов, быть названными лучшими среди лучших. Одиннадцать лет назад ворота команды «Улдуз» из Мингечаура защищал паренек по имени Юра. Он был признан лучшим вратарем турнира. А сегодня **Юрий Роменский** — вратарь киевского «Динамо»!

А как сложилась судьба других юных вратарей? Кто будет лучшим на финале в олимпийском году? Как стать настоящим вратарем, таким, как Лев Яшин, Алексей Хомич? Об этом юные спортсмены часто спрашивают журнал «Пионер».

Внимание! Внимание! Внимание!

При редакции журнала «Пионер» создан новый клуб — «ВРАТАРЬ».

Кто из вас придумает ДЕВИЗ нового клуба?

Кто нарисует ЭМБЛЕМУ «ВРАТАРЯ»?

С кем из вратарей вы хотите встретиться на страницах журнала?

СИЛЬНЫЕ, ЛОВКИЕ, СМЕЛЫЕ

О ком из юных вратарей вы расскажете «Пионеру»?

Ждем ваших писем с предложениями и вопросами.

Клуб «ВРАТАРЬ» учредил памятный приз имени Льва Кассиля. Приз будет вручаться лучшему вратарю в каждой возрастной группе финальных Всесоюзных соревнований «Кожаного мяча».

Вратари — воспитанники «Кожаного мяча», играющие в ведущих командах страны,— будут зачислены в почетные члены клуба «ВРАТАРЬ». Им будут вручены почетные дипломы имени Льва Кассиля.

Кого из прославленных вратарей вы бы хотели видеть в совете нового клуба? Ваши предложения.

Юнкоры! «Пионер» ждет от вас интересных и веселых рассказов о вратарях дворовых команд.

Фотокоры! «Пионер» просит вас прислать фотографии футбольных баталий, где главный герой — вратарь.

Юные художники! Ждем ваших рисунков, посвященных стражам ворот.

Клуб «ВРАТАРЬ» открыт!

На конверте не забудьте написать два слова «Клубу «ВРАТАРЬ».

Лев Яшин в гостях у юных футболистов на одном из финалов «Кожаного мяча».

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Москва 1980 г.
Издательство «Правда»

*Печатает только тебя * Журнал в журнале * «Кораблик»*

Стихи Маргариты РЕДЬКИНОЙ. Ей 14 лет, живет она в Запорожье.
Маргарита сочинила много стихов. Вот одно из них.

ВСТРЕЧА С ХЛЕБОМ

Подхожу к желтеющей
пшенице,
К шелестящим спелым
колоскам.
В самом деле. Это мне не
снится,
Но не верю я своим глазам.

Колоски, как солнце, золотые
Глажу я тихонечко рукой.
Поле хлеба, я сейчас впервые,
Летом, повстречалась тут
с тобой.
Синий вечер расплескался
в небе,
Над травой поникла сень
берез.
Я стою и думаю о хлебе,
Что когда-то колосками рос.

Два стихотворения о пионерском лагере. Первое сочинила Люда СИДОРОВА. Люде 13 лет, живет она в Пержской области, в деревне Мостовая.

В ЛАГЕРЕ

Пионерское лето —
Это дым от костра.
Пионерское лето —
Это песни с утра.
Это лагерь веселый,
Над палаткой — флажок.
Запах краски и школы,
Верный песик Дружок...
Пионерское лето —
Это тихий рассвет,
Это — свежее утро
И от солнца привет!

Второе стихотворение шуточное. Его автор — москвичка Лена ЮДИНА. Лене 11 лет, она учится в школе № 65.

ТИХИЙ ЧАС

Тихий час, тихий час.
Сонно в лагере у нас.
Спят садовые дорожки,
Под окошком дремлет кошка.
В огороде грядки спят,
Спят морковка и салат.
В тихих лагерных палатах
Спят спокойно все ребята,
Но не спят лишь две
подружки,
Две подружки-говорушки:
Они шепчутся, гудят,
Спать, как видно, не хотят.

«Первое свое стихотворение я сочинила про маленького котенка. Я сочинила его, когда мыла посуду. Чтобы не было скучно, я стала думать о котенке. И как-то само собой получилось стихотворение. Я очень обрадовалась, прибежала в комнату, усадила маму на диван и торжественно его прочитала. Мама и папа дружно мне похлопали, а папа посоветовал записывать стихи в тетрадку. С тех пор в моей тетрадке стихов становится все больше и больше».

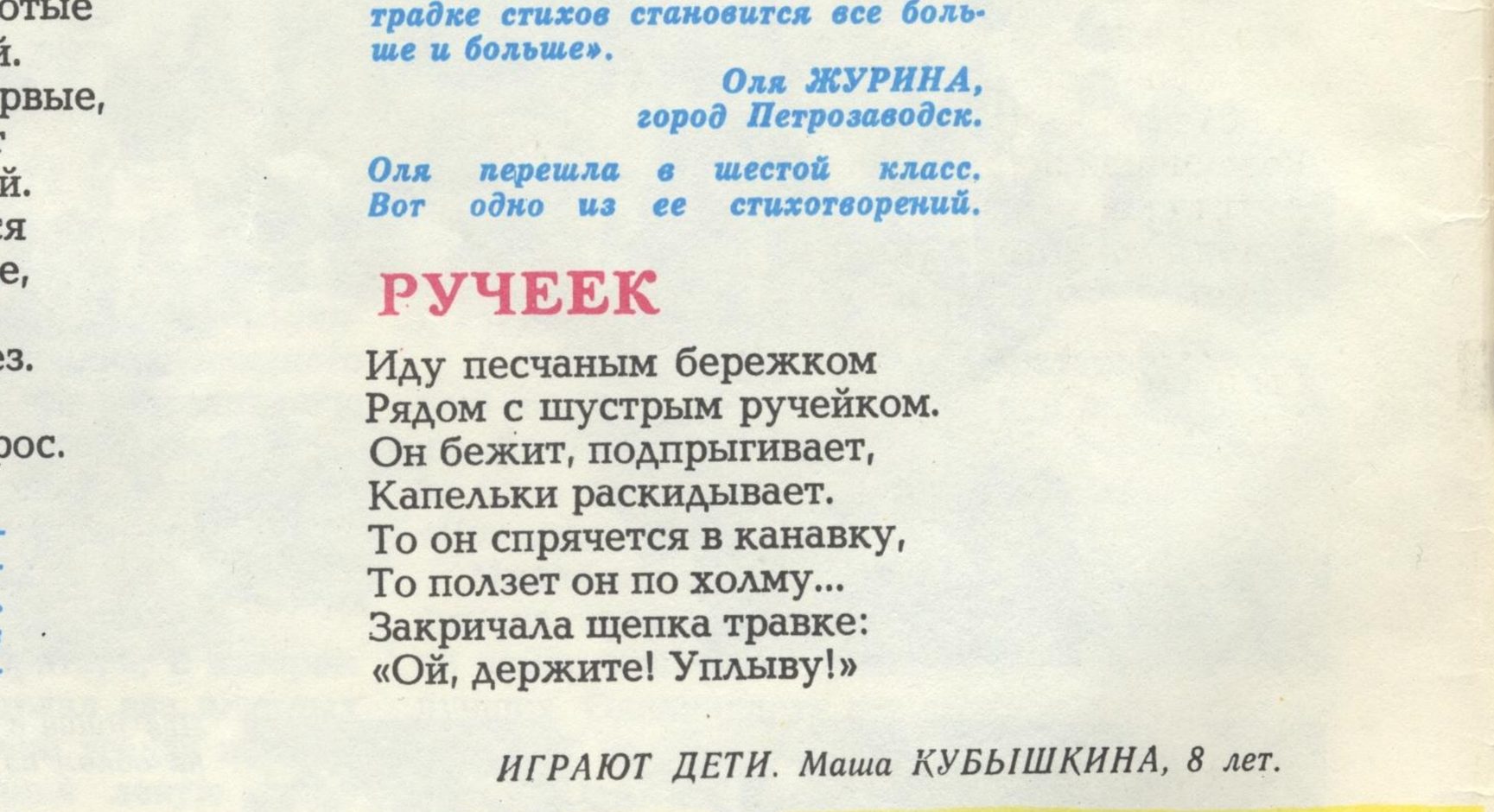
Оля ЖУРИНА,
город Петрозаводск.

Оля перешла в шестой класс. Вот одно из ее стихотворений.

РУЧЕЕК

Иду песчаным бережком
Рядом с шустрым ручейком.
Он бежит, подпрыгивает,
Капельки раскидывает.
То он спрячется в канавку,
То ползет он по холму...
Закричала щепка травке:
«Ой, держите! Уплыву!»

ИГРАЮТ ДЕТИ. Маша КУБЫШКИНА, 8 лет.



Оля КАБАНОВА — будущая второклассница из города Шадринска. Учится Оля в школе № 15, занимается в литературном кружке «Колокольчик».

ПОДСОЛНУХ

Я подсолнух увидала,
Как зовут его, не знала.
Я погладила его:
Это солнышко мое!

Стихи Любы БАБКИНОЙ из поселка Аркуль Кировской области. Люба перешла в пятый класс.

РОСА

Прошел туман, рассыпал серебро
На травку, на цветы, на листья.
И луч, проклюнувшись сквозь
тучку,
Играет с маленькой росой.

Вот что увидела летним днем Наташа КАРМАНОВА. Наташа живет в Омске.

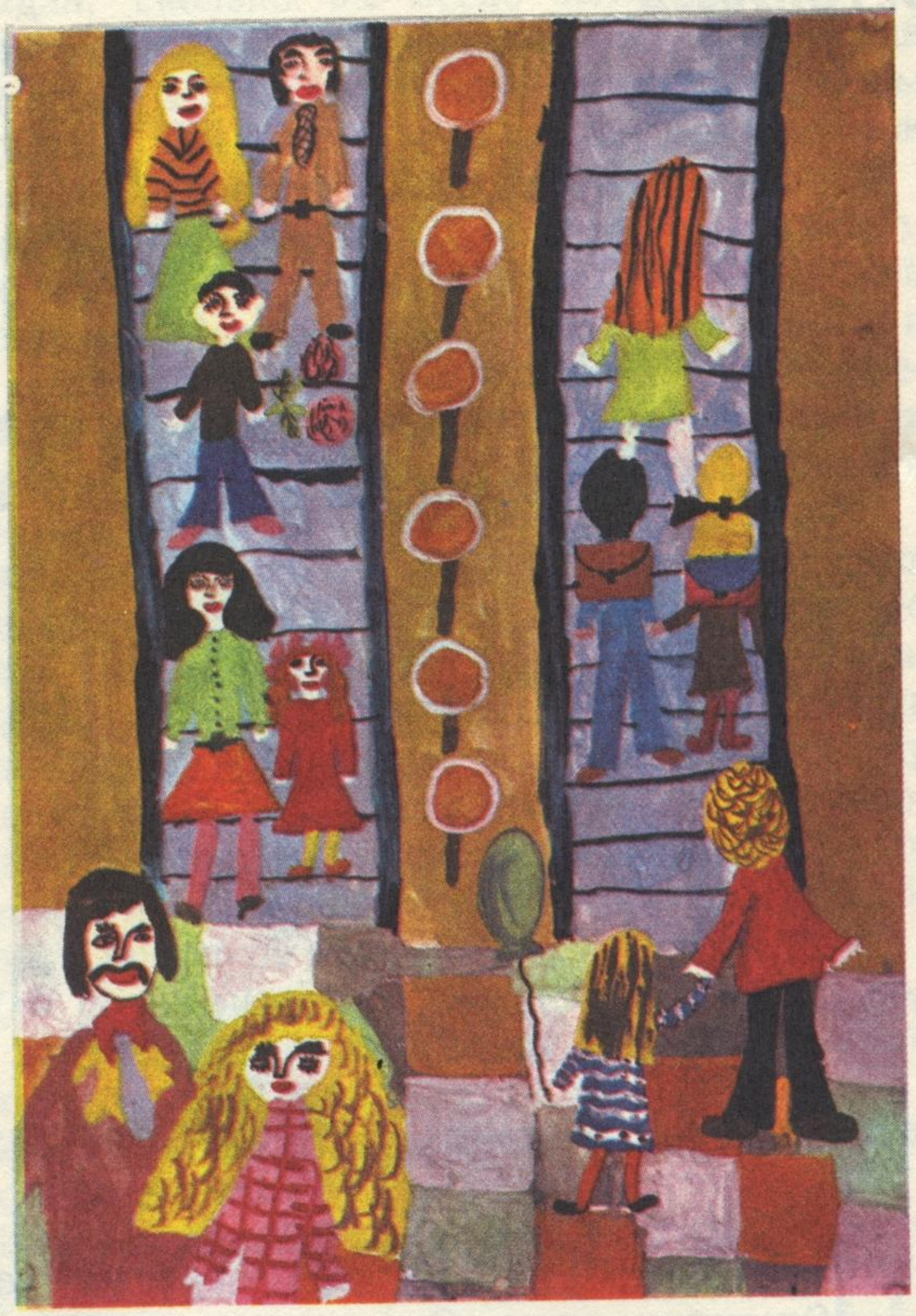
ЧУДЕСА

Вы посмотрите в небеса —
Увидите там чудеса.
Вот конь-огонь,
А вслед за ним
Воздушный шар
Летит сквозь дым.
А вон Хоттабыч на ковре,
За ним — Добрыня на
коне...
Вы посмотрите в небеса!
Увидите там чудеса.

Андрей КРАВЧИНА из Ташкента перешел в восьмой класс. Он написал стихи о грозе.

ГРОЗА

Туча солнышко закрыла,
Что потом на небе было?
Сотни молний небо рвут,
Тучи, как быки, ревут,
Вдруг поднялись на дыбы
И мгновенно сшибли лбы.
Грохот уши заложил,
Дождь, как из ведра,
полил.
А когда гроза пропала,
Небо ярко засияло,
И спустилась на луга
Солнечная ра-
ду-
га!



МЕТРО. Юля СИНЕНКО, 8 лет.

Андрюше КУЛИШУ 7 лет. Он живет в Казахстане, в городе Чимкенте. Это первый рассказ Андрюши.

ДЯДЯ ЭДИК, Я И ПЕС

Дорога на пляж

Я проснулся раньше всех. Я боялся, чтобы не опоздать на озеро. Вскоре проснулся дядя Эдик. И мы пошли. На мосту мы встретили собаку. Я принес ей хлеб, но она его есть не захотела, а из благодарности пошла за нами. Мы ее не трогали.

Как дядя Эдик учил меня плавать

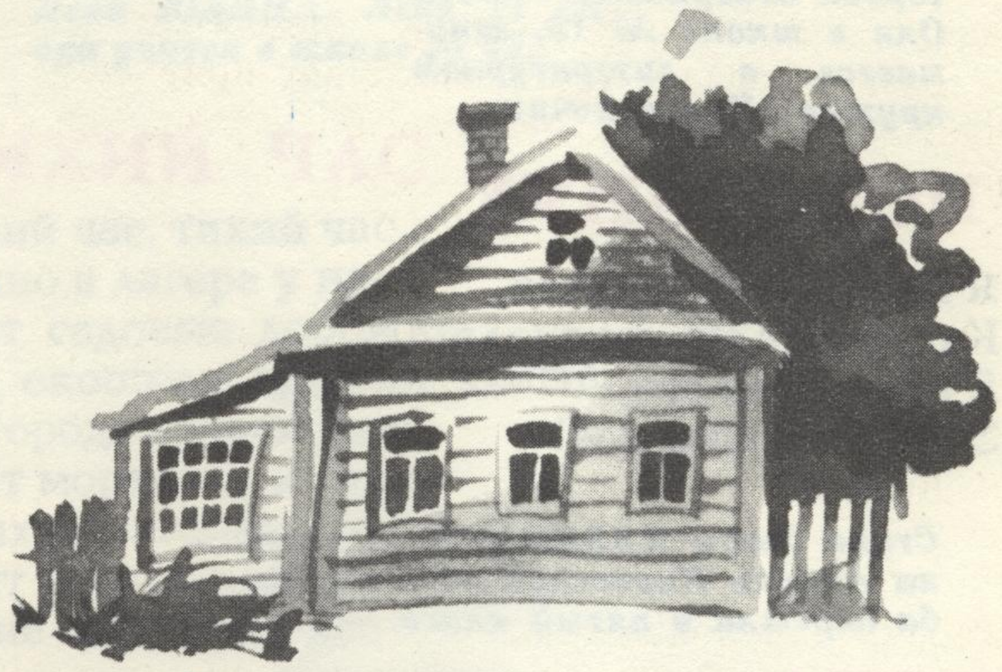
Вода была теплой. Дядя Эдик затащил меня в воду, он поддерживал меня так, чтобы ноги были вверху, а голова под водой. Я булькался, захлебывался и плыл, а потом выскочил на берег, где меня ждал пес.

История с резинкой

Дядя Эдик подтягивал штангу, а я сворачивал резинку. Вдруг подбежала собака и схватила резинку. Мы с собакой растянули резинку. Собака отпустила резинку, и резинка ударила меня по ноге так, что я взлетел на скамейку.

И. ГОЛУБЕВА

БОЙ СОЛНЕЧНЫХ ЧАСОВ



ПОВЕСТЬ

Рисунки В. ДУДКИНА

Первые дни каникул были испорчены суетой. Суетилась мама. Она звонила по телефону каким-то далеким теткам по отцовской линии (одной, которая жила в новом районе и не имела телефона, даже написала письмо!), договаривалась о чем-то, просила; за ужином высыпала дрожащими руками в ложечку порошочек и, сморщившись, запивала водой. Договоры эти рушились, не дожив до торжественной минуты подписания.

Алик чувствовал себя непристроенным чемоданом. Владелец просит на вокзале постеречь его то одного пассажира, то другого. Но все торопятся, пробегают мимо. Такой захудалый потертый чемоданчик. Разве станут доверять незнакомым роскошный, кожаный, толстобокий. Про «захудалый чемоданчик» Алик придумывал уже со зла. Потому, что и сам начал заражаться этой маминой тревогой.

Бабушка уехала в Горький, получив телеграмму от старшей своей дочери, маминой сестры. Путевок в лагерь уже не было. А главное, что они сняли задорого дачу. И на дворе стоял июнь. Алик даже затосковал, представив легкий сладкий запах липы, скрип некрашеной, серой от дождей калитки, ступеньки, на которые ступаешь, замирая, вдруг так прогнили за зиму, что сейчас рухнут, — страх такой веселый, как во время аттракциона. И старую единственную ель у забора с тусклыми от паутины ветками, стерегущую свой сырой, комариный, таинственный угол.

Представляя все это, Алик то и дело поворачивался с боку на бок и никак не мог заснуть. В раскрытое окно поднимался на двенадцатый этаж горячий пыльный запах асфальта, треньканье гитары, собачий лай. В конце концов он, наверное бы, заснул. Но услышал в коридоре мамины легкие, крадущиеся шаги и решил встать.

От луны падала на кухонный стол зеленоватая полоска света. Серебряно сияла в маминых руках чайная ложечка, и порошок, который она высыпала из пакетика, тоже поблескивал алхимическим каким-то светом.

— Мама, ну не плачь... — Алик стал рядом с матерью и даже провел пальцем по ее руке, как будто погладил. — Ну что ты, как будто война или эвакуация... Посмотри, я уже роста такого, как ты. В седьмой класс перешел. Почему я не могу на даче один пожить? Что я там, с голода умру? Или с ходу к трудным подросткам в компанию попаду?

— Ты? Ты? Один? — Мама указывала на него ложечкой, как на редкий экспонат у себя в музее. — Да ты... — Она расплакалась совсем.

Алик гладил мать по руке и рассказывал ей, какой он самостоятельный, положительный человек и как он не пропадет один не то что на даче, а даже на необитаемом острове. Говорил он очень убедительно. Ему показалось теперь, что мать плачет и принимает лекарства не из-за того, что его не к кому пристроить на каникулы. И не его она боится оставить одного. Может, сама боится быть одна, без отца, а теперь и без бабушки.

Планочки, которыми были заколочены ставни, он аккуратно сложил возле печки. Решено было протопить ее как следует сразу, чтобы потом не дымила. Можно было, конечно, этого и не делать.

Погода стояла на редкость сухая, жаркая, и дом прогрелся, высох сам собой. Он потрески-

вал и поскрипывал. Алику этот скрип казался удивленным и радостным, словно дом уже и не надеялся услышать в это лето шаги людей, и вдруг... Алик и сам этому удивлялся.

Решено было, что мама будет приезжать нечасто. Все-таки два часа на электричке да еще полчаса на автобусе.

— Ты и так вон какая бледная стала и худая, — рассуждал Алик, пока они с мамой ужинали на террасе, щурясь от дыма, который неутомимо извергала из себя печь.

— Ну точно как ты, — усмехнулась мама. Но Алик не слышал возражений.

— Конечно, девочки в нашем классе, глядя на тебя, позавидуют. Но ты ж не девчонка. Тебе есть побольше надо.

Мама улыбалась не очень весело и в знак согласия жевала бутерброд.

— Почему-то всегда все бывает наоборот. А у меня особенно, — говорила она. — Было бы лето дождливым, холодным, сидел бы ты в городе. А то вот, пожалуйста, такая жара, что голова, кажется, на кусочки разломится. Разве можно ребенка среди асфальта держать?.. — размышляла она, словно забыв, что Алик ее слушает. — Сто лет уже такой жары не было. И вот один раз в сто лет, словно специально для меня. Мне назло.

— Мам, а бабушка скоро приедет?

— Ну, что ты спрашиваешь, ведь знаешь.

Все в порядке. Алик про себя улыбнулся. Бабушку до осени можно не ждать.

— Мам, а давай в чай смородиновых веток положим.

— Веток? — Мама с изумлением на него поглядела. — Мы что — лоси или зайцы?

— При чем здесь зайцы? — Алик немного обиделся. — Я где-то читал: чай приобретает изумительный вкус, если нет заварки, то очень...

— Разве мы забыли? — переполошилась мама.

— Да нет, не забыли... — Алик вздохнул. Маме немножко не хватало воображения.

«Ничего, — успокоил он сам себя. — Уедешь домой, и будет Алик делать, что пожелает: хочешь — чай пей из смородиновых веток, хочешь — кофе из желудей добывай». — Он блаженно улыбнулся.

За окном качала веткой разросшаяся яблоня, словно кивала согласно, догадываясь об Аликовых мыслях.

Утром сквозь сон он слышал звон чашек на террасе, бульканье воды в умывальнике. Было это, наверное, невероятно рано. Приоткрыв глаза, он даже решил сначала, что выдался пасмурный, без солнца день. В окно вползал свежий сырой воздух. Алик с удовольствием натянул поуютнее теплое толстое одеяло и заснул.

Когда он проснулся, мамы уже не было. Он поискал глазами будильник, чтобы знать время. И не нашел. Они просто забыли привезти его с собой.

Гадая, сколько бы могло быть времени, он прочитал длинное мамино послание — белый лист бумаги, придавленный сахарницей, чтобы не улетел. Свернул его в трубку, как свиток герольда, и пропел в него: «Ту-ту-ту!».

Содержание свитка напоминало свод правил, висящих перед входом в музей: «Пользуйтесь тапочками. Не трогайте экспонаты руками» и так далее. А в конце стояло неожиданно и некстати: «Я тебя очень люблю». Но посетители музеев не читают правил, и Алик не добрался до конца длинного маминого наставления.

Есть почему-то хотелось жутко. Он решил съесть и творог, и колбасу, и салат — все, что стояло на столе, прикрытое полотенчиком.

За завтраком вдруг пришло в голову сделать солнечные часы. В общем-то, время узнавать ему ни к чему. Но без часов было как-то странно, немножко неуютно, глаза все время искали стрелки и циферблат. Без особенной надобности, а просто по привычке.

Для солнечных часов надо было определить, где восток, где запад, где юг и север, и найти в саду идеально ровное место.

Бросив огрызок бутерброда в тарелку с творогом, он вылетел на крыльцо.

Было, наверное, часов восемь утра. От ночной росы высокая трава у крыльца горела и сияла. Листья роняли вниз прозрачные крупные капли. И было так тихо, что казалось, можно услышать их звон. На кусте смородины сидела крошечная неестественно желтая птица и разглядывала незрелые кислые ягоды.

— Кенарь! — Алик удивленно замер.

Может, они с мамой проехали вчера нужную станцию и попали в жаркую неизвестную страну?..

— Кеша, Кеша, Кеша, — зашелестел за оградой мужской слабый голос. В ту же минуту трава возле куста зашевелилась, и кенарь, пискнув и хлопнув крыльями, словно сдернутый, исчез с куста.

Трава опять шевельнулась, словно скользнуло в ней низом длиное узкое существо, уж или змея. Стукнула доска в глухом сером заборе, и все замерло. Только старческий голос за забором все бубнил, удаляясь: «Кеша, Кеша, Кеша».

Алик шагнул в высокую, выше пояса траву и начал пробираться, расталкивая ее в разные стороны. Внизу трава была сухая и звенела, жужжала от кузнечиков и мошек. Ближе к забору начинались мощные толстоствольные лопухи африканской, необыкновенной величины и крапива, уже старая, жилистая, опутанная, как лианами, вьюном. Руки вмиг покраснели и покрылись белыми волдырями. Он упорно продвигался к забору. Все происходило, как во сне: забор был глух, гвозди как будто были на месте, и доски плотно прилегали друг к другу. Он попинал их, подергал. И двинулся в обратный путь. Но зеленая жужжащая стена лопухов и крапивы уже сомкнулась, сплелась снова, как будто и не проходил он сквозь нее только что, оставляя за

собой примятую дорожку. Раздосадованный, он выбрался на дорожку возле крыльца.

На ступеньке сидел и, улыбаясь, смотрел на него маленький тощий мальчишка, чем-то напоминающий шуструю птицу-невеличку: то ли торчащими на макушке, как перья, жесткими волосами, то ли тем, что сидел как-то по-птичьи — вот-вот вспорхнет.

— Ты настоящий, не призрак? — Алик щелкнул его для верности по макушке и присел рядом. Окрапивленные руки горели и чесались, и Алику захотелось отвесить незнакомцу еще один щелбан, позначительнее.

«Призрак» не отвечал, по-прежнему улыбался и молчал.

— Немой?

— Ага.

— То-то и видно... А это что?

Рубашка на животе у немого «призрака» задвигалась, затопорщилась, и в щель — пуговицы были застегнуты неправильно, не по очереди — высунул желтую с глупыми черными глазками голову кенарь.

— Я его дрессирую.

— Доставай-ка.

Лапы кенаря были опутаны крепкой толстой нитью, крылья растрепаны, он безнадежно и очумело ворочал головой из стороны в сторону, и тельце его, крошечное, едва ощутимое под мелкими перьями, дрожало.

Узлов на нитке было навязано много, распутать их было нелегко, а рвать Алик не решался, боясь повредить кенарю лапки.

— Эх ты, дрессировщик! Это что тебе — воздушный змей, чтоб запускать?

— А я «на бантик» еще не умею. Я шнурки зубами потом развязываю. Если не мокрые, то спокойно.

— На бантик... Покупают таким собак, черепах, канареек... А они их «на бантик».

— И ничего не покупают. Я прошу, прошу, и не покупают. А Кешка не мой. — Мальчик-птица вздохнул. — Вон его, Антона Марковича. — За забором опять зашаркали старческие шаги, и тот же голос упрямо затвердил: «Кеша, Кеша, Кеша». Словно старик чувствовал неведомо как, таинственным образом, что желтый дрожащий Кешка рядом, и, побродив по своему саду, упорно возвращался к забору.

Кешка, сомлевший от перенесенных страданий, слыша знакомый голос, начинал дергаться и суетиться.

— А ну, неси его обратно, птицелов несчастный!

— Не пойду. — Мальчишка мгновенно и привычно сморщился, приготовившись рыдать.

— Да перестань ты... Может, он сам полетит? — Алик потихоньку стал разжимать ладони.

— Не-а. Не пойдет он в клетку. Он сразу на Канарские острова вернется. — Мальчик так убежденно это сообщил, что Алик невольно захлопнул ладони.

Голубая калитка была закрыта. Алику пришлось долго стучать, пока наконец он не услышал знакомые уже шаги никогда им не виданного человека.

Мальчик Тоша все это время сидел в канаве, заросшей лопухами, и подавал оттуда советы.

— Ты за веревочку дерни. Вон, видишь, веревочка. Дверь и откроется...

Щелкнула задвижка. И перед ним очутился крошечный, ростом, кажется, ненамного больше Тошки, старичок. Некоторое время Алик стоял молча, вытаращив глаза. И было на что посмотреть. Маленький старик в аккуратной рубашечке в голубой горошек был совершенно отполированно лыс. Зато от уха до уха обрамляла его лицо ослепительно белая, роскошная борода. Такого неестественно белого ослепительного цвета бывали только пододеяльники, которые Аликова бабушка, откипятив, развешивала на солнцепеке.

Нос, губы — все пряталось в этой бороде, только небесно-голубые, как у четырехлетнего ребенка, глаза глядели на Алика несколько печально.

Он был похож на заколдованного мальчика, которого за плохое поведение превратили ненадолго в старичка. А натяни ему на лысину колпак, и, пожалуйста,— гном, самый настоящий гном.

Пока Алик завороженно, забыв стесняться, разглядывал старика, тот протянул руку и достал из Аликовых ладоней своего кенаря.

— Кеша, Кеша, где ты был... Ну, иди отдыхай.— Желтая птица, посидев на стариковском крошечном пальце, вспорхнула и через раскрытое окно залетела в дом.

— Спасибо.— Из-за бороды Алику не видно было, улыбаются губы старика или, наоборот, сердито поджаты. Но глаза не сердились, глаза смотрели на Алика спокойно.

— Ну, я пошел,— Алик начал пятиться.

— Погоди,— задержал его старичок.— Когда понадобится ко мне зайти, не стучи. Вот за эту веревочку дерни.— Старик потянул шнурок, высовывающийся из дырочки в заборе. В ту же секунду колокольчик, спрятанный по другую сторону, коротко зазвенел, как будто сказал: «День-день».

И была это сущая правда. Потому что утро давно кончилось. И день, ослепительный, солнечный, без единого облачка в синем небе, длинный летний день вступил в свои права.

Мальчик Тоша появлялся обычно, когда Алик принимался кулинарничать. И этим довершал свое сходство с воробьем, который всегда там, где сыплются крошки.

— Тебя что, дома не кормят?— спрашивал Алик.

— Кормят,— тяжко вздыхал «воробей».— Кормят и кормят. Хоть умри. Но я не ем,— победоносно сообщал он.— Я с тобой буду есть. С тобой интересней.

Интересного было немного. Все, что можно было есть, не готовя: колбаса, печенье, хлеб с маслом,— истощалось и исчезало с поразительной быстротой. Два дня Алик раскачивался

Взмахивая сеткой, Алик зашагал домой. Он не сразу заметил впереди ребят с велосипедами.

в гамаке, читая фантастику. Иногда он наведывался в дом, шарил в холодильнике, в шкафчиках. Но скоро искать стало особенно нечего.

На ум пришел один смешной детский рассказ, который он читал когда-то давно. Про двух мальчишек, которые жили на даче без родителей. Как они съели все что было вкусного в доме, а потом им пришлось полоть огород соседке, чтобы она сварила им кашу. Но на сей раз ничего смешного в этом рассказе Алик не обнаружил.

— А ты в магазин сходи,— предложил ему мальчик Тоша, выпорхнув в очередной раз из какой-то одному ему ведомой щели в заборе.— Я тебе покажу где.

Столь простое решение трудностей показалось Алику, два дня не спускавшемуся на землю, просто гениальным.

Узкие улицы дачного поселка, над которыми смыкали ветви посаженные в два ряда огромные липы, были пусты. Где-то пищали за заборами дети, уговаривали их, воркуя, старушки. Кое-где сидели в тени на крашеных скамеечках старички. Иногда проезжали на велосипедах мальчики и девочки. А в общем, была тишина и пустота. Как в сказке про Мальчиша-Кибальчиша, когда все взрослые ушли на войну с буржуинами, а дома остались старики и дети.

Каменный дом с узкими, как бойницы, окнами, разделенный на две части: на магазин и на кинотеатр,— и асфальтовый «пятачок» перед ним были единственным оживленным местом. Заняв очередь за старушкой с бидоном, Алик принялся перебирать в кошельке оставленные матерью деньги. Надо было решить, что купить.

Время от времени на асфальтовый «пятачок» выезжал очередной велосипедист и, сделав круг, как на цирковой арене, притормаживал у маленькой киноафишки. Афишка была единственной ежедневной новостью в поселке, и появиться перед ней, сделать велосипедный круг на асфальтовом «пятачке» перед магазином считал, очевидно, долгом каждый.

Размахивая сеткой, потяжелевшей от батона, мятных пряников и карамели с удивительным роскошным названием «Клубника со сливками», Алик зашагал домой. Мальчик Тоша то скакал рядом, то исчезал в придорожных кустах, с птичьей целеустремленностью гоняясь за какими-то насекомыми, стручками акаций, недозрелыми ягодами шиповника.

Алик не сразу заметил впереди на дороге ребят с велосипедами. В том, как они расположились, казалось, не было никакого порядка. Просто остановились на дороге поболтать. Тем не менее порядок был. Как вокруг елки, стояли они вокруг девочки, разглядеть которую Алик успел еще около магазина. Высокая, кажется, выше его самого, она держалась как-то особенно прямо. По спине спускались две светлые косы, казавшиеся тяжелыми для ее головы, словно были взяты из витрины театрального магазина, где лежали раньше среди других париков и коробок с гримом. Она была чем-то похожа на сестренку его лучшего друга Ромки. Хотя той было всего пять лет, а этой, кажется, столько же, сколько Алику. У обеих на лице была такая гримаска, словно они держат во рту что-то кислое, и в этом повинны находящиеся вокруг них люди.

Девочка эта Алику не понравилась сразу же, что называется, с первого взгляда. Может быть, в этом виновата была Ромкина сестра, из-за капризов которой Ромке часто попадало... Алику всегда хотелось хоть разок как следует ее отлупить.

Независимо и энергично помахивая авоськой, он продолжал свой путь.

Его всегда удивляло, как совершенно нормальные ребята, такие же, как Ромка, как он сам, собравшись компанией человек в пять и толпясь на каком-нибудь перекрестке, неожиданно преображаются. Даже голоса у них меняются, как у артистов ТЮЗа. И почему-то они не в состоянии пропустить мимо человека, не высказав о нем свое мнение.

Но эти, кажется, не обращали на него внимания. Они слушали подстриженного «под горшок» парня, опиравшегося на велосипед какой-то невиданной Аликом марки, с оранжевым рожком-клаксоном на руле. Велосипед так сиял и сверкал разноцветными эмалями, был так необычен, что Алик поневоле на него загляделся.

— Что же вы не здороваетесь? У нас тут, в деревне, так принято...— услышал он неожиданно голос, чересчур отчетливо произносящий каждое слово. Если бы существовали говорящие куклы — с черными хлопающими нейлоновыми ресницами, в кружевных панталончиках,— они бы, наверное, говорили точно так. Странно, что он не удивился: у «длинной» был именно такой голос, каким он заранее его представлял.

Стоящие вокруг «елки» засмеялись.

Он прошел мимо, стараясь не краснеть. И вдруг за спиной — резкий квакающий звук. Уже через секунду до него дошло, что это клаксон. Но было поздно: от неожиданности он вздрогнул и оглянулся.

Провожаемый хохотом, Алик зашагал к дому, стараясь не очень торопиться.

Что-то было еще неприятное... Он не сразу сообразил что. Только разместившись в гамаке с горстью карамели и книгой, понял: неприятное — это мальчик Тошка, который, когда он уходил, крутился вокруг велосипедистов.

Никаких билетов не было. В дверях «кинотеатра» стоял длинный рыжий парень в тренировочных штанах и белой майке и собирал у входящих деньги. Тренировочные штаны и выпирающие ключицы кассира никак не вязались с его гордым греческим профилем, который больше подошел какому-нибудь мраморному метателю диска из музея. А величавая печаль, с которой парень складывал деньги в кожаный кошель! Такое лицо было, наверное, у знаменитого древнегреческого поэта-мудреца.

Не теряя ни капли своей величавости, парень успевал звонко отщелкивать крутившихся у входа малышей.

«Зал», уставленный деревянными скамейками, был полон. Алик поискал глазами место среди старушек, державших на коленях внуков в ползунках, и еле успел сесть, как свет погас.

Фильм был исторический, с Жаном Маре в главной роли. Действие его происходило в самом начале правления короля Людовика Тринадцатого. Алик читал кое-что про маршала д'Анкра — Кончино Кончини — и его жену Галигаи, имевшую большое влияние на королеву Марию Медичи. Поэтому среди маркизов и виконтов с пышными французскими именами он чувствовал себя как дома.

В дверях «кинотеатра» стоял длинный рыжий парень и собирал у входящих деньги.

Все бы было прекрасно, если бы не сидящий впереди мальчишка, видно, раза три уже смотревший этот фильм. В самых интересных местах, когда зал замирал, он вопил: «А вот он сейчас ему покажет!» и пересказывал все, что должно было произойти. Лица его Алик не видел, только мерцала в экранном свете его стриженая шишкастая голова.

Глаза привыкли к темноте, и, оглядевшись, он заметил позади, у самой стены, свободное место. Провожаемый шиканьем, он все-таки добрался до него.

В это время жемчужно-белая лошадь Людовика, опоенная зельем, сорвалась с места и понеслась к обрыву. Король никогда не был хорошим наездником, а тут сбесившаяся лошадь... По счастью, Жан Маре не дремал и вовремя прыгнул за слабосильным Людовиком в реку.

Только теперь Алик перевел дыхание. Рядом с ним, вытянув длинную шею, впившись глазами в экран сидела давешняя светлокосая девица. За ней чуть дальше парень, стриженный «под горшок», темноглазая кругленькая девочка, кажется, ее звали Ритой...

По тому, как дрогнули у девочки губы и ресницы, Алик понял: она заметила, как он ее рассматривает. Но даже не шевельнулась, как будто место возле нее продолжало пустовать.

Не успел он опять «уйти в фильм», как какой-то парень уже дергал его за рукав.

— Давай отсюда! Расселся... Это мое место, — шипел он.

В другой раз Алик , может, и попробовал бы ему объяснить, что места без номеров и т. д. Но парень вцепился чересчур уж нахально, и руки у него были противные, влажные. Забыв про экран, соседи по скамейке заинтересованно наблюдали за ними. Парень был «их». И уже не очень рассуждая, Алик ткнул претендента в мягкое плечо. Неизвестно, чем бы вся эта беззвучная возня кончилась, потому что претендент уже поднимался с пола... Но кукольный отчетливый голос вежливо скомандовал:

— Иди, Юрик, отдохни. Что ты места себе не найдешь?

— Дэ? — Разгоряченный начавшейся схваткой, Юрик подпрыгивал, подтягивая шорты, как боксер на ринге, и не очень, видимо, желал отдыхать.

— Тебе что, повторить? — На этот раз голос подал парень, стриженный «под горшок».

По тому, как Юрик сразу успокоился и как быстро растворился в темноте, Алик понял, кто по-настоящему в компании был главным.

Ночью начался дождь. Его так давно не было, что Алик даже проснулся и долго слушал позабытое мерное постукивание. Почему так

хорошо спать, когда на улице дождь? Он заснул, так и не сумев ответить себе на этот вопрос.

Проснулся он опять под ровное водяное шуршанье. Дождь продолжался. Он не слабел, не стихал и не усиливался. Он все лил и лил, одинаковый бесконечный дождик.

Нельзя было определить время даже приблизительно. Солнечные часы, которые он устроил в саду, при отсутствии солнца были бесполезны.

Теперь он понял: когда в доме нет часов, а за окном льет одинаковый бесконечный дождь, жить человеку просто невозможно. Сколько времени? Что сейчас — утро, полдень, сумерки? Одна и та же водяная мгла за окном. И вообще, какой день недели? Может быть, он проспал уже двое суток под это усыпляющее постукиванье?

Натянул тапочки, взял черный бабушкин зонт, который они привезли с собой, и вышел на крыльцо. Дождь застучал по зонту, как швейная машина, как будто хотел прошить его иголками-каплями насквозь.

Пока добежал до калитки с колокольчиком, тапочки промокли. Они чавкали и хлюпали. Кроме этого чавканья да шуршанья дождя, ничего не было слышно. На улице была тишина.

Колокольчик сказал: «В дом-м, в дом-м». И Алик с ним согласился — дождь был холодный. Но сколько колокольчик ни повторял свое приглашение, голубая калитка не открывалась. Пришлось лезть через забор.

Сквозь красные, поблескивающие от воды цветы на высоких стеблях он пробрался к окну. Цветы эти не сжимались, не прятались от дождя, как полевые. Они стояли гордо и прямо, подставив дождю свои красные, будто лакированные крупные чашечки. И в них, словно в бочку, которую подставляют под водосточную трубу, собиралась вода. Черная их бархатная сердцевина под слоем воды казалась похожей на морского ежа.

Он постучал в голубые ставни сначала тихо, потом сильнее. Ему не терпелось услышать человеческий голос. Послышалось щелканье шпингалета и... Алик чуть не поскользнулся на мокрой черной земле и не сел в красные цветы только чудом. Проще всего было бы предположить, что он еще спит, и то, что происходит, сон. На голове у старика действительно был колпак. Голубой колпак с кисточкой на конце, свисающей до уха.

— О чем неотложном ты собирался мне сообщить? — ежась от сырости, спросил старичок.

— Я?

— Если ты это ты, то ты, а не я... — И вообще! — запутавшись в местоимениях и окончательно просыпаясь, разволновался гном: — Кто к кому стучится? Я или ты?

— Я... — Алик громко хлюпнул тапочками. — Я хотел спросить, который сейчас час?

— Чудесно. — Старичок тоненько засмеялся. — Ты просто редкостный мальчик. Сейчас всего-навсего половина пятого утра.

— Утра? — Алик сразу успокоился. — А я уж боялся, что вечера...

— Ну, хватит болтать ерунду, хлюпать тапочками и мять мои цветы. Залезай греться. — Старичок протянул Алику крошечную суховатую руку, за которую было так же боязно браться, как за руку фараоновой мумии.

Оставляя за собой мокрые следы, Алик «прошел» в комнату, немножко удивляясь, что пол в ней цвета обычного, а не голубого.

Канарь нервно заметался в своей клетке.

— Теперь, я думаю, ты хочешь спросить, почему у меня на голове колпак... — заметил старичок, суетливо снуя по комнате.

— Хочу. — Сердце у Алика сжалось от какого-то сладкого детсадовского позабытого давно ужаса: старичок явно умел читать чужие мысли.

— Комары, голубчик, комары. Спасаюсь таким образом. — Старик погладил задумчиво лысину. — Куда я мог деть чайник? — забормотал он.

— А надо, знаете, как искать? — загорелся Алик. — Где всего меньше можно ожидать. Я лично всегда так.

— Где же меньше всего можно ожидать обнаружить чайник?

Алик усмехнулся, несколько разочаровываясь в сверхчеловеческих способностях старичка.

— Ну, под кроватью, например...

Они юркнули под кровать одновременно, стукнувшись в темноте лбами.

— Удивительно!

Чайник стоял под кроватью.

— Как я мог позабыть! — засмеялся старичок. — Вчера поленился затопить печку и ночью замерз. Вскипятил чайник и поставил в постель. Мне об этом способе одна старушка рассказывала. Постель стала горячая, как грелка. Я заснул мертвым сном. И проснулся уж от стука...

— А давайте я вам печку протоплю? — предложил Алик.

— Мне? Печку? — Старик растерянно улыбнулся.

— Да вы не стесняйтесь, — успокоил его Алик. — Это ведь пустяк.

— Пустяк? Да нет, поверь мне, не такой уж это пустяк... — задумчиво глядя на Алика, сказал Антон Маркович.

Пока Антон Маркович возился на кухне, Алик, переодевшись в его толстые шерстяные носки, исследовал комнату. Можно ли по предметам, которые населяют комнату, определить, кто в ней живет? Наверно, можно. Но он, Алик, видно, не был награжден такой способностью. Корзинка с красными клубками шерсти и торчащими из них спицами, клубки — как красные сердца, пронзенные стрелами... Свернутые в трубочку карты на этажерке. Алик приставил одну из трубочек к глазам, но что там внутри на них изображено, определить не мог.

Длинные ряды книг с географическими названиями... «Надо будет попросить», — мельком подумал он.

— О чем неотложном ты собирался мне сообщить? — ежась от сырости, спросил старичок.

На этажерке он еще заметил странную деревянную чашку, украшенную по ободку черными бегущими африканскими фигурками.

И такой невероятный порядок, ни пылинки. Обычно в книгах пишут, что такое бывает на корабле.

Допивая горячее молоко за большим круглым столом, покрытым скатертью в красную клетку, Алик вдруг почувствовал, что засыпает. То ли оттого, что стол был большим и удобным, не было в нем хрупкости и ненадежности, как у их маленького кухонного столика. То ли горячий светлый пар из кастрюльки с молоком обладал усыпляющим свойством, но только глаза у Алика стали неудержимо и сладко смыкаться, а локти разъезжаться по столу.

Он только успел спросить:

— Антон Маркович, а что это у вас за книга такая... Расскажите...

Может быть, конечно, и это уже ему снилось. Как снилось, что борода Антона Марковича стала клубиться на манер молочного белого пара, становясь все огромней и воздушней, пока не стало ясно, что это вовсе уже не борода, а самое настоящее облако.

К огромному несчастью Антона Марковича, ветер, разогнавший к этому времени дождевые тучи, приоткрыл окна, рванул облако-бороду и потащил ее за собой вместе с Антоном Марковичем в голубом колпаке, съехавшем на ухо. Едва успев подняться над домом, старичок уже потерял свои домашние теплые тапочки. Алик вздрогнул, когда, упав, они стукнули по крыше.

А по красным клеткам скатерти уже расхаживали, пользуясь отсутствием хозяина, неведомо откуда взявшиеся шахматные фигурки. Пешки, блондинки и брюнетки, все модно подстриженные, переругивались между собой, обзывая друг друга воображалами и подлизами. А кони обеих мастей, глупо столпившись в углу, потихоньку курили. Вдруг пешки примолкли, а кони быстро и привычно пригасили окурки: по доске, торжественно неся свои косы, шла белая королева. Королева Лена. И на сей раз в ее лице не было ничего кислого и притворного. Она улыбнулась Алику и помахала своей тонкой рукой.

Алик тоже помахал ей рукой и с некоторым сожалением покинул голубой домик Антона Марковича — надо было отправляться на поиски несчастного старика.

По каким законам перемещения воздушных масс занесло к побережью Африки Антона Марковича, неизвестно. И что он испытывал, проносясь над Атлантическим океаном, тоже неизвестно. Самому Алику, чтобы попасть туда, не понадобилось ровно никаких усилий. Его даже не очень удивило, что попал он к тому же в восемнадцатое столетие.

Антона Марковича он увидел сразу. В своем печальном поникшем колпаке старичок сидел

под банановым деревом и варил что-то в глиняном горшке на маленьком костерке. От розовых языков костра на глиняных боках оставались бархатные мягкие тени сажи.

— Что это у вас тут побулькивает? — спросил Алик, как можно безразличнее.

От карамели «Клубника со сливками» в животе у него давным-давно уже было противно и неуютно. И если бы горшок таил в себе разобычнейшие щи из свежей капустки и картошечки, с косточкой и оранжевыми кружочками моркови, Алик, честно говоря, был бы очень рад такому сну.

— Бананы варю, — буднично ответил старичок, аккуратно помешивая варево бамбуковой палочкой. Он не успел больше ничего сказать.

Со страшными воинственными криками к ним приближались чернокожие огромные люди. Алик и глазом не успел моргнуть, как Антон Маркович с чудной, нестариковской силой подхватил его под мышку и нырнул в зеленую лохматую тропическую растительность. Черные воины промчались мимо.

— Ты, наверное, хочешь пить? — тихонечко поглаживая Алика по голове, спросил Антон Маркович, когда все стихло и они опять вернулись к уцелевшему костерку.

Алика немножко трясло от приключений. И стоило старику произнести эти слова, как ему и в самом деле захотелось пить, да так, что даже собственный язык показался деревянным.

В три глотка он выпил все, что было в протянутой ему, до странности знакомой деревянной чашке, и — заснул.

«Как же так? — думал он, засыпая. — Я ведь и так уже сплю. А теперь еще и во сне сплю... Что, если в этом сне мне приснится еще один сон? Тогда я запутаюсь окончательно...»

И ему приснился сон во сне. Был в нем неведомый Алику раньше король Теноке... Король племени, которое радушно приютило у себя Антона Марковича за то, что тот охранял от набегов слонов банановые плантации.

Долго снилось Алику лицо Теноке с черными спокойными глазами...

Проснулся он, очевидно, уже поздним вечером. У входа в шалашик горел все тот же костерок. Возможно, попавший в Африку восемнадцатого столетия Антон Маркович утратил искусство добывания огня, и теперь ему приходилось поддерживать его постоянно.

Борода Антона Марковича, сидевшего на чурбачке возле этого огня, казалась оранжевой от метавшихся по ней огненных бликов. Алику даже спросонок показалось, что она загорелась, и он испуганно вскрикнул. Но старичок как ни в чем не бывало погладил «огненную» бороду.

— Уж не заболел ли? — спросил он Алика. — Зелье-то безвредное...

— Вот, если вы мне сейчас же не растолкуете, в чем дело, тогда я действительно заболею! — крикнул Алик.

— Дело, дело... — забормотал старичок. — Дело плохо... На Теноке и его соплеменников напали мбира — племя охотников за невольниками. Мбира — это, чтоб ты знал, по-африкански значит «хищная птица»... Сейчас в заливе Рио-Габао стоит корабль одного англичанина. Вот уж кто по праву заслуживает это имя. Один из самых удачливых и хитрых торговцев. Это он подкупил племя, которое напало на Теноке, и дал им ружья...

— При нем всегда юнга, — помолчав, добавил Антон Маркович. — Хитрый маленький мальчишка. Осторожный, как муха цеце, злой, как детеныш гориллы, и пронырливый, как термит.

— И вы мне ничего не сказали раньше! И вы меня заставили спать! — Алик возмущенно вскочил и тут же сел, стукнувшись головой о бамбуковые жерди.

— Есть люди, — спокойно сказал Антон Маркович, глядя на тени деревьев, танцующие, как шаманы, — которым их маленькие обиды кажутся важнее всего на свете. Из-за них они могут даже не заметить настоящего горя других людей. Ты меня понимаешь?

— Чего уж тут не понять. — Алик покраснел. — Дайте мне хоть десять минут спокойно посидеть... У меня такая обидчивость особенная — она быстро проходит. И не думайте, я не такой.

— Не буду, — согласился Антон Маркович.

— Что же нам делать? — ровно через десять минут спросил Алик. — Ведь надо же что-то делать.

Парусник англичанина покачивался в голубой морской дымке, позолоченной ранним солнцем. Антон Маркович и Алик, спрятавшись в лесу, наблюдали за ним. Они вошли в густую зелень, словно сами себя вмуровали в зеленую стену. Казалось, выйти из нее, обвивающей и обволакивающей, уже невозможно. Но зато никто их не видел, а они видели все.

На берегу было оживленно. Тяжело шагая по песку, прогуливались матросы. В сторонке, окруженный свитой, сидел вождь племени мбира. Толстенький, улыбающийся, своей пухлостью и миловидностью он напоминал черного пупса с магазинной полки. Цепляясь за края курток коричневыми, будто человеческими, пальцами, бегала маленькая шимпанзе в красной юбке. Высокие тяжелые матросские сапоги оставляли на песке глубокие, медленно затягивающиеся следы. Следы звереныша затягивало быстро, — так исчезают мгновенно ямка и холмик на песке, если подуть в него, когда лежишь и загораешь. Впрочем, всего этого Алик видеть не мог. Но они ждали уже долго, и ощущение опасности прошло, и в голову лезли всякие ерундовые, ничего не значащие мысли.

Вообще все, что происходило на берегу: сверкающий медью корабль, разноцветные бусы на шее пухлого негра и его белозубая улыбка, красная юбка обезьянки, мелькающая то тут, то там, неторопливое разгуливание лю-

дей,— все казалось праздничным и беззаботным. Словно люди переговаривались и улыбались в ожидании увлекательного путешествия.

Невольники шли по песку, скованные железом. Да, теперь это были уже невольники, и легкие, неслышные обычно шаги африканцев казались тяжелыми и неловкими.

На берегу появился и капитан. Он был бы тщедушен и жалок, если бы не стоял так крепко, широко расставив ноги. Его тяжелые ботфорты, словно болотом, намертво были втянуты песком.

С величавой небрежностью он считал невольников. Алик видел, как проходили они друг за другом и садились в трепетавшую на прибое шлюпку. Мальчишка с птичьим острым носом, сидевший у ног капитана, быстро писал.

Левой рукой Мбира делал такое легкое незаметное движение, будто чуть подгонял. Может быть, это помогало ему считать. На запястье правой покачивалась плетка из кожи гиппопотама. Длинные полоски толстой кожи, высушенные и растянутые, свивались упругими кольцами, края их были остры. При одном взгляде на нее у Алика похолодели руки.

Десять, двадцать, тридцать. Сколько он уже насчитал? Движение вдруг приостановилось. Возле Мбира стоял Теноке. Стоял и смотрел на него спокойно и внимательно, как смотрел еще вчера на Алика. Словно он, Теноке, не очень понимал, что происходит, что за человек одержал над ним верх, и хотел во всем спокойно разобраться. Мбира казался рядом с ним крошечным, как обычный человек перед мраморным Давидом. Только Теноке был не мраморный, а черный и живой. Приподнявшись на цыпочках, Мбира поднял правую руку, кольца плетки, свистя, расправились в воздухе...

— Теноке! — заорал Алик, отталкивая руки Антона Марковича и вырываясь из зеленого тайника...

— Тише, тише, голубчик... Всю посуду переколотишь. Это же надо так крепко заснуть,— Антон Маркович придерживал Алика своими сухонькими белыми ручками.

Красная онемевшая щека покалывала тысячью иголок. Он так и спал, уткнувшись в раскрытую книгу. Встряхнув головой, как собака после купания, Алик перевел взгляд на нее... Перед ним был Теноке. Могучий несчастный Теноке...

«Работа скульптора Огюста Бартольди»,— прочитал он подпись под репродукцией.

У Юрика на ногах были носочки полосатые и сандалии. Носочки эти, с завернутым аккуратно краешком, и сандалики с дырочками Алик хорошо помнил по собственному детству. Без носочков нельзя — натрешь ногу, без сандаликов — упаси бог — на стекло наткнешься. Из-за этих наивных «бабушкиных» носочков Алик даже сочувствовал своему противнику, при встречах бросавшему на него тайные «кровожадные» взгляды. Драться Алику совершенно не хотелось. Еще раз увидеть, как Юрик полетит, задрав к небу полосатые носочки? Алик вовсе не считал себя силачом. Но Юрик... Такие вот мальчики всегда гонят в конце дачной велосипедной кавалькады, отстав от нее шагов на двадцать. Изо всех сил жмут на педали, красные до самых ушей, проклиная бабушкины носочки, собственную откормленность, нежный румянец, чистые уши...

Если не считать Юрика, то остальное общество к нему благоволило. Он ходил к ним в гости, на дачу к Гольцеву, туда, где они собирались.

Глядя на них раньше со стороны, Алик тайно завидовал тому, что они, как ниточками, связаны давним знакомством, говорят о чем-то своем, очевидно, очень интересном и смешном, и в этом своем содружестве им привычно и хорошо, и никто больше не нужен. Своей дружбой, своей причастностью к «клану» они уже заранее отгораживаются от других.

Теперь, вытянувшись в гольцевском шезлонге, окутанный смородиновым запахом разогретых на солнце листьев, Алик чувствовал медленное и неуклонное приближение скуки. То ли от этого смородинового запаха, действующего, как африканское зелье, то ли от Сашкиного голоса, бубнящего что-то про мотороллер...

«Может, я ему просто завидую? — испуганно подумал он, глядя на Сашкину джинсовую кепочку с «велосипедным» длинным козырьком. Завидую из-за этого чертова мотороллера, из-за велосипеда заграничного. Хорош бы я был рядом с ним на своем дребезжащем «Школьнике». Хорошо, что в Москве оставил. А эта Лена...» Алик представил ее кислую, снисходительную улыбку.

Представив Сашкину сестру в кринолине, в многослойном круглом воротнике средневековой дамы и себя, посылающего вызов на турнире, Алик рассмеялся. Турнир: рыцари состязаются, у кого велосипед фирменней и какой «лейбл» пришит на кольчуге.

— Расскажи, чего смеешься? А то что-то скука жуткая,— подала голос «средневековая дама», раскачивая босоножкой.— Или это от жары скучно?

— От жары,— согласился Алик. Ему захотелось к себе домой. Почему-то показалось, что там, в его углу, отгороженном огромной елью, прохладнее, там лежат стопкой книги и качается от ветра пустой гамак, на белом переплетении его веревок сидит бабочка цвета какао с рыжим золотистым узором на крыльях. Сто лет уже ему хочется разглядеть как следует такую. И вот она прилетела, чтобы покачаться на его пустом гамаке, а он здесь.

— Расскажи, расскажи...

— Ну, хорошо,— Алик покорно согласился. Еще в детском саду он был признанным рассказчиком. До сих пор помнит, как сладко смыкались глаза, а Ромкин голос, они уже тогда дружили, талдычил: «Ну расскажи, дальше расскажи...»

— Расскажу. В первом классе меня посадили за парту с одним мальчиком... — Алик заметил, как его слушатели приготовились смеяться, даже губы сложили особенно. — У меня была тогда толстая синяя книжка сказок Андерсена. Так вот, принц на картинке в этой книжке был в точности такой, как этот мальчик. Неизвестно почему, но я, словно девочка, гордился, что он сидит рядом со мной. Я просто мечтал с ним дружить. Я желал быть ему преданным. Но самое ужасное, что ему это было совершенно не нужно. Он хотел дружить с другим мальчиком из нашего класса. У того были маленькие английские машинки, в которых все, как у настоящих, он хлопал пузыри из баблгама и имел такой роскошный набор фломастеров, что ими можно было бы нарисовать весь мир. Поэтому мой сосед по парте поднял однажды руку и попросил пересадить его к этому мальчику. А ко мне посадили девочку.

— Которая была такая красивая, словно вышла из синей книжки, — засмеялась Лена.

— Но она тоже подняла однажды на уроке руку. Правда, это уже было во втором классс. — подхватил Гольцев.

Рита и Юрик засмеялись.

— Ну вот, я же говорил, что расскажу смешное. — Алик немного обиделся.

— Дурачок был твой сосед, — утешил его Сашка. — Из-за каких-то фломастеров...

— Ну это же было в первом классе... — Алику больше не хотелось разговаривать.

— Хочешь сказать, что в седьмом он пересел бы из-за чего-нибудь подороже?

— Не знаю... Они потом переехали, и он в нашу школу больше не ходил.

...Тогда он вернулся из школы и стал кричать на маму. Он тоже хочет резинки, хочет фломастер, красивые машинки. Он топал ногами, он плакал. Ему было нестерпимо обидно: его отвергли, с ним не захотели дружить.

Мама закрыла его одного в комнате. Он ревел так долго, что начал даже икать. Потом, он помнит, было так легко и пусто, как бывает только после долгих слез. Мама пришла к нему. Она гладила его по голове. И что-то говорила. Что дружбу нельзя выменять на игрушки. И что дело не в том, что у нее нет возможности доставать ему такие вещи... А он слушал, а потом спросил:

— А вдруг в том?

— Нет, не в том. Иначе у тебя не было бы Ромки.

Теперь ему вдруг до смерти надоел медленный скучный разговор у Гольцевых. С длиннейшими паузами, во время которых все киснет и замирает от жары, только зудят обалдевшие от зноя мухи.

— Ну что ты все заладила? — набросился он вдруг на Риту. — Про сабо, про джинсы, хорошо красить глаза или нехорошо. Ну, накрась их. И уши заодно. И успокойся! — Он разъярился, он просто себя не узнавал. — Ты про доктора Швейцера слышала когда-нибудь? Про «черные дыры» во Вселенной слышала? Вот давай про них поговорим!

— А ты не ори. — Рита нисколько не смутилась. — Говорю, о чем мне интересно. И ты меня не учи.

— Не учи Риту красить уши, — засмеялся Сашка. За ним засмеялись остальные.

Через полчаса, когда неведомо откуда взявшаяся ярость прошла, он был благодарен Сашке за то, что он так легко утряс возникавшую ссору.

Потом, оставшись один, он вспомнил, что Лена наблюдала за тем, как он орал на ее подругу, спокойно, даже, кажется, с некоторым удовлетворением.

«Все девчонки такие, — подумал он. — Что такое дружба — им просто неизвестно. И вообще — кукла, кислятина... Что еще? Еще, наверное, дура. Только очень глупые люди могут так себе нравиться».

С гамака его выживали комары. Звеня, они атаковали его. Гибли. На смену им являлись комары-мстители, еще злее и неутомимее. Но он не уходил, хотя и читать уже было невозможно. В сумерках строчки кривились и растворялись. Отрываясь от них, он смотрел на небо. Оно темнело. Словно театральная сцена, на которой совершаются невидимые зрителю и волнующие его приготовления. Вот сейчас появится другой — голубой мерцающий свет. И зрители увидят звезды. Увидят лунный диск.

Он вдруг услышал шорох и закрыл глаза. Сейчас он откроет их. И перед ним стоит «кукла», «кислятина». Косы спрятаны под белую косынку, которая кажется голубоватой от звездного бледного света. И звездного цвета глаза. Такие вот утопленницы появлялись у Гоголя в майскую ночь.

Шорох затих, стукнула доска забора. Он уже знал этот лаз. Открыл глаза. Сияя звездного цвета колпаком, перед ним стоял Антон Маркович.

— У тебя есть какой-нибудь режим дня? — неласково спросил он.

— Нету, — честно признался Алик. — У меня каникулы.

— А если мамаша ваша спросит у меня, как вы тут пользуетесь своей самостоятельностью? Что мне сказать?

— Ничего не говорите. — Разочарованный Алик чувствовал себя нахальным. — А я тогда не скажу, что вы лазаете через дырку в заборе и что чайник у вас под кроватью.

— Заботишься о моей репутации.

— Да это все пустяки, Антон Маркович, — успокоил его Алик. — Вы мне скажите лучше... Может быть так, что человек тебе не нравится и... все-таки нравится?

— Может быть.

— Так что же делать? — Алик загрустил.

— Пойти спать. Все-таки сейчас двенадцать часов. А утром сам что-нибудь придумаешь.

— Антон Маркович... — укоризненно покачал головой Алик. — Ну зачем вы? Лучше

признайтесь, что сами не знаете, что ответить.

— Не знаю,— спокойно согласился старичок.— И что тут предосудительного? По-твоему, если человеку много лет, он должен все на свете знать? Если так считаешь, тебе нечего со мной разговаривать. Читай лучше энциклопедию. Есть ситуации, в которых никто не даст тебе совета. Ну, может быть, кто-нибудь и начнет тебе их давать, да ты не слушай. Могу только сказать одно. Если ты вцепился в чужие недостатки, ничего хорошего в этом нет. Лучше обращать внимание на достоинства. Ведь чем-то этот человек тебе нравится?

— А если нравится красота?

— Красота?

— Да. Ну, нос там, глаза, волосы...

— Тогда...— Антон Маркович вздохнул.— Может быть, тогда надо подождать. Если нравится только это, то скоро должно пройти.

— Я подожду,— согласился Алик.

— Ну вот...— разволновался старичок.— Теперь он будет ждать окончания эксперимента. А потом скажет: что-то вы, уважаемый, напутали, нравится и нравится мне этот нос, эти глаза. Я тебе уже сказал, рецептов не выписываю. Не врач.

— Так что же делать? — упорно не унимался Алик.

— Ну вот... Спать идти.

Когда Ромка уезжал в пионерский лагерь, духовой оркестр из Дворца культуры играл «Прощание славянки».

Кругом все суетились и прощались. И грустно было оттого, что автобусы уедут без него. Алик прижимал к животу пакет с подарком и искал глазами Ромку. Все были в одинаковых белых рубашках, в пионерских галстуках, и отыскать в толчее его было непросто.

Собираясь провожать друга, он вдруг решил что-нибудь ему подарить. Родители будут совать отъезжающим кульки с провизией. Подарит и он. Только не ягоды и не бутерброды.

В ящике письменного стола у него лежала одна картинка. Репродукция, выдранная из журнала. Там была зеленая лужайка, голубое небо, красная кирпичная стена дома, закрытая толстым мягким слоем плюща. Две женщины в длинных старомодных юбках играли в бад-

Теперь ему вдруг до смерти надоел медленный скучный разговор у Гольцевых.

минтон. Как и полагается на картинке, все было остановившееся. Но ему всегда казалось, что женщины двигаются мягко и неслышно; только шуршат, задевая траву, края длинных юбок. Даже воланчик, оперенный ярким птичьим пером, летает замедленно и мягко. Почему-то было ясно, что все, что нарисовано, было неправдой. И все равно, а может быть, именно поэтому, картина ему очень нравилась. Если бы нужно было нарисовать, что происходит в спящем царстве, когда царевна, уколов руку заколдованным веретеном, засыпает, то нужно было бы рисовать именно так.

Он бы не смог объяснить Ромке, почему вдруг дарит ему такой подарок и почему подарок ему самому так нравится. Но он был уверен, что Ромка будет его хранить в тумбочке в пионерском лагере. Что не расстанется с ним и не потеряет. Именно поэтому Ромка был Ромка.

Они постояли немного в сторонке. Пожали друг другу руки. Поговорили немножко про рыбную ловлю. И про то, что будут делать, когда вернутся опять в Москву. Ромкины родители с пакетами в руках терпеливо смотрели на них издалека. Они распрощались.

Автобусы отъезжали один за другим, вытягиваясь в длинную колонну, нарядную от красных маленьких флажков. Свирепо сверкала «вертушкой», как единственным циклопьим глазом, машина ГАИ, сопровождающая колонну.

Ромка, высунувшись в окно, махал ему рукой. Алик видел, как сзади тянула его за рубашку пионервожатая, уговаривая сесть на место. Но Алик долго еще видел его круглую, черную, стриженную на лето голову.

Теперь вот, на даче, он вспоминает этот день и, как о невозможном счастье, думает о том, что бы было, если б Ромка приехал вдруг сюда и они бы зажили вдвоем. Как бы все вдруг изменилось и стало по-другому. И то, что кажется ему скучным, стало бы совсем иным. Это уж точно.

Стручки акаций распузатились, семечки внутри них покраснели и стали лакированные. Покраснели самолетики кленов. Стоя на автобусной остановке, Алик дергал длинные стручки, выколупывал осторожно семечки, дул изо всех сил. «Пищалка» не получалась, стручок не пищал. А раньше получалось. В детстве всякие такие пустяки получались с ходу, как будто человек рождается, умея «пищать» в пустой стручок. Младенцы, которых опекала Мери Поппинс, понимали, что́ говорят птицы, а потом научились ходить и разучились понимать.

Вдалеке послышался гул приближающегося автобуса. «Здесь такая тишина...— подумал Алик.— Можно подумать, будто приближается целый самолет. А в городе, наверное, и не разобрал бы этот шум среди других».

Мама приехала. Алик и не думал, что так обрадуется, когда на подножке автобуса появились сначала ее разбухшие сумки, а потом она сама. Вот так на даче в детском саду они сквозь забор, седьмым чувством ощущали появление родителей, что-то теплое, радостное и привычное... Какая-то другая радость всегда связана с неожиданностью. А эта с привычностью, как будто все стало на свои места. И непонятно, как еще минуту назад все было по-другому, неправильно.

Про маму нечего и говорить. Он еле успел подхватить ее многочисленные сумки, которые она готовилась побросать, раскрывая объятия.

Человек, который приезжает из города и появляется на даче, всегда немного чужеземец, что-то в нем диковинное, непривычное для глаз, даже если это родная мать. Может, это из-за особенной тщательности в одежде? На даче сунул ноги в шлепанцы, натянул шорты — и весь твой туалет. Из-за торопливости и озабоченности, словно какие-то дела впереди? А на даче какие дела... Поглядеть, во что превратится во-он то облако, похожее на верблюда, и намного ли растолстел кабачок, сияющий в сумраке огромных листьев круглым желтым цветком на грядке у Антона Марковича.

— Ты самый лучший чужезе́мец,— сказал он, не очень увертываясь от поцелуев.

— Да? Что это значит? Мне радоваться?— придерживая за плечи, словно его могло унести ветром, спросила мама.— А что ты не очень загорел? А что ты ешь? А...

Алик улыбался. Вот так всегда. Она, когда радуется, даже не слышит, о чем ей говорят.

— Ты ведь тут не совсем один?— с надеждой спрашивала мама, распаковывая содержимое своих сумок.— Как твой сосед? Кажется, приятный старичок.

— Приятный,— соглашался Алик, вытягивая из промасленного, благоухающего сверточка кусок ветчины и дожевывая холодную сосиску.

Ужинать он уже не мог. С сожалением взирал на яства, которыми был уставлен стол. В него они уже не помещались. Даже к появлению Тошки, возникшего на гребне забора, отнесся с сытой благосклонностью.

— Какой чудесный смешной мальчик,— заумилялась мама.— Хочешь конфету «Птичье молоко»?

— Это ему подойдет,— ободряюще сказал Алик.

Ободрять никого было не нужно. Рассовав по карманам половину коробки, неся перед собой на ладони огромный ломоть торта, время от времени дергая носом и отклевывая кусочки, мальчик Тошка удалился так же быстро, как и прилетел.

Вошел на террасу, растягиваясь на ходу, как резиновый рыжий эспандер, кот Антона Марковича. Алика давно уже поражало, как обычной величины кот, уцепившись за пол когтями передних лап, словно резиновый, тянется назад, достигая невероятной длины. В такой момент Алику даже становилось интересно: а вдруг он не остановится, и это растягивание будет продолжаться и продолжаться...

Наевшись, «эспандер» торопливо, но все же с достоинством удалился.

— Мам, я пойду почитаю.— Алик просительно поглядел на мать. Сидеть на стуле стало вдруг как-то жестко и утомительно. И что еще говорить, он не знал. Вроде обо всем уже поговорили.

Вышел, стараясь не очень торопиться, на крыльцо. Что, если слазить на крышу и поглядеть, почему заклинило флажок флюгера, который он недавно установил? Не обращая внимания ни на какие перемены ветра, флажок со вчерашнего дня глядел на северо-восток. Только вот мама... Сейчас, пожалуй, забеспокоится: «Куда ты полез... Разобьешься...» Он оглянулся.

Мама сидела в кругу света, опершись на руку и неподвижно глядела на раскрошенный торт так внимательно, как будто читала книгу. Ему захотелось вернуться. Но что, если завтра подует северный, а его обалдевший флюгер будет по-прежнему в таком же положении?

На крышу он не полез. Повеял ветерок. И ему показалось, что флажок, скрипнув, шевельнулся.

Утром просыпаться было приятно. Он слышал, как мама хлопотала на кухне. В холодную от ночной сырости комнату вплывали вкусные, теплые запахи кухни, шелест маминых шагов. Как это он раньше всего этого не замечал? Это же бывало каждое утро, всю его жизнь. Или раньше утра были другие?

Теперь выпрыгивать из-под одеяла было не очень страшно. Только надо сразу и решительно, р-раз!

За дверью, как всегда, оказалось теплей, чем в доме. Пробежал по тропинке, чтобы окончательно согреться. «На глазок» было часов восемь утра. Сейчас посмотрим, сколько на самом деле...

Все было, как раньше: солнце грело кожу, широкие листья смородины поблескивали темной зеленью... Его солнечные, выверенные с точностью до нескольких минут часы, были растоптаны. Шест сломан, круглые, зеленоватые гальки, которые он привез с моря и которыми отметил деления на циферблате, разбросаны в разные стороны. Как будто торопливая, жадная птица, гигантская курица, гребла суетливо лапами, разыскивая, что ей сожрать...

Он пошел обратно по тропинке, чтобы не смотреть на свое растерзанное творение, все быстрее и быстрее. На крышу можно было не лезть, флюгер с тупым упрямством смотрел в одну и ту же сторону, и он уже знал, почему.

— Куда ты собрался?— закричала ему вслед мама, когда он вылетел за калитку.— Ты что, бегаешь трусцой по утрам?

Он сам не заметил, как его шаги превратились в бег, и он летел уже, не разбирая дороги к калитке, за которой скрывался мальчик Тошка. «Ухнул» плечом, как будто пытался выбить ворота вражеской крепости. И остановился. Ну что в самом деле случилось? «Что случилось?» — спросит бабушка мальчика Тошки, не забывая тщательно и привычно помешивать манную кашку. Что случилось такого, чтобы хлопать по морде семилетнего мальчика? Разомлевшего в теплой, натопленной комнате, с тщательно затененным окном. Он так ангельски улыбается во сне. Верно, представляет, что исковеркал или сломал что-нибудь еще, или привязал кого-то живого за нитку. Дерьмовый воробышек.

Алик шел обратно к дому. Целовал маму в щеку. Ел оладьи. Чем-то их запивал. Выходил на крыльцо. Искал книжку, бросал ее. Хлопался в гамак. И так далее.

За калиткой зазвенели велосипеды.

— А-алик!

Все были в сборе. Лена в меру лучезарно улыбалась, словно ее сегодня на завтрак покормили чем-то не очень кислым. Гольцев приветственно «квакал» оранжевым клаксоном. Даже Рита в какой-то сногсшибательной разрисованной майке глядела доброжелательно, насколько ей позволяла борьба с ветерком, терзавшим ее красиво расчесанные, длинные волосы.

— Купаться! — предложил Гольцев. — Давай скорей. Лесное озеро, песчаный берег. Камыши, кувшинки, рыбки и прочая радостная дребедень. А вечером в кино.

— У меня нет велосипеда, — медленно, словно просыпаясь, сказал Алик.

— Возьмем у Юрика. — Гольцев решал все быстро, не задумываясь. — Юрик, ты ведь вроде не очень хотел купаться? Да и бабушка твоя опять ныть будет.

— Я? — Юрик, стоявший со своим велосипедом чуть в сторонке, опешил. — Я...

— Ты, ты, — заторопила его Лена. — Опять в какую-нибудь канаву свалишься.

— А мы привезем тебе цветочков, — улыбаясь, утешила Юрика Рита.

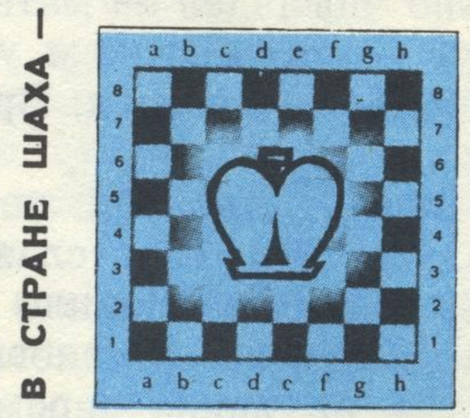
— Берите, пожалуйста! — Покраснев, Юрик грохнул велосипед на землю, подтянул свои несчастные носочки и пошел от них прочь.

— Как-то нехорошо, — медленно соображая — перед глазами у него стоял растоптанный циферблат солнечных часов, — неуверенно произнес Алик.

— Да брось ты размышлять, — поторопил его Сашка. — Поехали.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

НИКТО НЕ ОСТАЛСЯ БЕЗ НАГРАДЫ



В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Двенадцать дней в уютном литовском городе Паневежисе шли шахматные баталии на приз клуба «Белая ладья». Команды всех союзных республик, Москвы и Ленинграда боролись за четыре главных приза журнала «Пионер». Посмотрите на фотографии этих призов. Их специально изготовили народные умельцы из Семенова Горьковской области. Теперь эти призы будут храниться в разных уголках нашей страны.

Первый приз — шахматного короля **— завоевала дружная команда школы № 10 г. Витебска Белорусской ССР.**

Второй приз — ферзя **— увезли ребята из школы № 3 города Ильичевска Одесской области.**

Третий приз — слон **— вручен юным шахматистам школы № 1 г. Кокчетава Казахской ССР.**

Приз имени писателя Льва Абрамовича Кассиля **— за волю к победе — достался ребятам из школы № 1 далекого поселка Бахарден Туркменской ССР.**

Ни одна команда не осталась без награды. Комсомольцы-шефы учредили много призов для юных шахматистов «Белой ладьи».

Приз-кубок «Дружба» **болгарской пионерской газеты «Септемврийче» вручен не одной команде, а сразу всей городской пионерской организации Паневежиса за отличное проведение финала.**

Олимпийский мишка — огромная «живая» кукла — поздравил призеров с победой. Ребята разъехались по домам, чтобы начать новые шахматные сражения.

ЧАЙНАЯ ГОРА

Аджария — кусочек жаркой Грузии. На карте это узенькая полоска земли, берег моря.

Горы, море, плетистый виноград, гортензии — голубые сказочные цветы — по обочинам каменистых дорог, высокие магнолии в облаке сладкого аромата, бамбуковые рощи в гриве нежной зелени на склонах гор — это все Аджария.

...Аджарское влажное небо качается над головой.

— Осторожно! Не хватайтесь за кусты!

Мы идем по тропинке, которая бежит вниз с горы. Ноги семенят все быстрее и быстрее. Так и хочется схватиться на бегу за упругие чайные кусты. Но нельзя. В жаркие утренние часы на них любят погреться полуметровые черные гадюки...

Еще очень давно чай прозвали «зеленым золотом». Родина его — Китай. В Россию чай начали привозить в шестнадцатом веке, а в 1818 году впервые попытались посадить в Крыму, но безуспешно. В Грузию первые саженцы чайного куста привезли несколькими десятилетиями позже и рассадили в разных местах в Сухумском ботаническом саду и Озургети. Однако и эта попытка оказалась неудачной...

И вот, наконец, Аджария становится родиной отечественного чая: семена и саженцы прижились близ поселка Чакви. Видно, земля здесь оказалась плодородней, приветливей, солнце жарче, ласковей, и воздух, настоянный на морской влаге, аромате ярких грузинских роз, оказался как раз для чая...

Сейчас чайные плантации есть и в Грузии, и в Закарпатье, и в южных частях республик Средней Азии, и на Черноморском побережье.

...Широкополые соломенные шляпы похожи на маленькие солнышки. Кудрявая чайная гора полна соломенных солнышек. Чаерезчицы собирают чай. Мелькают улыбки и руки, маленькие салатовые листочки исчезают в громадных корзинах, которые висят за плечами сборщиц. Корзины настолько громадны, что в них можно спрятаться мальчику или девочке...

Сбор чайного листа начинается с четвертого года жизни растений. Начиная примерно с апреля, через каждые два-три дня с чайного куста собирают самые молодые побеги — почку с двумя листиками. Называют их «флеши». На месте сорванного побега развиваются новые почки и листья. Чай — удивительное растение, очень плодоносящее, очень урожайное: сбор чайного листа продолжается в течение восьми-девяти месяцев! Все чаще и чаще можно видеть на чайных плантациях специальные машины — комбайны, которые собирают чайный лист. Собранные побеги отправляют на специальные фабрики, где чай сушат, сортируют, запаковывают...

Мы спустились с горы и оглянулись назад. Чайные кусты ровными рядами карабкались по горному склону. Все они были примерно одинаковой высоты, все были покрыты темно-зелеными кожистыми листьями, и, казалось, гора — это чья-то гигантская кудрявая голова.

И. АНДРИАНОВА

Профессия лесника. Пожалуй, нет другой профессии, где было бы так важно, чтобы занимался ею человек добрый, совестливый, любовно относящийся к природе... Все эти качества не придут вдруг, в тот момент, когда человек решит выбрать профессию. Любовь к ней рождается, наверное, в детстве.

Анатолий СТЕРЛИКОВ

В саксауловом лесу...

— Исправляй двойку,— сказал он сыну.— В другой раз поедешь...

С этими словами Павел Верзун, лесник Карашардинского лесничества, взгромоздился на каурую лошадку. Я последовал его примеру, и мы затрусили по овечьим пересекающимся тропам в глубь песков Муюнкумов.

Как унылы эти песчаные холмы! Только разносится жестяной скрежет высохшего колючего мордовника да под копытами змеится желтая поземка...

— Когда-то на наших буграх ковыль рос.— Лесник словно угадал мои мысли.— Овца «выстригла» все до корней, бугры совсем оплешивели... А мы сюда когда-то за тюльпанами приходили. Пастьба — древнее тонкое ремесло, почти искусство, его следовало бы передавать по наследству. Но потомки скотоводов и чабанов стремятся пойти в механизаторы. И скот берутся пасти иногда люди случайные...

Павел огорчен: от него только что уехал в город Джезказган Владимир, старший сын. Павел думал приохотить его к барханам — не вышло. Теперь вся надежда на Павлика, младшего сына. Верзуну не хочется свой удел — участок, который он уже столько лет холит и бережет,— передавать какому-нибудь «варягу». На радость леснику младший сын любит пески. Готов часами бродить по лысым песчаным барханам.

Странно в пустыне видеть лесника, не правда ли? Что он здесь делает?

В глубине пустыни, за синеющими вдали барханами находится удел Верзуна — около сотни гектаров отличнейшего саксаула. Верзун не единственный лесник в Муюнкумах. Их наберется здесь с добрую сотню. И все они — верхом на конях (в последнее время и на машинах) следят за порядком в саксаульниках, берегут их от браконьеров.

Вот он, саксаул. Кажется, это и не деревья, а выдумка художника. Стволы причудливой формы искривлены, украшены наростами, узлами, утолщениями, согнуты в кольца.

Но не все деревья уродливы, нет. На склоне бархана угнездилась прелестная рощица. С прямых, широко расходящихся от комля, почти белых стволов до самой земли свисают поникшие «безлистные» ветви, обильно увешанные гроздьями семян. Издалека деревья можно принять за ивы.

Летом кроны саксаула обычно зеленые. Но теперь, осенью, когда ночи стали длинными и холодными, саксаул свою прическу переменил. У одних деревьев крона пепельного цвета, с проседью, у других — желтая.

И вот, наконец, мы въезжаем в лес. Деревья высотой в три-четыре метра, сплошное густолесье. Ветви обвисли, погнулись под тяжестью семян. Вот это как раз Верзуну и нужно!

Павел надел брезентовые рукавицы и исчез в зарослях. Надо собрать не меньше двух пудов семян. Осенью у Павла прибавляется хлопот: и за саксаульником следить и семена собирать. Не упустить бы, управиться, пока дни стоят солнечные, тихие. Пока секущий свирепый ветер не пообмолачивал ветви.

...Саксауловый лес, как и всякий другой, полон жизни и энергии. Вот, пожалуйста: под кронами маршируют колонны муравьев. Одни в одну сторону, другие — в другую. Дорожки вытоптаны ими добела. А по сторонам — желтые кучки. Обмолот, мякина. Муравьи, пользуясь последними погожими деньками, заканчивают «молотьбу» и заготовку зерна. На дальней полянке, между глиняными холмиками, торчат желтые столбики. Столбики перемещаются туда-сюда, это песчанки — грызуны вроде сусликов. Песчанки довольствуются веточками саксаула. Хотя саксаул и солоноват на вкус и слегка мылом отдает, но все же он съедобен.

Верзун считает песчанок «браконьерами без стыда и совести». Для этого у него, кажется, есть все основания. Две саксаулины начисто обглоданы. А грызуны, переваливаясь с боку на бок, затаскивают в норы все новые и новые веточки.

Вдруг зверьки все разом исчезли: над саксауловыми зарослями, на упруго вытянутых крыльях скользит канюк — хищная птица.

В саксаульнике сухо и чисто, как в бору. Под никнущими кронами не видно ни куч хвороста, ни гниющих деревьев. Редко где увидишь обломанную ветку. Верзун помечает заболевшие деревья, направляет сюда жителей поселка. Во многих поселках люди еще топят саксаулом.

Саксаул известен как отличное топливо. С антрацитом ему, конечно, трудновато тягать-

Саксауловый лес, как и всякий другой, полон жизни.

ся, но бурому углю он, пожалуй, не уступит. Именно это замечательное свойство саксаула и послужило причиной его гибели. Двадцать лет назад саксаул был на грани полного истребления. Северные Муюнкумы превратились в море светло-желтого песка с редкими островками саксауловых рощиц.

Барханы начали подвигаться, захватывая пастбища и сенокосы. Под угрозой захвата оказалась даже железная дорога.

В песках высадился десант ученых и специалистов: ботаники, почвоведы, гидрологи. Тщательно обследовав пески, они пришли к такому выводу: сведение саксаульников привело к изменению верхних слоев почвы, к гибели трав и мелких кустарников, к разрушению дерна. Дерн — это участок почвы, густо заросший травами, прошитый миллионами корневых нитей и волосков. Именно дерн и не позволяет песку передвигаться. Но и он своим существованием обязан саксаулу: саксауловые рощи летом защищали его от суховеев, от испепеляющих лучей солнца. Зимой же деревья задерживали снег.

Ученые предложили прекратить заготовку саксаула и начать в Муюнкумах лесовосстановительные работы.

Медленно растет саксаул: даже в благоприятные годы прибавляет всего по нескольку сантиметров...

Лесоводы долго ждали результатов. Никто толком не знал, как сеять саксаул, в какие сроки.

— Посеяли как-то, — рассказывает Верзун, — было еще тепло, хоть и осень... Саксаул пророс до холодов, дал хорошие всходы. Морозы ударили — ростки погибли. В другой раз посеяли попозднее — вообще ничего не взошло. А то, бывает, эпидемия какая-нибудь навалится, глядишь, вся посадка стоит черная, как заколдованная, ни одной веточки зеленой... Хлопот было с этим саксаулом! В младенчестве он, верно, покапризнее персика. Но если укоренится, тогда ему все нипочем...

Что и говорить, пришлось лесоводам набираться терпения. Пришлось учиться. Не только по книгам. И вот результат: саксаульники занимают десятки тысяч гектаров. Гряды Северных Муюнкумов сплошь покрыты саксауловыми лесами, барханы обросли кустарниками и травами, укрылись дерном. Правда, еще немало барханов, над которыми курится поземка или на тонких уродливых ножках покачиваются зловещие песчаные смерчи. Поэтому Верзун и другие лесники каждую осень выезжают на заготовку семян.

...Я присел отдохнуть. Твердый суглинок под деревцем был взломан, виднелась желтая, покрытая тонким налетом пыли шляпка гриба. Да, самый обыкновенный белый гриб. Их немало встречается в саксауловых лесах.

После обеда — снова за работу. Ломаем веточки с коричневыми гроздьями, собираем их в пучки. Из пучков образуются охапки, которые копешками остаются у нас по следу. Завтра придет лесхозовская машина и заберет все, что мы тут с Верзуном наломаем.

Саксауловые веточки ломаются легко. Но одно дело, когда надо два-три пучка для растопки, а другое — когда надо собрать, скажем, пуд семян. Даже рукавицы не спасают. Сухие ветки и сучья прокалывают брезент, оцарапанная кожа зудит, саднит. Чтобы собрать хотя бы килограмм семян, необходимо наломать добрую копешку веточек.

— Сколько лет, спрашиваешь, живет? — говорит Верзун.— Вот этому саксаульнику ровно семнадцать лет. Это я знаю достоверно, потому что сам же его своими руками сажал. А вообще-то срок его определить трудно. У него ведь нет колец. Живет саксаул примерно столько же, сколько и люди. Одни — шестьдесят, другие — восемьдесят. Есть и долгожители, те лет по сто живут и больше.

...Я за Верзуном едва поспеваю. С виду он грузноват, неуклюж, но двигается проворно.

— А растет саксаул так. Пуще всего он прибавляет в десять — двенадцать лет. Тут сразу по нескольку сантиметров в год. Зрелости же он достигает в сорок — пятьдесят лет. Видишь, у него все вроде бы, как у людей. Есть саксаулы карлы, а есть и богатыри. Богатырей, как и долгожителей,— раз-два и обчелся. А карлы — вот они, на каждом шагу. Видишь, все честь по чести, комель толстый, ветви крепкие, крона пышная. А росточком не вышел. Больше метра не поднялся.

Чтобы не отстать от Павла, я некоторые саксаулины оставляю необобранными. Он только рукой машет.

— Пропускай, коль хочешь идти со мной вровень. А так — не угонишься. За мной и Володька, мой старший, не поспевал. Оставляй семена на развод... Ветер их разнесет, развеет — саксаульник гуще станет. Самый лучший лесовод — это ветер. Он зря семя на землю не обронит. Этот точно знает, когда надо обмолачивать, когда сеять.

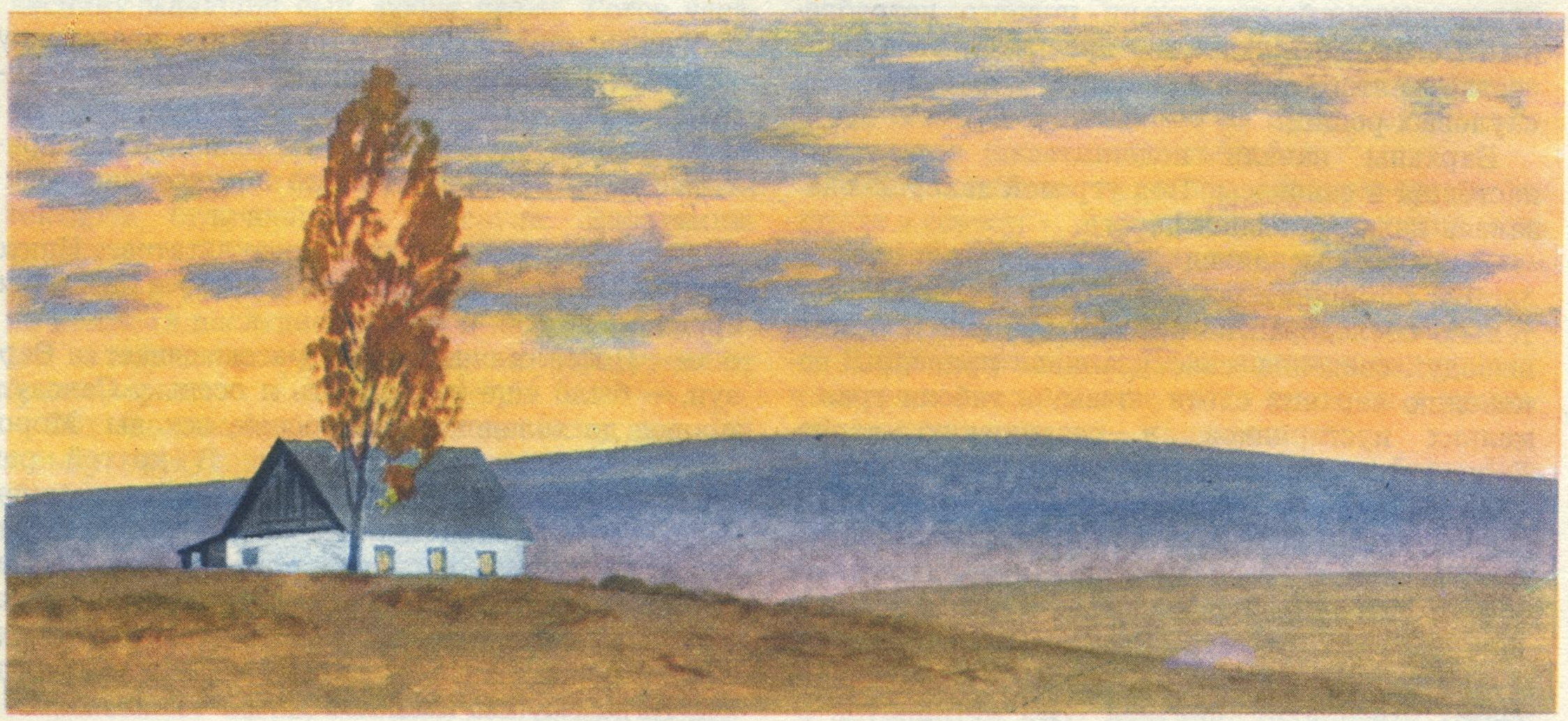
Вечер. Солнце уже опустилось за темно-лиловую гряду барханов. На небосклоне неведомо откуда взявшиеся розовые перья облаков.

Над домом лесника низко висит оранжевое облако. Но это не облако, а туранга — тополь евфратский. Туранга похожа на осину, такие же округлые листья, так же дрожат и хлопают в безветрии.

В этих местах проходила караванная тропа. И кто-то посадил возле нее два прутика с почками. Всякий, кто мимо проходил или проезжал, поливал деревца. Одни лили воду из бурдюка — дорожный запас, другие приносили воду из дальней реки Сарыузек.

Деревца выросли. Под ними в июльскую жару отдыхали путники, спасался скот. Но одно дерево срубил неразумный человек. Павел Верзун специально построил свой дом рядом с турангой. Теперь никому не придет в голову с топором в руках посягать на тополь евфратский.

Я почему-то вспомнил Павлика. Он, видимо, не спит, ждет нас. И не угомонится, пока мы не расскажем ему, сколько насобирали семян и кого повстречали в саксаульниках...



Рисунки В. ДОНСКОВА

Наталья АНИКЕЕВА

Август

Яблоня уронит на крыльцо
яблоко и спрячется за хатой.
Выйду в сад, на зов.
Пахнет в лицо
чебрецом, ромашкою и мятой.

В черном небе, догорев вдали,
упадет звезда неторопливо.
И смахнет росу прохладный
лист...
В темноте зашепчется крапива.

Поздний гром в зовущей
тишине
долгое протянет эхо где-то...
И тогда подумается мне:
август проводил в дорогу лето!

Хлеб

Так повелося на моей земле:
из года в год, из рода в род — веками
тот хлеб, что в каждом доме на столе,
согрет был человечьими руками.

Он их теплом, он их добром пропах
и песней той, что жаворонком спета
под синим небом в золотых хлебах
в июльский полдень солнечного лета.

Пройдется пахарь утром по жнивью
и, сыну указав рукой на поле,
негромко молвит: «Поклонись ему,
как матери, как нашей общей доле!

Ты вырастешь, и через много лет
опять сюда вернешься на рассвете
и скажешь: «Ничего дороже нет,
чем теплый хлеб
на этом белом свете!»

Девочка и небо

Девочка смотрела в небеса.
Девочка, как сказку,
небо знала:
там росли дремучие леса,
там луна зарницу догоняла.

На челне плыл месяц удалой,
добывая звезды по крупицам.
Воротившись поутру домой,
раздавал их ласковым
жар-птицам.

А потом бродили облака,
словно лугом розовые кони,
солнышка простертая рука
их лучом поила из ладони.

Девочке казалось, что вот-вот
радуга пригнется чуть пугливо,
и она по радуге шагнет,
девочка — поверившая в диво.

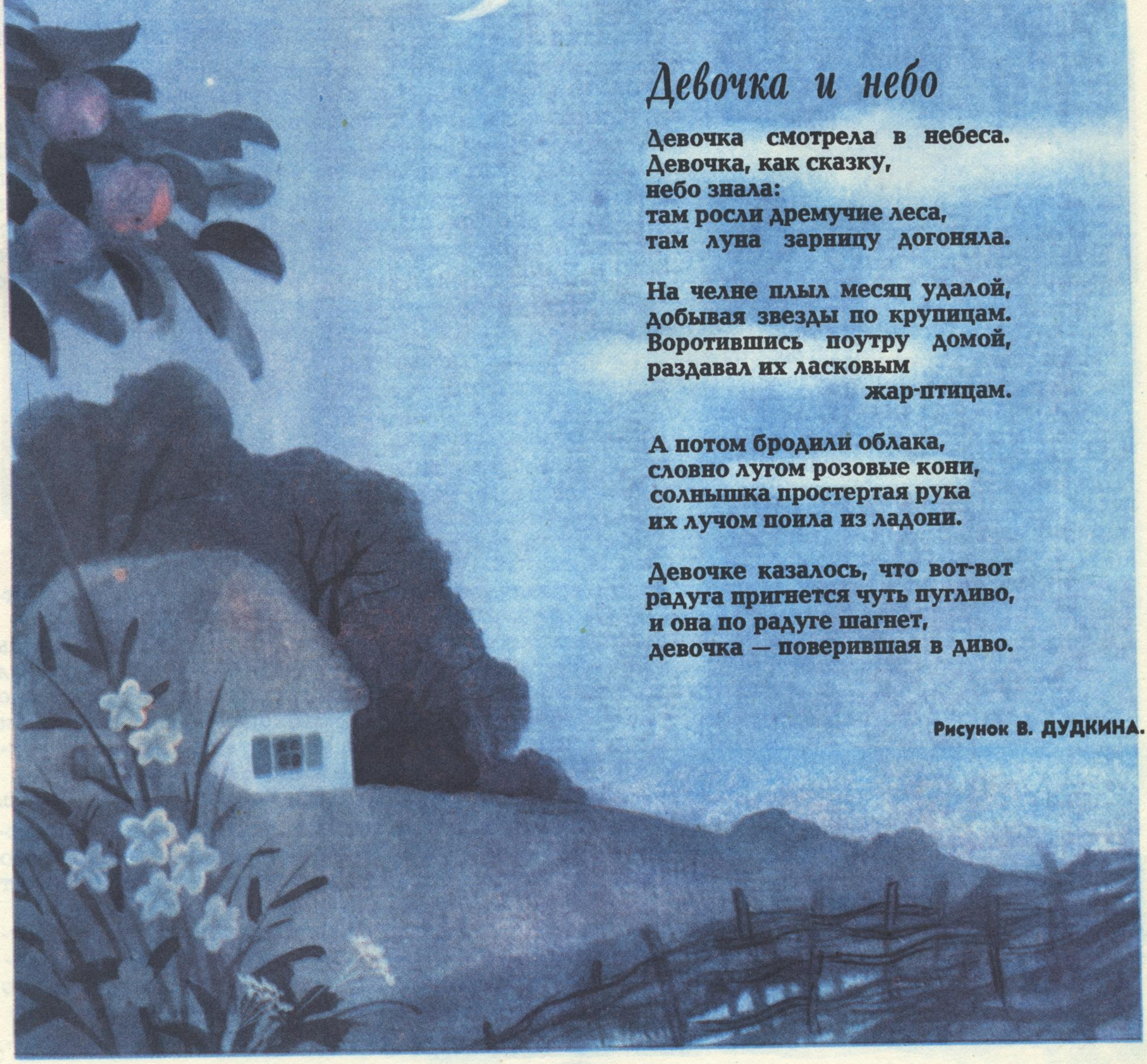


Рисунок В. ДУДКИНА.

АКВАРЕЛИ О МАМЕ

Тысячи взрослых людей прислали в редакцию газеты «Комсомольская правда» письма, в которых нежно, с любовью рассказали о своих матерях. Писатели Расул Гамзатов, Зоя Воскресенская, Анатолий Алексин поддержали этот душевный разговор и создали чудесные портреты матерей, опубликованные потом в этой же газете. И если произведения писателей напоминают монументальные живописные картины, то ваши размышления, ваши школьные сочинения похожи на легкие акварельные рисунки, сделанные сразу, быстрой кисточкой.

Детство — это веселый хоровод больших и маленьких историй, в которых главное действующее лицо — ты сам. И еще — твои друзья, походы с папой на утреннюю рыбалку, мороженое в пестрой бумажке, учебники, школьные будни, воздушные шарики, грибы в шелковистой лесной траве. И мама. Мама, пожалуй, такое же главное действующее лицо в твоем детстве, как ты, потому что она всегда рядом.

«Однажды в начале января я принес домой щенка. Он был белый-белый, белее снега. Бабушка была против, что я принес его, и начала ворчать. Но тут пришла из магазина мама. Щенок бросился к ней под ноги и стал прыгать. Мама воскликнула: «Какой прекрасный щенок!»

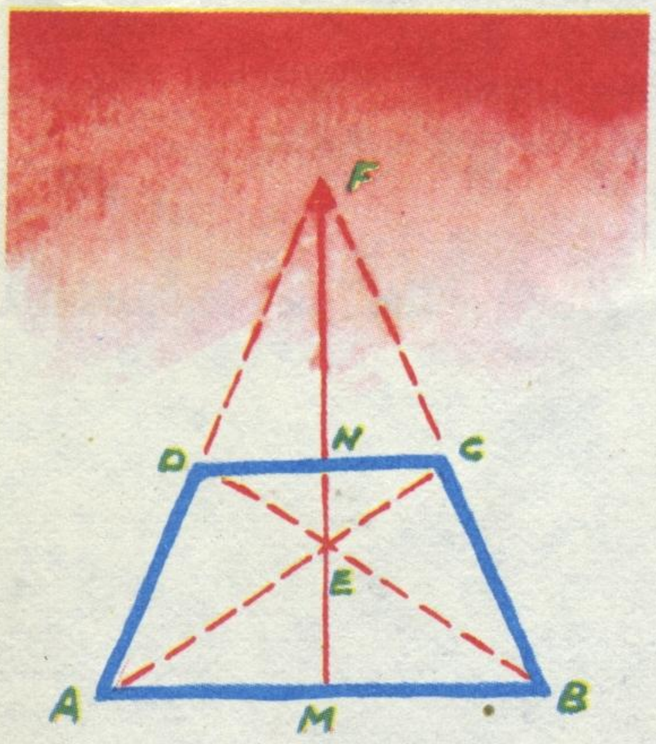
Коля Акимов, 5-й «В» класс.

«Мы с мамой ездили на море. Однажды я попросила маму прокатиться на катере. Мама согласилась. Мы купили билеты, взошли на катер и сели у самой кормы... Берег быстро убегал от нас и вскоре стал маленькой желтой полосой. Вдруг мама показала мне вниз на воду и сказала: «Смотри, медуза!» И я увидела большую медузу. Какая она была красавица! Почти голубая, она сливалась с водой, только красная звездочка виднелась на затылке... Много необыкновенного и интересного мы увидели в тот день. Мама открыла для меня новое море!..»

Марина Кочеткова, 7-й «Б» класс.

«Однажды мы всей семьей ходили в лес по грибы... Погода была прекрасная. Ярко сияло солнце, а на траве блестела роса. Сначала грибов было мало. Но мы заходили в лес все глубже и глубже и грибов находили все больше и больше. Мы набрали две полных корзины. А когда возвращались обратно, мама вдруг увидела огромный белый гриб. Как оказалось, он весил один килограмм и девятьсот граммов!»

Володя Богачев, 7-й «Б» класс.



У мамы можно узнать обо всем на свете. Она знает ответы на все твои вопросы.

«Однажды, когда папа ушел на работу, я стал делать уроки по геометрии. У меня ничего не получалось. Я позвал маму, и мы стали вместе решать трудную задачу. Сначала во всем разобрались, а потом потихоньку решили. Затем мама подсказала мне, как лучше написать сочинение по русскому языку. Я быстро справился с заданием».

Павел Кощеев, 6-й «В» класс.

В мамины руки можно с разбегу уткнуться лицом и успокоиться, зарядиться на целый день маминой нежностью и любовью. И высшая справедливость, какая только может быть на свете, в маме, в маминых словах и делах.

«Мама всегда ласкова со мной. Она старается понапрасну не ругать меня. Так было с самого моего раннего детства, я думаю, так будет и всегда. Мама чутко относится ко мне, к моим обидам, старается утешить ласковым словом...»

Саша Якименко, 7-й класс.

Однажды ты задумаешься: «Сколько мама делает для меня! А что я сделал для мамы?» Ты задумаешься над этим, потому что заметишь обидную сеточку морщин у ее глаз, ведь мама всегда должна быть самой молодой и красивой; и по-новому услышишь вздох мамы, когда она идет с тяжелыми сумками из магазина. И увидишь, что по вечерам телевизор смотрит вся семья, кроме мамы, которая снует и хлопочет по дому. Ты поймешь, что мама устает не меньше, чем ты....

«Мне больше всего запомнился такой случай. Моя мама несла из магазина тяжелые сумки, я шел рядом и не помог ей. Мы пришли домой, мама приготовила ужин с этими продуктами, все сели за стол... И тут я понял, сколько маме приходится делать. Она и спать ложится каждый день в полночь... Я подошел к маме, извинился перед ней. Теперь я все время помогаю маме во всех ее делах».

Юра Казаков, 5-й «В» класс.

«Мама после работы приходит очень усталая. Я перед ее приходом стараюсь что-нибудь сделать: принести дров, затопить печку, подмести полы, приготовить поесть. Мама всегда остается довольна... Больше всего меня беспокоит вопрос: «Что бы еще сделать для мамы?»

Костя Лобов, 6-й класс.

«Однажды мама пришла с работы сильно усталая и в плохом настроении. Я сразу узнал об этом, потому что стук в дверь был какой-то не звонкий. Я быстро открыл дверь, а когда мама вошла, я снял с нее пальто и пошел хлопотать на кухне: быстро разогрел обед и подал к столу. После обеда мама легла отдохнуть, а я ходил по комнате на цыпочках, стараясь ее не разбудить... Когда мама отдохнула, мы пошли в кино и хорошо провели вечер».

Володя Лепухин, 7-й «Б» класс.

С мамы начинаются твои первые серьезные раздумья о жизни: что такое долг перед Родиной, как дарить людям душевное тепло, с чего начинается честная дружба. С этими раздумьями ты входишь в огромный взрослый мир...

«Мама пришла с работы. Она ничего не знала. Папа подошел и сказал, что ей нужно завтра идти во Дворец культуры, и хитро улыбнулся. На следующий день мама к двенадцати часам пошла во Дворец. Мы с папой ждали ее. Она появилась неожиданно, с подарком в руках, а на груди, когда она сняла пальто, мы увидели значок «Ударник десятой пятилетки». Вот какая моя мама!»

Игорь Иванцов, 7-й «Б» класс.

«Моя мама много лет работает учителем химии и биологии. Часто мама проводит химические вечера, на которых ребята узнают много нового и интересного: об истории химии, о том, как изучаются химические процессы, какие интересные открытия были сделаны учеными за последние годы. Потом мама показывает занимательные опыты.

Эти вечера играют немалую роль в выборе профессии для ребят нашей школы. Мама умеет многих заинтересовать своей профессией».

Игорь Каменский, 7-й «Б» класс.

Ты станешь взрослым человеком. У тебя будет своя работа, своя семья, свои заботы и радости. Но всегда, когда тебе будет трудно, ты вспомнишь детство. Ты вспомнишь маму. Созвездие маминых улыбок. И на душе у тебя станет светло.

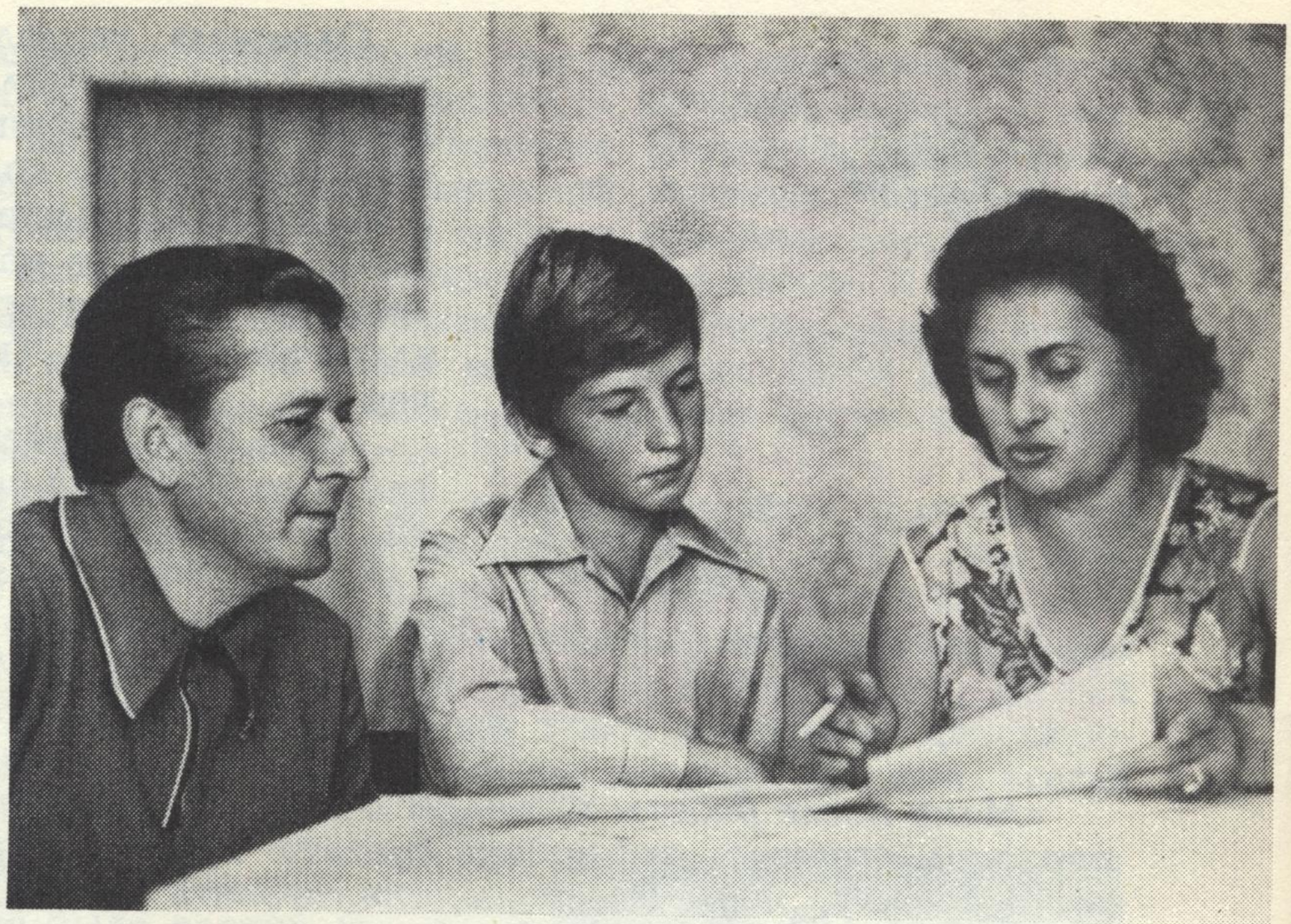
В этом разговоре участвовали ребята из школ № 3 и № 16 города Алексина Тульской области. На своих пионерских сборах они сказали много теплых слов о маме.

Мы ждем и от тебя писем. Наш разговор продолжается.

И. АЛЕКСЕЕВА, О. ПОДЪЕМЩИКОВА

РЕБЯТА ТАКИЕ КАКТЫ

Прекрасный утенок



Первыми узнают о новых идеях Сережи ,папа и мама.

...В то лето во дворе любили играть в индейцев. И маленькие ребята и большие. Но «трагедия» заключалась в том, что малышей в индейцев не принимали. Они смотрели широко открытыми глазами на перья, на лассо и чуть не плакали. И тогда один из старших ребят, Сережа Мигушов, решил сделать для малышей журавлика — деревянного, с длинным носом и длинной шеей — и предложил маленьким ребятам накидывать на шею журавлика кольца, как лассо. Теперь в индейцев мог играть весь двор.

А под вечер, когда разгоряченных и восторженных «индейцев» мамы развели по домам, Сережа вышел в пустой двор и стал сам накидывать кольца. Все кольца летели точно в цель, на шею журавлика. «Слишком легко для индейцев», — подумал растерянно изобретатель, пошел домой и выстругал из дерева утку, да еще качающуюся. Попасть было теперь очень тяжело, и играть стало гораздо интересней.

На следующий день снова тренировался весь двор. И утенок понравился всем: и малышам и школьникам.

Вот так однажды летом на свет появился маленький «качающийся утенок». На этом, кажется, история могла бы и кончиться, но... «Ровесники! Передача для старшеклассников... Передаем итоги конкурса изобретателей...» И дальше выяснилось, что работа Сережи Мигушова, шестиклассника из города Павлова Горьковской области, не только одна из самых интересных, но, что еще любопытней, в ней заложена идея, которая вообще никому в голову до Сережи не приходила. Ни пять лет назад, ни сто, ни тысячу. То есть во все времена дети накидывали кольца на палки, на руки, на забор. И во все времена малыши качались на качелях, а дедушки и бабушки — в креслах. Но совместить два эти принципа — до этого еще никто не додумывался.

Специалисты признали «качающегося утенка» изобретением. А завод игрушки «Кругозор» — один из крупнейших в Европе — начал массовый выпуск игрушки. А это уже тысячи и тысячи утят!

Вот так никому не известный утенок из города Павлова стал знаменитым на всю страну, в него уже играют в детских садах, в школах, дома взрослые и дети.

Пройдет много-много лет. Сережа станет взрослым и, может быть, — хочется верить! — станет настоящим изобретателем. Вдруг кто-нибудь спросит его тогда: «А с чего все началось?»

И он расскажет про свою дружбу с соседом-инженером. Это он научил его паять, вырезать, клеить. Научил думать над, казалось бы, неразрешимыми задачами, искать для них простые решения. Он давал Сереже учебники и книги. А вечерами они сидели и говорили, спорили, придумывали. Сначала вместе. А потом Сережа стал придумывать сам.

Утенок, кстати, это не первая работа, которую он посылает на конкурс. До этого Сережа уже придумал самовращающееся огородное чучело. И чертежи послал на конкурс, который объявило местное радио. Но жюри ответило, что такого чучела никакая ворона не испугается — уж больно оно получилось симпатичное. Сережа не расстроился — и сделал «утенка».

Сейчас Сережа занят новой идеей: делает самоподогревающийся коврик для щенка...

Я не удивлюсь, если такую штуку он сделает. Так что будем ждать новых известий.

И. ВЕДЕНЕЕВА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Десять лет назад в Чили произошло событие, всколыхнувшее всю Латинскую Америку. На президентских выборах 1970 года впервые в истории Чили к власти пришло народное правительство во главе с Сальвадором Альенде.

Трудным был путь к этой победе. Реакция старалась вызвать беспорядки в Сантьяго и других городах страны, помешать коммунистам и демократам победить. Но хладнокровие и выдержка фронта Народного единства сдержали натиск фашистов.

В предвыборной борьбе активно участвовала молодежь. Юноши и девушки расклеивали листовки, проводили марши солидарности, охраняли партийные собрания, разоблачали черные замыслы фашистов. Борцом среди борцов была и четырнадцатилетняя Вивиана Корвалан — дочь Генерального секретаря Компартии Чили товарища Луиса Корвалана. Она и сейчас, вдали от родины, сражается за освобождение Чили от ненавистной диктатуры генерала Пиночета.

Вивиана Корвалан — героиня документальной повести Александра ПЕТРУХИНА «Гитара пылает гневом», которая готовится в издательстве «Детская литература». Из публикуемой сегодня главы ты узнаешь о начале революционного пути Вивианы.

Августовским поздним вечером Вивиана Корвалан возвращалась после занятий домой. На улице Марколета она удивленно остановилась: в одном из окон Центрального Комитета Коммунистической молодежи Чили горел свет.

Кто там может быть так поздно?

Девочка поднялась по лестнице и шагнула в темный коридор. Дверь одной комнаты была приоткрыта. Оттуда доносились голоса. Кто-то горячо говорил:

— Нет, дорогой Хорхе, только сегодня ночью!

— Но у нас еще не все готово, Алехандро. И краски кончаются...

Вивиана не удержалась и заглянула в комнату. Она увидела троих парней и девушку. Посредине комнаты — длинный стол, накрытый красной скатертью. На стене — портреты Ленина и Корвалана. В правом углу на полу — кисти и банки с красками. Высокий парень в спортивной куртке сидел за столом и что-то быстро писал. Потом он встал и подал записку крепышу в роговых очках.

— Хорхе, пойдешь по этому адресу. Там еще со вчерашнего вечера для нас заготовлены...

Алехандро осекся, заметив в дверях Вивиану. Он настороженно спросил:

— Девушка, почему ты подслушиваешь? Кто тебя подослал сюда?

— Не слишком ли много вопросов? — отрезала Вивиана и обиженно повернулась, чтобы уйти. Но вдруг услышала:

— Алехандро, сдается мне, что эта девушка — дочь Луиса Корвалана!

Вивиана обернулась. Говорил третий парень — с круглым добродушным лицом и крупными, сильными руками. Он подошел к Вивиане.

— Верно я говорю?

Вивиана взглянула на него. Знакомые черты, где-то она его видела совсем недавно. Но где?.. Вспомнила! Этот парень приходил на днях к ним домой вместе с Гладис Марин, Генеральным секретарем Коммунистической молодежи Чили. И зовут его, кажется, Карлос. Вивиана благодарно улыбнулась ему:

— У тебя отличная память.

— Вот это сюрприз! — удивился Алехандро. — Никак не ожидал, что к нам заявится дочка товарища Лучо. Ты уж прости меня, — продолжал он, — не обижайся за вопросы. Сама понимаешь — обстановка сложная, осторожность не помешает...

— А я и не обижаюсь...

И, в свою очередь, спросила:

— А вы художники?

— По совместительству, — улыбнулся Алехандро. — Виолетта и Карлос — студенты, а мы с Хорхе — рабочие. По ночам разрисовываем стены домов. Видела на мосту через Мапочо призыв голосовать за Альенде? Это наша работа!

Луис Корвалан
с маленькой Вивианой на руках.

— Видела! — восхищенно произнесла Вивиана. — А вам не тяжело вчетвером?

— Вчетвером? — рассмеялся Алехандро. — Нас тридцать человек. И все мы — агитбригада имени Рамоны Парры. Слышала об этой комсомолке? Ее убили полицейские во время демонстрации в 1946 году...

Неожиданно для себя Вивиана сказала:

— Можно я буду работать вместе с вами?

Алехандро задумался.

— Видишь ли, Вивиана, дело это опасное. Хотя мы работаем легально, фашисты могут напасть. Да и полиция не дает нам покоя. А ты еще совсем маленькая.

— И не маленькая, — возразила Вивиана. — Отец считает меня взрослой! Я сейчас позвоню домой, — решила она.

Алехандро развел руками. А Вивиана уже набирала номер.

— Слушаю, — раздался в трубке голос Луиса Корвалана.

— Папа! — закричала Вивиана. — Я только что познакомилась с ребятами из бригады имени Парры. Они скоро пойдут на улицы писать лозунги. Отпусти, пожалуйста, меня с ними!

— Вот оно что! А мы думали, что ты задержалась на занятиях по русскому языку... Бригада берет тебя?

— Берет, если ты разрешишь.

На другом конце провода наступило молчание. Видимо, Луис Корвалан раздумывал. Вивиана крепко прижала трубку к уху. Неужели отец не разрешит? Полминуты показались вечностью. И тут она снова услышала голос отца:

— Ну что с тобой поделаешь? Это хорошо, что тебя тянет к нашей борьбе! Слушайся руководителя бригады. Передай всем парровцам горячий привет.

— Спасибо, папа! — крикнула в трубку Вивиана. Обернувшись к Алехандро, торжествующе произнесла:

— Я с вами!

...В коридоре послышались шаги, и в комнату вошли парни и девушки — человек пятнадцать. Большинство из них были одеты в шерстяные пончо.

Алехандро познакомил парровцев с Вивианой.

— Кажется, все в сборе, — сказал Алехандро и, выглянув на улицу, добавил: — И «чайник» на месте.

Вивиана высунулась в окно. У входа пыхтел небольшой грузовик.

Сантьяго уже был погружен в глубокую ночь. Небо, усеянное звездами, казалось нарисованным. Дул холодный ветер. Вивиана втянула голову в воротник, уткнув нос в шарф.

Алехандро сказал шоферу:

— Сначала на улицу Франклина.

Через несколько минут «чайник» остановился у многоэтажного дома, на стене которого большими буквами было написано: «Отдадим голоса за достойного кандидата в президенты, патриота Хорхе Алессандри!» [1].

Ребята деловито достали из кузова лестницу и направились к стене. Вивиана помогала нести банки с краской. И, поравнявшись с Алехандро, попросила:

— Можно, я первая закрашу?

— Разрешим Вивиане расправиться с буржуем? — обратился он к парровцам.

— Не возражаем, — засмеялись ребята.

Как только лестницу приставили к стене, Вивиана проворно взобралась по ступенькам. Девушке подали кисть. И вот один взмах, второй, третий — фамилия «Алессандри» исчезла.

Через несколько минут на стене красовался новый призыв. «Все голоса за кандидата Народного единства Сальвадора Альенде! Он принесет чилийцам мир, благополучие, работу».

Вдруг откуда-то из-за угла выскочила полицейская машина. Из нее вышел офицер. Его сопровождали шесть вооруженных полицейских.

— Вы что здесь делаете? — грозно спросил он.

Алехандро спокойно ответил:

— Ведем предвыборную кампанию.

Вивиана на встрече
с пионерами-тельмановцами.

[1] Х. Алессандри — кандидат в президенты от реакционных сил, один из богатейших капиталистов Чили.

Сверху полоснула автоматная очередь.
Пабло, взмахнув руками, опрокинулся назад.

— Ночью нужно спать, а не шляться, — прошипел офицер. — Вы нарушаете общественный порядок!

— Сеньор офицер, — заметил Алехандро, — вы явно перестарались! Вам должно быть известно, что в период предвыборной кампании любая партия проводит свои мероприятия в любое время. Это записано в конституции. Так что не мы, а вы нарушаете порядок.

Офицер не ожидал такого дерзкого ответа. С минуту он моргал глазами, а потом взревел, обращаясь к полицейским:

— Арестовать этого наглеца!

Но на помощь Алехандро поспешили комсомольцы. Они окружили его плотным кольцом.

Офицер выхватил пистолет и заорал:

— Бунтовать?! Да мы вас всех перестреляем!

Стало ясно: полицейские идут на провокацию. А этого нельзя было допустить. Поэтому Алехандро обратился к комсомольцам:

— Не горячитесь, ребята. С этими негодяями не стоит связываться. Они способны на все. Пусть они меня забирают. Но завтра мы сообщим во все газеты, что полиция нарушает конституцию. А сейчас расходитесь по домам...

Было около шести часов утра, когда Вивиана, страшно уставшая и озябшая, возвратилась домой. У нее были перепачканы краской лицо и руки. Она сразу бросилась к отцу:

— Папа, спаси Алехандро, его арестовали полицейские. Он ничего не сделал противозаконного, только выступил в защиту комсомольцев и партии.

— Опять полиция показывает свою власть, — покачал головой Луис Корвалан. И добавил: — За Алехандро не волнуйся. Я сейчас же еду в министерство внутренних дел...

Она замечательный рассказчик и внимательный слушатель.

В тот же день Корвалан сообщил дочери по телефону:

— Вивиана, Алехандро на свободе!

— Спасибо, спасибо тебе, папа! — подпрыгнула от радости Вивиана.— Ты у меня самый добрый человек на свете!

— Не за что,— ответил Луис Корвалан.— А ты будь всегда такой отзывчивой, никогда не бросай товарища в беде...

Было около одиннадцати часов вечера, когда «чайник» снова отправился в путь. Погода оказалась холоднее, чем накануне. Ветер дул, не переставая. Парровцы плотнее кутались в пончо.

На набережной Мапочо пустынно. По небу плыли рваные облака, в которые то и дело ныряла луна. Даже такой оптимист, как Хорхе, нерешительно произнес:

Вивиана выступает на митинге солидарности с борьбой народа Чили.

— Бр-р! Однако, братцы, неприветливо здесь. Как в Магеллановом проливе или на острове Досон. Может, поедем в другое место?

— Нет,— решительно сказал Алехандро.— Раз выбрали Мапочо — так выбрали. Сейчас погода везде одинаковая.

Берег реки был выложен булыжником. Внизу бурлила мутная Мапочо. Пабло вызвался нарисовать на набережной антифашистскую карикатуру.

У самого берега оставалась узкая полоска, не залитая водой. Сюда и спустились парровцы. Пабло приставил к каменной стене лестницу, поднялся по ней и стал рисовать. Ребята время от времени подавали ему банки с краской. Вивиана, задрав голову, смотрела, как под рукой Пабло появляются контуры рисунка.

Вдруг сверху послышался тревожный голос Анхела, сторожившего «чайник».

— Сюда мчится на большой скорости грузовик!

— Опять полиция? — предположил Хорхе.

— А может, террористы?..— Но Алехандро не успел закончить. Сверху полоснула автоматная очередь. Прямо над головой Вивианы просвистели пули. Она инстинктивно закрыла голову руками. И тотчас послышался глухой стон. Вивиана увидела, как Пабло, взмахнув руками, опрокинулся назад. Его вовремя подхватили стоявшие у лестницы комсомольцы. Лицо юноши было залито кровью. Кто-то произнес страшные слова:

— Пабло умирает.

Эти слова будто пригвоздили Вивиану к земле. Она хотела идти, но не могла, ноги не слушались.

Кровь с лица раненого комсомольца смыли водой. Глаза юноши были закрыты, а губы что-то шептали. Вдруг Пабло открыл глаза, приподнял голову, обвел взглядом своих товарищей и тихо произнес:

— Прощайте, отомстите...

...Несколько дней Вивиана ходила сама не своя. Луис Корвалан видел, как тяжело Вивиана переживает гибель товарища, поэтому сказал дочери:

— Надо взять себя в руки. Наши враги только и надеются, что горе согнет антифашистов. Но разве мы можем отказаться от борьбы? Никогда! Во имя всех, кто погиб за лучшее будущее Чили, мы должны боль превращать в силу.

Пролетели три недели. И однажды Алехандро сказал Вивиане, что ее будут принимать в комсомол.

Вивиана растерялась.

— Я еще так мало сделала...— пробормотала она.— Конечно, я хочу стать комсомолкой! Очень хочу... Но это надо заслужить... Как Пабло...

Алехандро покачал головой.

— Скромность — очень хорошая черта в человеке. Но ты за короткое время успела сделать многое: доказала свою преданность нашему общему делу. Ты была с нами в ту ночь, когда погиб Пабло. Ты, как и все, рисковала жиз-

нью: пуля могла стать и твоей. Ты не испугалась опасности, снова хочешь быть с нами. Этого достаточно, чтобы стать членом Союза коммунистической молодежи Чили.

...Через два дня Вивиана в точно назначенное время пришла на улицу Марколета. Все собрались в зале Центрального Комитета КМЧ. И вдруг появился Луис Корвалан в сопровождении Гладис Марин. Он тепло поздоровался с комсомольцами, кивнул головой Вивиане.

Принимали в комсомол десять человек. Вначале выступила Гладис Марин. Она подробно рассказала о положении в стране, о задачах комсомольцев. По ее предложению все, кто был в зале, почтили минутой молчания память погибших комсомольцев.

Когда Гладис предоставила слово товарищу Лучо, зал разразился горячими аплодисментами. Корвалан поднял руку, прося тишины. Он говорил спокойно, уверенно и с улыбкой.

— Я всегда рад встрече с вами. Среди вас я словно молодею. И радуюсь, что ряды коммунистической молодежи растут, что комсомольцами становятся самоотверженные, преданные нашему делу люди.

Хочу вам напомнить слова Ленина. Еще в 1920 году он призывал юношей и девушек учиться коммунизму. Этот ленинский призыв относится и к вам, молодому поколению Чили. Учиться коммунизму — значит быть убежденным бойцом партии коммунистов... Через три дня состоятся выборы президента. Если победит Сальвадор Альенде, положение в стране изменится к лучшему. И тогда потребуются родине ваши знания, ваша убежденность, ваша готовность служить делу народа!

Повернувшись к Гладис Марин, Корвалан закончил:

— А теперь с удовольствием выполню приятное поручение: вручу комсомольские билеты.

К товарищу Лучо один за другим подходили юноши и девушки. Он жал им руки и говорил теплые напутственные слова. Наконец, наступила очередь Вивианы. Корвалан крепко обнял ее:

— Теперь в нашей семье одним коммунистом станет больше.

...Наступило 4 сентября 1970 года, день выборов президента. Вся страна жила этим днем. Часы показывали 21 час 40 минут, когда по радио и телевидению сообщили, что Альенде значительно опередил соперников.

В это время в доме Корваланов зазвонил телефон. Вивиана осторожно взяла трубку.

— Вивиана! — раздался голос Алехандро. — Приезжай на проспект О'Хиггинс, там собираются все парровцы. Альенде теперь никто не догонит! Будем отмечать его победу...

Автобусы не ходили. Улицы и площади были уже заполнены народом. Вивиана добиралась пешком. Вокруг нее люди обнимали друг друга, целовались, поздравляли с победой. Десятки тысяч людей — сторонников фронта Народного единства заполнили проспект. То тут, то там раздавались возгласы:

— Альенде — президент! Альенде — президент!

Изредка, правда, попадались и мрачные субъекты, смотревшие исподлобья.

Вивиана добралась до места и сразу увидела парровцев и среди них — Виолетту, Алехандро, Хорхе... На проспекте появились артисты, ораторы, музыканты. Под звуки гитары и небольших оркестров девушки и юноши пели, танцевали.

В три часа ночи было, наконец, объявлено о победе кандидата левых сил. И снова ликование захлестнуло улицы и площади Сантьяго.

Вдруг прокатилась весть: с центральной трибуны сейчас выступит Сальвадор Альенде. К сожалению, Вивиана и ее друзья, как ни старались, не могли пробиться поближе. Им пришлось слушать Альенде издалека.

Президент говорил недолго, но каждое его слово несло в себе большую, выстраданную, много раз обдуманную мысль.

— Победа, — говорил он, — одержана народом, который вместе со мной войдет в президентский дворец Ла Монеда... Намерен всегда быть для всех вас «товарищем президентом»!

Последние слова десятки тысяч людей встретили бурей оваций. Президент — товарищ! Раньше к главе государства обращались не иначе, как «сеньор», «ваше высокопревосходительство». Вот почему люди с восторгом кричали:

— Да здравствует товарищ президент!

Рисунки Л. БАРАБАША

Виолета ПИЛЬЧИНСКАЙТЕ,
лауреат премии Ленинского комсомола Литовской ССР

Старый город

Город
Старых труб и крыш,
Ты еще, наверно,
спишь...
К старым трубам
Ранней ранью
Отправляюсь на
свиданье.

Ничего,
Что утром даже
У меня ладони в саже...

За плечами я несу
Маленькую лесенку
И тихонечко свищу
Ласковую песенку:

— Ждет меня нелегкий
труд —
Сотни крыш и сотни
труб.
Я хочу, чтоб город мой
Засверкал, как золотой!

Чтоб под солнышком
лучистым
Был он чистым,
Чистым,
Чистым!

Янтарь

— О чем, волна,
хлопочешь ты?
Зачем ты плещешь зря?
— На берег кинуть хочется
Побольше янтаря,

Чтоб ребятишки зоркие
На утренней заре
Могли найти по горсточке
Прозрачных янтарей.

В часовой мастерской

Вздыхали старые часы:
— Мы никогда не врали.
Мы были точные часы.
И вдруг мы захворали...

Мы очень старые часы
Из города Тракая,

Сто лет ходили, как часы,—
И вдруг — беда такая!

Нас сделал мудрый
часовщик,
Секунды мы считали —
Не отставали ни на миг...
И вдруг сломались.
Встали...

Мне жаль вас, старые
часы,
Ваш маятник блестящий,
Ваш гулкий бас,
Что бьет часы,
Ваш деревянный ящик...

Но тут к ним мастер
подошел,
Их разобрал вначале,
Почистил,
Смазал хорошо —
И снова застучали:

— Идем — тик-так! —
Не кое-как —
Секундочки считая!
Почтенные часы —
Тик-так! —
Из города Тракая.

Поезда

По рельсам поезда спешат,
Перегоняя ветры.
Встречают их глаза ребят,
Их добрые приветы.

«Счастливый путь!» —
И взмах руки.
Вагоны пролетели...
Как светофоров огоньки,
Листвы кленовой зелень.

Платформы катят, грохоча,
На спинах тащат грузы:
Сталь, уголь, тонны
кирпича,
Комбайны и арбузы.

Гудят, несутся поезда
По солнечному миру.
Везут они туда-сюда
Веселых пассажиров.

А на перронах — толкотня,
Бой колокола звонкий,
И... снова машет ребятня
Ладошками вдогонку.

Перевел с литовского
Георгий ГЕРАСИМОВ

Рисунок П. ПРОКОВА.

ПЕРЕМЕНКА

Сегодня в гостях у «Переменки» актер Николай Караченцев. **Николай Караченцев** — очень известный актер. И те, кто не был в театре имени Ленинского комсомола в Москве, наверняка видели его в кино и на телеэкране. Встретиться с Николаем Караченцевым мы попросили нашего корреспондента Ольгу Михайлову.

Корреспондент. Николай, вы, конечно, слышали о «Переменке»?

Караченцев. А как же? Кто из школьников не знает, что урок — это всего лишь незначительный промежуток времени между двумя переменками?..

Корреспондент. Вы три месяца откладывали нашу встречу. Расскажите, чем вы так заняты?

Караченцев. Вот мой день: утром — репетиция, днем — съемки, вечером — спектакль, ночью — подготовка к репетиции, съемкам и спектаклю... Обедать не успеваю, иногда удается перехватить за кулисами котлету. Но она, как правило, оказывается бутафорской.

Корреспондент. Актером вы решили стать в детстве?

Караченцев. Уже в десятом классе я поступил в студию при детском театре. Но мой приятель посоветовал перейти в студию при Доме киноактера. «Там дают пропуска, и можно бесплатно смотреть все фильмы», — объяснил он. Ну, я туда и поступил. А когда пересмотрел бесплатно все фильмы, пошел и подал заявление в школу-студию МХАТ. Школа-студия, ребята, от обычной отличается тем, что завуч там обязательно народный артист СССР, а гардеробщица — заслуженная артистка республики. После окончания студии я пришел в театр, где играю уже двенадцать лет. Вы еще журнал «Пионер» не начали выписывать, а я уже в спектакле «Синяя ворона» (не путайте с «Синей птицей») сыграл роль пионера Васи Парамонова.

Корреспондент. В последнее время вы играете, как правило, молодых людей, задиристых и неуравновешенных. Вы и в школе были таким?

Караченцев. Ну что вы! Я всегда терпеть не мог драчунов! И драться не любил. А уж обидеть младшего или девчонку — я и представить себе такого не мог! Только когда уже стал актером, то один раз пришлось подраться.

Корреспондент. То есть как — «пришлось»?!

Караченцев. Я не хотел. Но по ходу фильма режиссер требовал, чтобы я это сделал. Мы с Мариной Нееловой снимались вместе. Лучше бы я автора сценария отлупил. Но деваться было некуда. Я закрыл глаза и... ударил. А потом три ночи не спал. И вдруг выяснилось, что пленка была бракованная и этот кадр в фильм не войдет. Выходит, зря я такую прекрасную актрису ударил. После этого, когда Марину вижу, на другую сторону улицы перехожу.

Корреспондент. А сейчас вы где-нибудь снимаетесь?

Караченцев. Нет. Сейчас я по вашей просьбе даю интервью для «Пионера». А вот совсем недавно снялся в Одессе в трехсерийном детективе. Жуткое дело. Мне пришлось драться, на мотоцикле ездить, с собакой схватиться. Огромная собака, чуть-чуть побольше вас. Но для того, чтобы она на меня бросилась, хозяйка должна была ее раздразнить. Меня предупредили: «Собака на вас бросится, но вы не давайте ей кусать себя за кисть руки, отгрызет. Суйте ей в зубы локоть, там куртка, пока она до кожи доберется...» Мне сразу не по себе стало. Начали пса дразнить. Он рычит, глаза горят, из пасти слюна капает. Потом команда «Фас!». Пес бросился на меня... Но вот что интересно: он прекрасно понимал, что мы играем. Как только режиссер давал команду «Стоп!», собака мгновенно начинала вилять хвостом и вообще всячески выражала ко мне дружеские чувства. Ну просто законченный артист! С псом обошлось. А вот с мотоциклом не обошлось. Потому что самый хороший мотоцикл, должен вам сказать, гораздо глупее породистой собаки. Умная собака никогда не позволит себе сбросить хозяина в кювет на скорости 100 километров в час.

Корреспондент. Теперь-то вы умеете водить мотоцикл?

Караченцев. Артисту все приходится водить. От лошади до самолета. Причем, неизвестно, что сложнее. Бывает, попадается лошадь с таким характером!.. Во всяком случае, меня еще ни один ИЛ-18 за ногу не кусал, а с лошадьми бывало.

Корреспондент. Напишите что-нибудь на память нашим читателям!

Чехов, удачи, доброй и счастливой жизни

Н. Караченцев

ЯРОСТЬ КАМЕННЫХ РЕК

Стремительный топот копыт разбил тишину. Душным вечером 8 июня 1921 года по улицам Алма-Аты промчались на взмыленных конях несколько всадников.

— Спасайтесь! Сель идет! Сель!!! — кричали они на скаку.

А со стороны гор приближался странный, низкий, зловещий гул.

И вот на южную окраину города обрушился чудовищный поток воды, грязи и камня, поток высотой в двухэтажный дом. Мелькали сломанные и вывороченные с корнем деревья, обломки строений и оград. Не успевал пройти один разрушительный вал, как через минуту вслед за ним из ночного мрака возникал второй. Восемьдесят таких валов за один только час обрушилось на засыпающий город. Были тогда и человеческие жертвы...

Сель — по-арабски значит бурный, бушующий, бешеный поток. Страшное это бедствие хорошо знакомо жителям Гималаев, Анд, Памира, Тянь-Шаня и других горных районов.

Возникает сель там, где горные склоны крутые, но почва на них рыхлая. Она не скреплена дерном, и породы легко размываются водой. Промчатся по таким склонам бешеные потоки воды и потащат за собой камни и грязь.

Такое бывает, если прорвет горное озеро, пройдет сильный ливень или начнется быстрое таяние снегов...

Только в нашей стране сели ежегодно наносят большой урон народному хозяйству, разрушая мосты, дороги, заливая илом поля.

Один из самых страшных селей за всю историю человечества возник 31 мая 1970 года в Перу. Все началось с землетрясения, когда со склона одной из высочайших вершин Перуанских Анд оторвался целый ледник и рухнул в озеро. Выплеснувшаяся вода смешалась с глиной, песком и камнем. Возник тяжелый вязкий вал длиной в полтора километра, около километра шириной и высотой в многоэтажный дом. Эта махина в 80 миллионов тонн со скоростью курьерского поезда обрушилась на цветущие долины.

За несколько секунд были уничтожены, залиты многометровым слоем грязи поселок Ранрахирка и городок Юнгай. Более двадцати тысяч человек погибли в одно мгновение, не успев даже понять, откуда пришла гибель. Спаслись лишь мальчик-пастух, который был в горах, да несколько местных жителей, оказавшихся на высоком холме. На их глазах гигантский темный вал перехлестнул через каменную гряду — и города не стало. Над мертвой пустыней высились лишь развалины кафедрального собора да облепленный грязью и перевернутый остов автобуса. И хотя в это же время землетрясением было разрушено еще двести пятьдесят населенных пунктов, юнгайская трагедия потрясла весь мир.

Откуда берет каменный поток такую огромную разрушительную силу?

Все дело в том, что если скорость течения возрастает вдвое, то поток может перемещать камни в восемь раз более тяжелые, чем раньше. И, конечно, тем самым он увлечет больше песка, глины, щебня.

Особенно страдают от селей горные дороги. Каждый метр их вырван у гор взрывчаткой, мощью бульдозеров, долгим и тяжелым трудом строителей. А сель в несколько секунд уничтожает сотни метров, а то и километры дороги, уничтожает полностью, точно и не было ее...

Многие помнят сообщения в газетах, как летом 1966 года в Ферганской долине сель размыл насыпь железнодорожного полотна. В это время как раз должен был пройти пассажирский поезд Москва — Андижан. Два путевых обходчика успели предупредить, казалось бы, неминуемую катастрофу — они сообщили на ближайшую

станцию по телефону одно только слово «Сель!». Будка, где они находились, была сметена страшным валом. Пожертвовав своей жизнью, они спасли сотни других: поезд был остановлен...

В нашей стране изучением селей занимаются научно-исследовательские институты, лаборатории, специальные станции, экспедиции, отряды. Составлены карты и Каталог селеопасных рек на территории СССР (кстати, оказалось, что сели могут образовываться и в довольно суровом климате, например, на трассе БАМа). Написаны рекомендации по прогнозу отдельных типов селей.

Но можно ли бороться с селями? Что человек в силах противопоставить этому грозному и страшному явлению? Вот что предлагают ученые.

Селевой поток можно перехватить, отвести в сторону по бетонному руслу. Таких искусственных русел только в Таджикистане более 400 километров. Самые крупные каменные глыбы задерживаются специальными гребневыми плотинами. Горные склоны покрываются террасами, и это не позволяет дождевым водам размывать их. При небольших селях такие методы защиты успешно применяются.

Несколько лет назад появились РОСы — радиооповестители селей.

Специальный прибор сигнализирует, когда обрывается трос, натянутый поперек русла, где возможен сель. Сигнал принимают на ближайшей метеостанции и оповещают жителей по радио. К величайшему сожалению, эти приборы еще не совершенны: бывает, что сель вдребезги разбивает всю установку, да так быстро, что прибор не успевает сработать. Даже место, где он стоял, невозможно потом отыскать...

Не принесли пользы и так называемые селеуловители — решетчатые щиты из железобетонных балок, устанавливаемые поперек селеопасных долин. По замыслу они должны задерживать глину и камни, а воду пропускать небольшими ручейками. А на практике получалось наоборот: вместо того, чтобы разлиться, распластаться вдоль по долине и при этом потерять свою силу, сель скапливался у решетки, на мгновение приостанавливался, поджидая отставшую воду, уровень потока резко поднимался, напор увеличивался, и, набрав силу, проломив решетку, сель устремлялся дальше.

Сложна и трудна борьба с этим стихийным явлением. Вот почему таким замечательным событием стало сооружение гигантской плотины под Алма-Атой. 21 октября 1966 года в восемнадцати километрах от Алма-Аты, прогремел гигантский взрыв, вызвавший в городе землетрясение силой в несколько баллов. В некоторых домах вылетели стекла. Клубящееся дымное облако поднялось над горами.

Тысячи тонн взрывчатки вырвали из склона два с половиной миллиона тонн камня и швырнули его на дно долины. Образовалась плотина высотой более шестидесяти метров. Однако ученые подсчитали, что этого мало. Через полгода, 14 апреля 1967 года, новый взрыв увеличил высоту плотины до 90 метров. Теперь плотина перегородила долину реки Малой Алмаатинки. В нижней части ее были сделаны водосливные отверстия, через которые по проекту должна уйти вода остановленного селя. Как будто все было продумано...

Никто не предполагал, что алма-атинской плотине очень скоро придется держать главный экзамен.

В верховьях Малой Алмаатинки расположены несколько ледников. Неподалеку от самого большого — два моренных озера. Необычно жаркая погода вызвала интенсивное таяние ледников, и в озера хлынуло такое количество талой воды, что они переполнились и прорвались. Гигантский сель мощностью в сто двадцать миллионов лошадиных сил помчался вниз по долине, то вспарывая ее рыхлое дно, то высоко выплескиваясь на скалистые берега. Вмиг он снес селеуловитель возле турбазы Горельник. Страшно представить, что могло бы произойти, если бы на пути селя не встала плотина.

Бешеный поток уперся с разбега в каменную преграду, закрутился и замер. Образовалось большое грязевое озеро. Остановили! Казалось, опасность позади: успокоившийся сель неподвижно лежал у плотины. Но водосборы под плотиной наглухо забило грязью и камнями, русло Малой Алмаатинки ниже плотины пересохло, а река продолжала приносить каждую секунду новые кубометры воды, и уровень грязевого

Здесь была дорога, тяжким трудом проложенная в горах. Сель смыл ее в несколько секунд...

озера медленно, но неудержимо поднимался. До гребня плотины уже недалеко...

Срочно была создана чрезвычайная противопаводковая правительственная комиссия. Поднятые по тревоге, садились в машины, грузились в вертолеты гляциологи, гидрологи, селевики, проектировщики и строители плотины. Надо было во что бы то ни стало предупредить переполнение озера. Другого выхода не было. Мчались в горы тяжело груженные машины, вертолеты садились прямо на гребень плотины, четверо суток, не смыкая глаз, трудились две тысячи человек. В кратчайший срок были доставлены, смонтированы на берегу озера и пущены шестнадцать сорокатонных насосов, предназначенных для нефтепромыслов. И вот 20 июля они потянули в себя густую, мутную, рыжую воду, сбрасывая ее в сухое русло под плотиной. Уровень озера остановился, замер на одной отметке, а потом начал сначала медленно, а затем все быстрее падать. Падать!!! Это была победа, первая победа над селем.

Хотя алма-атинская плотина с честью выдержала суровый экзамен, для большей надежности ее высоту увеличили. На этот раз обошлось без взрывов, грунт возили самосвалы. Сейчас уникальная плотина достигает в высоту ста пятидесяти метров. Селехранилище может вместить в себя поток втрое больший, чем в 1973 году. Столица Казахстана в безопасности.

А ученые думают над другими методами борьбы с яростными потоками. Зачем задерживать, останавливать мчащийся сель? Не лучше ли устранить саму причину селя, спустить селеопасные озера? И вот зарокотали в горах дизели бульдозеров. Их стальные ножи с помощью взрывчатки пробивают в моренах широкие водосборы. А за теми озерами, к берегам которых подняться невозможно, ведется регулярное наблюдение с вертолетов.

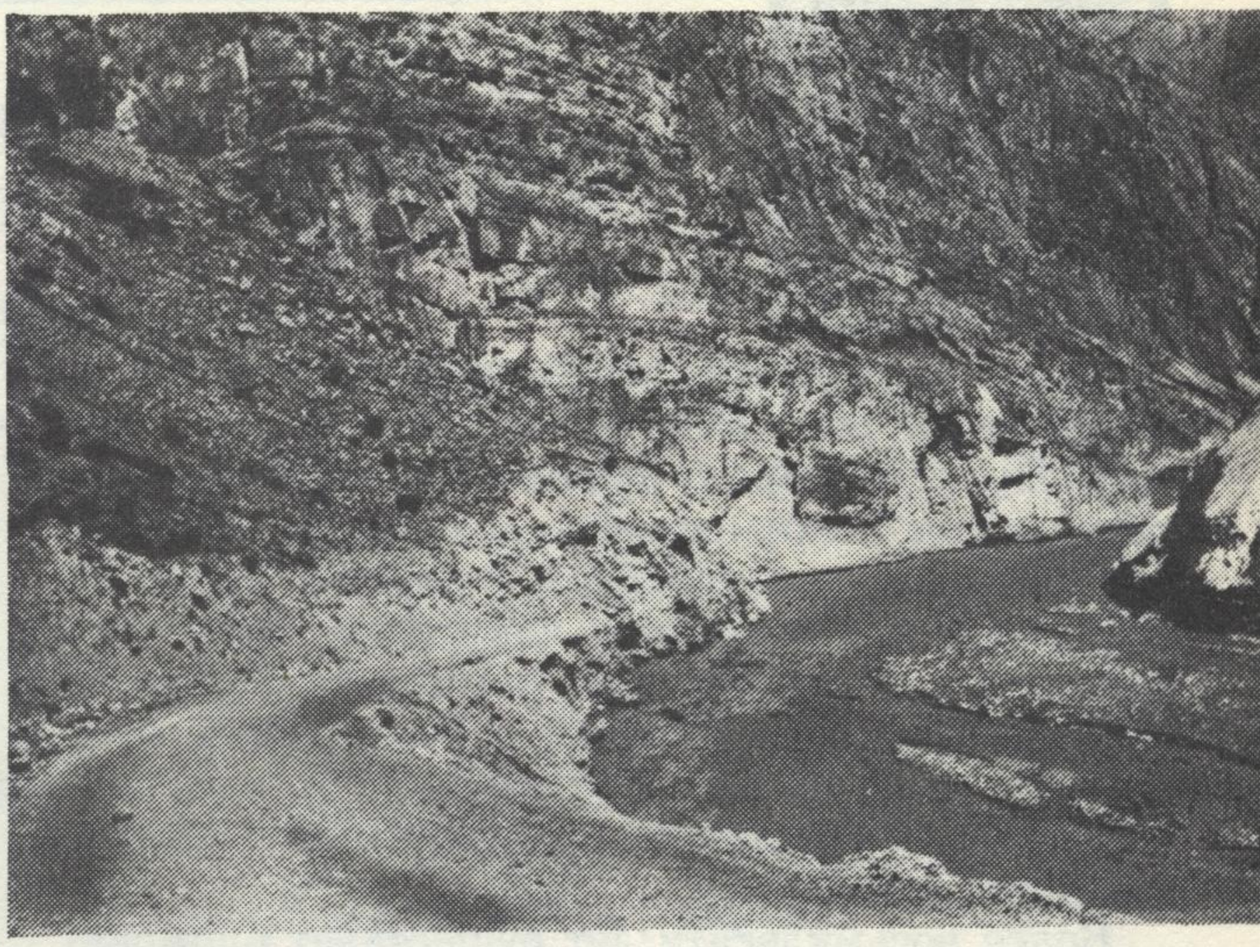
И такой простой путь, как восстановление на склонах растительности, используют специалисты. Интересно отметить, что некоторые леса и рощицы на горных склонах, которые издавна почитались как священные и их категорически запрещалось рубить, на самом деле оказались надежной естественной противоселевой защитой. Их корни прочно скрепляли и удерживали почву на склонах.

В нашей стране сейчас для изучения селей и борьбы с ними используются последние достижения науки и техники.

Под Алма-Атой в урочище Чемолган оборудован специальный полигон для испытания новой аппаратуры и противоселевых сооружений. В особом водохранилище накапливают более десяти тысяч кубометров воды, которую затем всей массой спускают в русло горной реки Чемолган, чтобы испытать новые способы защиты.

И хотя впереди еще немало трудностей, можно сказать, что разведка заканчивается, начинается наступление на сели.

А. А. ЯБЛОКОВ, действительный член Географического общества СССР.
Фото автора.



Сели рождаются и в сухих, прокаленных солнцем ущельях...

Обманчива эта мирная тишина.
Из глубины гор выносятся
сюда, в долину, грозные потоки.

...И здесь, у самых ледников,
берут начало каменные реки.

Итоги филателистического конкурса „От Афин до Москвы"

Около двух тысяч ребят приняли участие в нашем конкурсе. Многие порадовали нас подробным рассказом о древних Олимпийских играх и играх современности, о великом энтузиасте олимпийского движения французе Пьере де Кубертене и о всемирно известном советском гимнасте, неоднократном чемпионе Олимпийских игр Борисе Шахлине, о Всесоюзных пионерских спортивных соревнованиях и, конечно, о марках, посвященных олимпийскому движению и его героям.

Более восьмидесяти лет существует олимпийская филателия. Странами, участвовавшими в Играх, выпущено сейчас уже более пяти тысяч марок!

В Советском Союзе начало олимпийской филателистической летописи положила серия 1957 года, посвященная Мельбурнской олимпиаде.

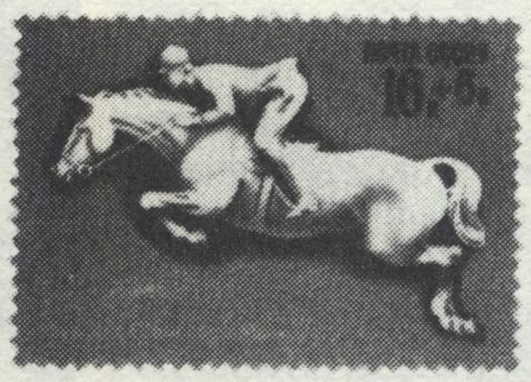
Обо всем этом совершенно правильно рассказывают участники конкурса.

К XXII Олимпийским играм в Москве Министерство связи СССР выпустило свыше 80 марок и блоков, пишут ребята. Правда, отвечая на наш вопрос о том, сколько видов спорта будет представлено на Московской олимпиаде, некоторые ребята ошибочно называют 24 вида спорта, а не 21. На марках СССР предолимпийского выпуска представлен каждый из этих видов спорта.

Со страниц многих работ смотрит на нас олимпийский Мишка. И выдумку и вкус проявили ребята, оформляя свои работы. Лучшие из них показаны в Правлении Всесоюзного общества филателистов во время Олимпийских игр в Москве.

Итак, рассмотрены все работы, присланные на конкурс.

Жюри под председательством летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза, председателя Правления Всесоюзного общества филателистов Л. С. Демина подвело итоги.



ГЛАВНЫЕ НАГРАДЫ ЖЮРИ И ГРАМОТЫ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» ПРИСУЖДЕНЫ:

Воронину Косте из Магнитогорска,

Жулёвой Лене со станции Вохтога Вологодской области,

Зверькову Олегу из Орла,

Коржиковой Елене из Кременчуга Полтавской области,

Митину Олегу из Мурома Владимирской области,

Окуневу Алексею из Москвы,

Пахомову Антону из Челябинска,

Сазанову Олегу из Арзамаса Горьковской области,

Смирнову Жене из Ульяновска,

Тарасову Александру из села Дьяконово Курской области.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАГРАДЫ И ДИПЛОМЫ ПРАВЛЕНИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ФИЛАТЕЛИСТОВ ЗА КОЛЛЕКТИВНЫЕ ОТВЕТЫ ПРИСУЖДЕНЫ:

кружку юных филателистов «Горизонт» Валмиерского городского Дома пионеров и школьников (Латвийская ССР),

5-му классу «Б» средней школы № 15 села Ближнего Крымской области,

кружку юных филателистов основной девятилетней школы имени Мартина Кукучина, город Долны Кубин (Чехословакия).

НАГРАДЫ ЖЮРИ И ДИПЛОМЫ ПРАВЛЕНИЯ ВОФ ЗА ОТВЕТЫ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИСУЖДЕНЫ:

Барановой Светлане из Казани,

Моложину Вячеславу из Миасса Челябинской области,

Окорочкову Дмитрию из Москвы,

Смирновой Ирине из Ейска Краснодарского края,

Ушаковой Светлане из г. Калинковичи Гомельской области,

Шамукову Валерию из Владимира.

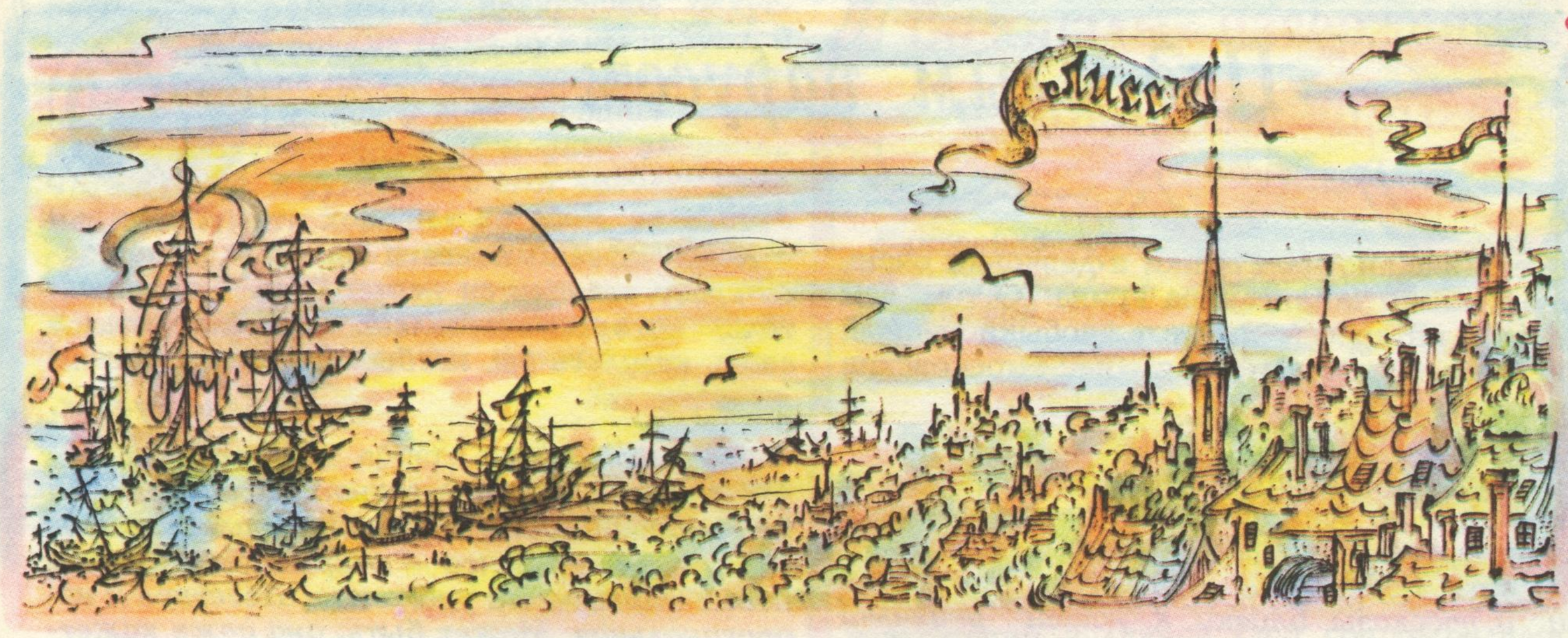
ЖЮРИ ПРИСУЖДАЕТ ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗЫ:

филателистическому клубу «Парус» одесского СГПТУ № 17,

пионерам 8-го класса «Е» основной школы г. Куржим (Чехословакия).

Поздравляем победителей! Всем участникам конкурса — спасибо!

ЖЮРИ КОНКУРСА



Мечты Александра Грина

23 августа 1980 года исполняется 100 лет со дня рождения Александра Грина.

Сто лет назад в городе Слободском — недалеко от Вятки и очень далеко от моря — родился Александр Степанович Гриневский. Через много лет он стал замечательным писателем А. Грином, который написал «Алые паруса», «Бегущую по волнам», «Корабли в Лиссе» и много других интересных книг и рассказов, полюбившихся нашим читателям, особенно тем, кто стоит между детством и взрослостью. О лазурных теплых морях, жестоких бурях, стройных парусниках, о смелых, справедливых людях, побеждающих стихии, о большой любви писал Грин, и писал так правдиво и точно, что кажется, будто сам он не один год прожил и проплавал с этими людьми. Его герои не знают малодушия и коварства, жадности, угодничества, лжи. И удивительно: читая Грина, люди сами становятся чище и совершеннее.

Грин очень много читал. Еще больше — мечтал. Но ни мечты, ни чтение не кормят человека. Ему рано пришлось подумать о куске хлеба. С десяти до пятнадцати лет он был переплетчиком, переписчиком, чертежником. Но ни одно из этих занятий не увлекло маленького мечтателя. Он мечтал о необыкновенных морских приключениях, о великих открытиях, о людях великодушных и сильных. В шестнадцать, добравшись до Одессы, он с трудом поступил на пароход «Платон». Побывал в черноморских портах, но, вернувшись в Одессу, списался на берег: не выдержал непосильной работы. Поступил на парусный дубок, прошел от Одессы до Херсона и тут навсегда простился с палубой корабля. Потом был голод, ночлежки, болезни, нефтяные промыслы в Баку, золотые прииски Урала. Грин валил лес в тайге, служил в театре «на выходах». После недолгой солдатской службы Грин примкнул к эсеровской организации. Работал в нескольких городах пропагандистом. Вскоре был арестован. Потом — тюрьма, жизнь по фальшивому паспорту, ссылка... Все было. А море так и осталось прекрасной, недостижимой мечтой. Не то море, которым неласково встретила его Одесса, а то светлое море, которое покоряют чистые сердцем богатыри.

И мечта сбылась: силой своей могучей фантазии Грин сам создал такое море. Он придумал страну, придумал города, население, людей, которых он так и не встретил в царской России. Придумал и описал. В сорок с небольшим он уже был известным писателем. И, хотя ни на одной карте не было таких названий, весь мир узнал о Зурбагане, Лиссе, Каперне... В пятьдесят три Грина не стало. В последние годы он жил в Феодосии и одну за другой, точно торопился, писал свои книги. Миллионы людей и сейчас читают эти книги и благодарят Грина за то, что он открыл для них чудесные страны и познакомил с сильными, благородными людьми.

Памятника Грину нет. Но Грин и сегодня с нами: книги его есть в каждой библиотеке, они никогда не скучают на полках. Бесчисленные молодежные клубы носят название «Алые паруса». Бороздит океаны большой корабль «Александр Грин». В теплом море, у берегов Вьетнама он горел от прямого попадания американской авиабомбы, но его спасли советские моряки — отважные, честные, настоящие люди, как раз такие, о которых мечтал и писал Грин.

А. НЕКРАСОВ

Под алым парусом

Сегодняшние мальчишки и девчонки очень любят книги Александра Грина. О том, чем дорог и интересен им этот необыкновенный писатель, написали для нас московские школьники.

Приключения гриновских героев похожи на сказку, но во всех них есть что-то обычное и простое, что доступно каждому, и мне тоже... Все дети любят Грина, потому что его повести и рассказы близки к нашей ребячьей жизни.

Лариса Митина.

Этот человек умел видеть в обычных жизненных ситуациях ту красоту, которая превращает жизнь в сказку.

Лена Неряхина.

Когда читаешь повести Грина, на душе как-то сразу становится легче. Грин — это писатель, который заставляет людей верить в свою, казалось бы, несбыточную мечту.

Лена Рудзик.

У Ассоль была мечта: она хотела, чтобы за ней приехал принц на корабле с алыми парусами. А у меня мечта — открывать в космосе новые миры, мечта уже очень известная и неоригинальная. Может быть, она даже кажется какой-то заученной, не своей... Но это МОЯ мечта, такая же единственная и настоящая, как у Ассоль.

Миша Позднев.

У меня было много желаний, какие-то сбывались, какие-то нет. Все говорят: «Алые па-

Рисунки В. РОГАНОВА

руса» — это романтика, прекрасное искусство...» А мне почему-то не нужны паруса, и в искусстве мне не все нравится. Да и желания у меня — не как у всех хороших людей: мне бы стереомагнитофон, модные джинсы... Читая Грина, я думаю, что этот человек умел мечтать, видеть хорошее во всем, даже там, где другие этого не замечают. У Грина была тяжелая жизнь, поэтому из него и получился хороший человек. А у меня пока все гладко. Наверное, это не так уж хорошо.

Без подписи.

Книги Грина не просто читаешь, их чувствуешь душой... Не все мы умеем разглядеть прекрасное в обыкновенном. Этому надо учиться у Грина.

Юля Розенберг.

Мой памятник Грину

Некоторые ребята решили придумать памятник Грину. Каждый фантазировал на свой лад, но все были единодушны в одном — памятник должен быть необычным, непохожим на все остальные. Даже немного причудливым.

«Я считаю, памятник должен быть таким: Грин в костюме капитана Грея стоит на носу корабля, а на веслах сидят его персонажи».

«Еще памятник можно сделать так, что в сильный ветер камень будет звучать».

«Мне кажется, если поставить памятник Ассоль — самой известной героине Грина, все сразу вспомнят про него и поймут, что это памятник писателю».

«Для меня Грин — это прежде всего удивительный мир его героев. Но их нельзя высечь из камня или отлить из бронзы — тонкий гриновский мир исчезнет. Пусть лучше возле феодосийского порта заблистает алыми парусами корабль — настоящий памятник мечте».

Среди ребят нет, конечно, ни профессиональных художников, ни скульпторов. Но у каждого есть личное отношение к Грину. Об этом они и написали:

«Мне кажется, Грин — необыкновенный человек. Он писал о мире, в котором возможно все...»

«По-моему, Грин такой же, как его герои, взрослый ребенок. Иначе как бы он мог пронести через всю свою жизнь такую силу воображения, такую уверенность в грядущем счастье?»

Нелегко создать памятник такому человеку. Может быть, кто-то из вас, ребята, тоже предложит свой проект?

Над проектом памятника Грину работали школьники 204-й и 376-й московских школ Наташа Смирнова, Дима Попов, Геворг Гиндоян, Алла Альтман.

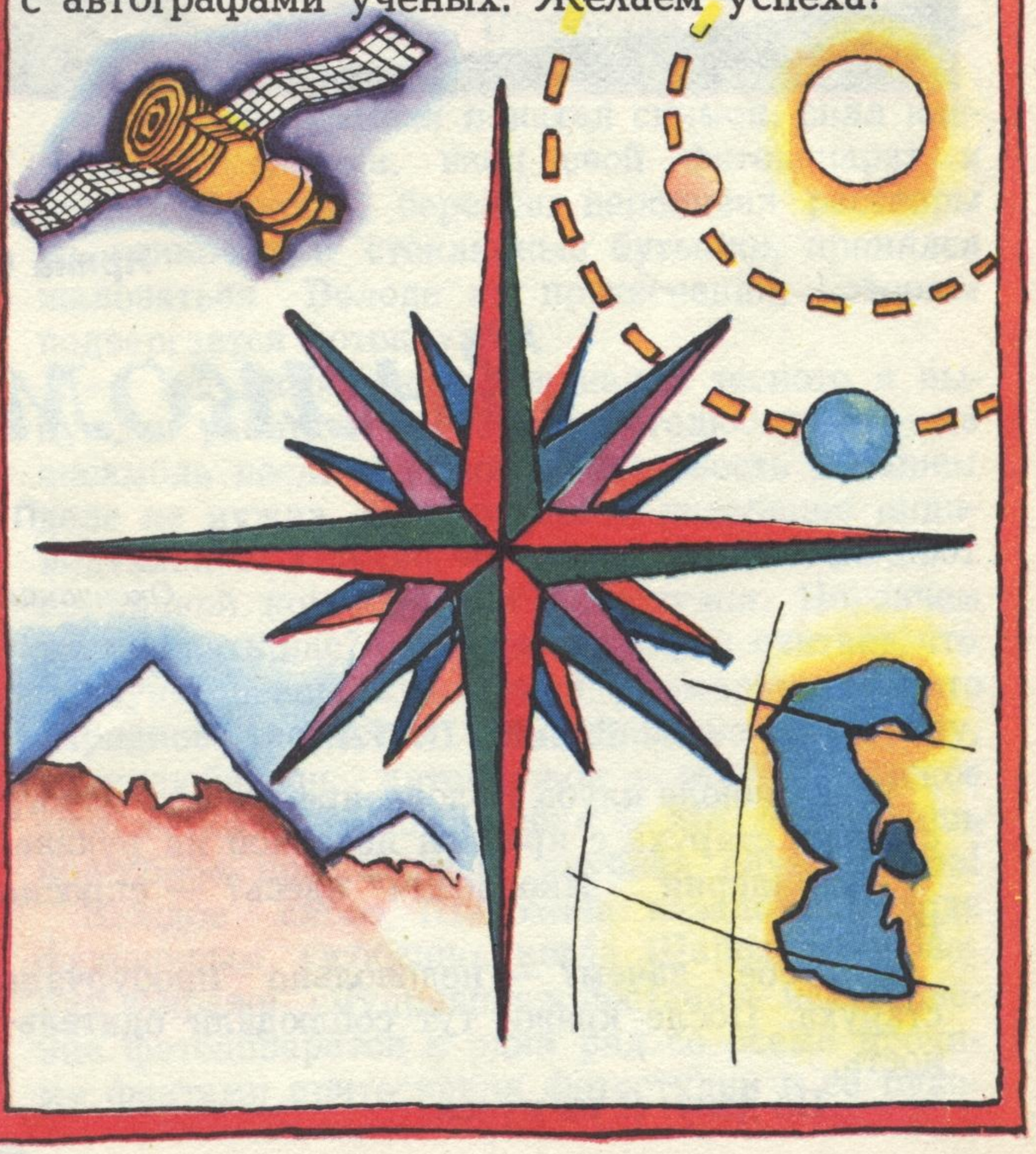
Водопады, извержения. Новое на карте

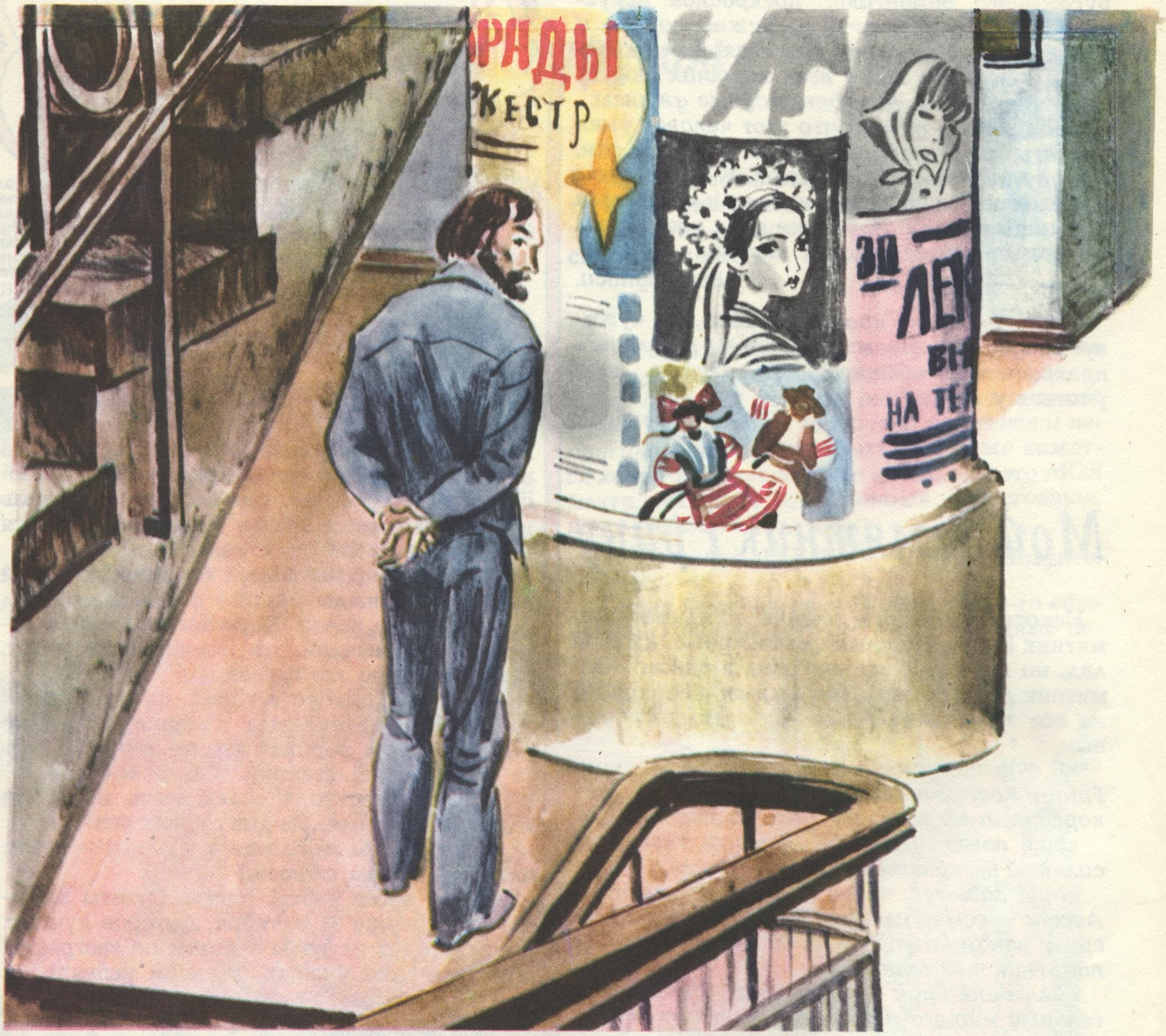
Викторина для любителей географии

В этом номере ты прочитал статью географа А. А. Яблокова о селях, грозных явлениях природы. Тем, кто любит географию, А. А. Яблоков предлагает викторину. Ее участники сделают для себя немало открытий.

1. В конце прошлого века произошло одно из крупнейших за всю историю человечества извержений вулканов. Оно сопровождалось взрывом огромной силы. Когда и где произошло это извержение, чем был вызван взрыв и в каком романе Жюля Верна описывается похожий случай?
2. Где находятся самый большой и самый высокий водопады мира?
3. Недавно залив Кара-Богаз-Гол был отделен перемычкой от Каспийского моря. С какой целью это сделано?
4. Почему высоко в горах не тает снег?
5. Какие интересные явления в океане были открыты нашими космонавтами с борта космической станции «Салют-6»?
6. Всем известно, что лед легче воды. Но как образуется лед на дне горных рек?
7. Когда Земля ближе к Солнцу — летом или зимой, и на сколько?

Ребята, ждем ваших писем. Ответы высылайте не позже 31 октября. Авторов лучших ответов ждут награды — книги по географии с автографами ученых. Желаем успеха!





Ирина СТРЕЛКОВА

Знакомое лицо

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 7.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

ГЛАВА ПЯТАЯ

В вестибюле клуба Володе преградила дорогу суровая старуха с красной повязкой на рукаве.

— Валерий Яковлевич здесь? — спросил Володя.

— Тебе зачем? — недовольно пробурчала старуха. После кражи тут соблюдали бдительность.

— По делу. Я из музея.

Старуха окинула Володю пристальным взглядом, и он невольно поежился.

— Иди! — мрачно изрекла старуха. — Но не отклоняйся! Прямо к Шарохину!

Володя сразу заметил, что в дверь фотолаборатории врезаны новые петли, а на полу белеют свежие стружки и опилки. Однако висячий замок размером с калач болтается на ручке двери. Значит, внутри кто-то есть.

Володя прислушался. Да, там разговаривают, льется из крана вода. Володя попытался приоткрыть дверь. Но она оказалась запертой на внутренний замок. Он хотел постучать, но вспомнил, что Фома уверял его, будто для этого замка подходит любой ключ, даже пилка для ногтей или перочинный нож. Володя достал из кармана ключ от своего кабинета в музее, вставил его в замок и осторожно повернул. Дверь со скрипом отворилась.

— Эй, ты! — приказал мальчишеский голос. — Быстрее! Засветишь!

Володя прошмыгнул в темноту и захлопнул за собой дверь. Никто не спросил, что ему тут надо. Люди были заняты делом. Тесно, голова к голове, они сгрудились у стола, где чуть теплился красный свет. Володя сделал шаг и оказался у кого-то за плечом. Теперь ему стало видно, что на столе в пластмассовой ванночке плавает большой белый лист и кто-то поддерживает лист пинцетом.

На фотобумаге начали проступать тени. Мало-помалу обрисовались фигуры танцоров и чуть в стороне, на табурете — баянист. По неясным еще фигурам можно было догадаться, что пляшут русскую. Парень вприсядку, а девушка кружится, разметав руки.

Володя примечал, как проступили пуговки баяна, вытаращенные глаза плясуна, лаковый козырек фуражки, но женская фигура все еще оставалась нечеткой, как в тумане.

— Стоп! — скомандовал голос Шарохина. — А то передержишь!

Пинцет ущемил фотографию за уголок и перебросил в другую ванночку. Мальчишечьи головы переместились следом за фотографией. Володя уже сообразил, что попал на занятие детской группы. На него по-прежнему никто не обращал внимания. Этих лопухов можно было обворовывать сколько угодно.

— Выставочный снимок! — мечтательно произнес Шарохин. — Обратите внимание, как передано движение. Партнер схвачен, запечатлен, а она неуловима. Молодец, Анкудинов, ты делаешь успехи!

Услышав, кто делает успехи, Володя насторожился.

— На выставку не пропустят, — сказал кто-то из мальчишек веско. — Верка любит позировать. А тут ее вообще не видать. Что вы, Верку не знаете? Как она скажет, так и будет. Вот увидите, на выставку не пройдет.

— И Жорка тут похож на идиота, — добавил один из ребят.

— Ну и что? — обиженно отозвался Женя Анкудинов. — Какой есть, такой и получился.

— Жорка тебе попомнит! — предупредил спорящий.

— Не вижу идиота! — задумчиво произнес Шарохин. — Вы вглядитесь. Он пляшет. Он забыл обо всем на свете. Думает только о ней!

Мальчишки фыркнули:

— Так он же за Веркой бегает! Он ей жениться предлагал. Нам, говорит, квартиру дадут без очереди. А она вчера...

— Чтобы я не слышал у нас в студии грязных сплетен! — вспылил Шарохин. — Давайте все поздравим от души Женю Анкудинова с большим творческим успехом. На этом занятие объявляю законченным. До свидания, идите тихо. Чтобы мне на вас никто не жаловался! А ты, Женя, останься, доведи свою работу до конца.

В темноте мальчишки один за другим прошмыгнули мимо отступившего в сторону Володи. Без сомнения, теперь они заметили постороннего человека, но не проявили никакого интереса. Кажется, юные фотолюбители привыкли к визитам клиентов своего руководителя.

Однако Володя очутился в неловком положении. Оставшиеся за столом Шарохин и Женя не догадывались о его присутствии. Как теперь объявиться? Не придумав ничего лучше, Володя кашлянул. Откуда он мог знать, что Женя такой пугливый! В ответ на тихое «кхе-кхе» раздался пронзительный визг.

— Валерий Яковлевич! Чего они дразнятся!

— Ребята, кончай баловаться! — бросил Шарохин, не оборачиваясь.

— Это не ребята. — Володя сделал шаг. — Это я, Валерий Яковлевич, Киселев, из музея.

— Владимир Александрович? Мы и не слыхали, как вы вошли.

— Да я только что, — промямлил Володя.

— Мы уже кончаем, через минуту зажжем свет.

Наконец вспыхнул свет.

— Покажи Владимиру Александровичу, чем ты снимаешь, — приказал Жене руководитель.

Мальчишка протянул Володе фотоаппарат иностранной марки.

— Последняя модель. — Шарохин вздохнул. — У Жени дядя на дипломатической работе. Он привез. — Шарохин почмокал губами. — Какие фотоаппараты я видел у комиссионки, но цена-а-а!.. — Его глазки грустно увлажнились.

«Что надо было Шарохину у комиссионки?» — подумал Володя.

Аккуратный Женя накатал снимок, снял клеенчатый фартук, взял свой фотоаппарат и ушел. Шарохин, бережно переливая растворы из ванночек в стеклянные бутылки, принялся жаловаться Володе на притеснения, которым подвергается фотокружок.

— Вы сами видите, в какой тесноте я вынужден работать! Конечно, фотолюбители — не ансамбль песни и пляски. Массовость в нашем деле не нужна, фотография — увлечение индивидуальное. Хорошо, я согласен, пускай не дают приличной комнаты для фотостудии. Но зачем же унижать нас? Руководство клуба считает, что плясуны, певцы, художники, драмкружок — это народное творчество. Выпиливание по дереву, радиолюбители, автокружок — это техническое творчество. А фотография — это всего лишь подсобное предприятие, клубная служба быта!

Каждое слово Шарохина казалось Володе фальшивым. Особенно, когда Шарохин заговорил о краже, умудрившись поставить исчезновение фотоаппаратов в один ряд со всеми прочими фактами притеснения фотостудии и ее руко-

водителя. Вор чуть ли не вступил в заговор с Анфисой Петровной, которую Шарохин называл Ан-Фис.

— С новыми фотоаппаратами мы бы себя показали! — фальшиво негодовал Шарохин.— Но кому это нужно? Ан-Фис? Конечно, нет!

Володя с интересом наблюдал за игрой Шарохина. Непонятно, почему Фома решительно отрицал причастность фотографа к краже. Наконец Шарохин понял, что явно переигрывает, и полюбопытствовал, что привело заместителя директора музея в лабораторию. Володя признался, что ему нужны два билета на первый вечерний сеанс.

— Трудно! — Фотограф напыжился.— Однако осуществимо! — Он полез в ящик стола, достал пакет из черной бумаги.— Следуйте за мной.

В вестибюле Шарохин направился в темный закуток и постучал в дверь кассы. Дверь приоткрылась. Фотограф проворно сунул в щель черный пакет. Дверь открылась пошире. Володя увидел, как пожилая кассирша, улыбаясь, вынимает из пакета фотографии.

— Прелесть что за девочка! Чудо-ребенок! — умильно нахваливал Шарохин, наполовину протиснувшись в дверь. Затем обернулся к Володе.— Давайте рубль!

Кассирша протянула Шарохину два билета. Не отрывала, не размечала места своим толстым синим карандашом. Володя понял, что билеты были заранее для кого-то отложены.

— Четырнадцатый! Середина! — Шарохин восторженно причмокнул.— Вот что значит затронуть чувства любящей бабушки! На таких местах у нас сидят только звезды самодеятельности.

Шарохин посмотрел билеты на свет и Володе велел посмотреть. На голубой шершавой бумаге Володя обнаружил еле заметное, синим карандашом «Е. П.».

— Петька Евдокимов,— сообщил Шарохин.— Мой личный враг. На прошлой неделе починил кассирше телевизор. Про Евдокимова я бы вам мог много...— Шарохин вдруг страшно побледнел. Володе показалось, что фотограф кого-то увидел и перепугался.

— Опять я забыл запереть студию! — вырвалось у Шарохина.— Если Ан-Фис застукает, я погиб! — Он без оглядки помчался к себе на второй этаж.

«Опять забыл запереть студию? Странно, странно,— думал Володя.— Ну что же он мне хотел сказать о Евдокимове?»

Володя направился было к выходу, но тут его внимание привлекла толстая колонна посередине вестибюля, сплошь увешанная фотографиями. Володя знал, что после сооружения нормальных лестниц стальную винтовую — ось веретена — забрали в деревянный, обшитый фанерой футляр. Шарохин развернул тут постоянную выставку работ своего кружка. На фотографиях Володя увидел всевозможные пляски, сцены из спектаклей, кубки, модели и вышивки, президиумы торжественных заседаний. Пожалуй, Шарохин не преувеличивал, когда говорил, что фотокружок используют для обслуживания других кружков. Ага, вот и фотография П. Евдокимова, склонившегося над передатчиком... С виду простачок...

Володя не спеша двигался вокруг колонны. И вдруг остановился перед фотографией девушки в русском сарафане. Красавица явно позировала. Да это же Вера Каразеева! Вот еще ее фотография, еще, еще... В молдавском костюме, в украинском, узбекском, грузинском. Под всеми фотографиями меленько подписано: «Е. Анкудинов». С поразительным увлечением фотографирует своевольную Веру мальчик в очках, боящийся темноты. А на последнем Женином снимке Веры почти не видно, фигура смазана. Зачем это понадобилось Жене Анкудинову?

«Женя и Вера Каразеева живут рядом,— с беспокойством продолжал размышлять Володя.— Не случайно Фома выспрашивал у старика Анкудинова, кто ходит к младшей дочке Каразеевых. Выяснилось, что Верой заинтересовался вернувшийся из заключения старший Петухов».

За фанерной обшивкой послышался какой-то шорох, потом заработали острые мышиные зубы.

Суслин схватил Евдокимова за рукав:
— Слушай, Петя, очень важное дело...

— Скверно, — пробормотал Володя, — очень скверно!

Сделав еще несколько шагов вокруг колонны, он натолкнулся на какого-то человека, тоже рассматривавшего фотографии. Володя машинально поздоровался. Тот взглянул с удивлением: «Мол, я вас в первый раз вижу».

— Простите, — выдавил Володя. — Мы не знакомы, я узнал вас по снимку. Вы Петр Евдокимов. Мне о вас говорила ваша учительница, Валентина Петровна Семенова. Я с ней советовался. Я работаю в музее, нам нужен на время специалист по радио...

— Халтурой не занимаюсь! — отрезал Евдокимов.

— Может быть, вы мне порекомендуете, к кому обратиться?

— Да вот хотя бы к нему. — Евдокимов показал на вошедшего в вестибюль солиста ансамбля, партнера Веры Каразеевой, мастера телеателье Жору Суслина.

«Рост метр шестьдесят, не больше, — определил Володя. — На снимках Суслин не выглядит таким маленьким. Еще один фокус Жени Анкудинова. Кроме того, на снимках у солиста роскошные кудри, а сейчас короткая стрижка».

— Суслин, на минутку! — окликнул Евдокимов.

Солист подошел. Володе показалось, что он чем-то очень взволнован. Но это не помешало Суслину сразу же проявить деловые качества.

— Договоримся завтра, — сказал Суслин Володе. — Приходите в телеателье. — Схватил Евдокимова за рукав, отвел в сторону. — Слушай, Петя, очень важное дело... Петухов... — Больше Володе ничего не удалось расслышать: эти двое перешли на шепот.

«Впрочем, для начала у меня впечатлений более чем достаточно», — думал Володя, направляясь к выходу. В дверях он столкнулся с Фоминым.

— Ты что здесь делаешь? — подозрительно спросил Фомин.

— Купил билеты! — Володя вынул из кармана голубой клочок и помахал перед носом Фомина. — Между прочим, по знакомству, с черного хода. — Оглянувшись, он убедился, что Суслин и Евдокимов успели исчезнуть. Эти двое явно не хотели попасться на глаза Фомину.

— Ты маг и волшебник! — объявила Валентина Петровна, когда он подвел ее к креслам в самой середине зала.

Рядом два кресла оставались свободными. Свет люстр начал слабеть, когда показалась запоздавшая пара — Вера Каразеева и Петухов. На Вере было длинное пестрое платье из простенькой ткани, скорее подходящей для домашнего халата, и позолоченные босоножки. До того как свет погас, Вера успела смерить высокомерным взглядом премьерши скромную учительницу и ее спутника. Володя перехватил этот взгляд, но не успел разглядеть, отутюжил ли Петухов свой новый костюм. Лицо Петухова, как и в первый раз, показалось Володе абсолютно бесцветным.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Каждый раз, приходя в штаб комсомольской дружины, Фомин оказывался перед портретом мальчишки в ситцевой рубашонке нараспашку, тяжелом отцовском картузе, осевшем на оттопыренные уши. Во время знаменитой стачки, когда вся полиция попряталась по углам, дружина Путятинской мануфактуры охраняла порядок в городе. Затем дружинники, вооруженные револьверами, пытались не пустить в Путятин казачью сотню. В этом бою фабричный мальчонка Ваня Фомин снял с коня дюжего казака, рассадив ему лоб камнем.

Комсомольцы-дружинники считали себя прямыми преемниками рабочей дружины. Штаб дружины, как и семьдесят лет назад, помещался в краснокирпичном здании на Пушкинской улице. Бывший Народный дом, ныне городская библиотека имени Фурманова. Читатели ходили через парадный подъезд, а дружинники — со двора, как и в те исторические времена.

— Что новенького? — спросил Фомин дежурного по штабу Алешу Скобенникова, работающего на фабрике электриком.

— Пока все в норме, Николай Палыч.

Алеша имел обыкновение высказываться кратко. Нынешней осенью он готовился идти на военную службу. Мечтал попасть на подводную лодку. Где-то прочитал об акустиках и решил, что такая военная специальность по нему. В электрических приборах, в радио и в телевизорах Скобенников разбирался великолепно. Он и был тем Тарантулом, который вел на средних волнах подробнейшие технические консультации. Когда дружинники вышли в эфир с требованием прекратить радиохулиганство, Тарантул передал призыв организовать встречу всех заинтересованных сторон за «круглым столом». В назначенный Тарантулом час никто из «ковбоев» и «сатурнов» не явился на условленное место, опасаясь ловушки. Но сам Тарантул пришел, принес кипу чертежей и собственноручно составленный проект двустороннего соглашения между радиолюбителями и горсоветом. Так началась его дружба с ребятами из дружины.

Фомин сел за стол напротив Скобенникова.

— Слушай, Алеша, а почему ты тогда назвался Тарантулом?

— Не по принципу личного сходства, — немного подумав, ответил Скобенников. — Искал звучное слово, поменьше глухих и шипящих. Та-ран-тул! Вы прислушайтесь. Звучит лучше, чем Пират или Фантомас.

— А Синий дьявол как? Звучит?

— Лучше бы Зеленый дьявол, а то Синий с писком выходит. Я помню, Синий дьявол срывался на первом «и». Но «дьявол» — звучит. Лучше Пирата, лучше Сатурна. Веское слово...

— Как ты думаешь, Алеша, зачем понадобилось Синему дьяволу опять выйти в эфир? Сейчас мало кто слушает радио на средних волнах...

Скобенников неопределенно пожал плечами.

— Мало, но слушают. Я сам его не слышал,

но от ребят знаю, что Синий дьявол выходил осторожно, как и тогда.

— Но ведь его с одного раза или с двух мог не услышать тот, к кому он обращается, — заметил Фомин.

— До кого надо, дойдет.

— Еще вопрос можно? Кто тогда сделал Петухову передатчик?

— Ваське? — Скобенников задумался. — Мог и сам. Примитивная штука.

— Для тебя примитивная, — возразил Фомин, — но не для него.

— Для любого, Николай Палыч. Элементарно.

Выйдя из штаба дружины, Фомин решил прогуляться по пятачку. Он не страдал предубеждением против тех, кто тут околачивается каждый вечер. Когда-то лейтенант и сам был завсегдатаем пятачка, откликаясь на прозвище «Фома». Ну и что? Вырос, стал человеком, как и многие его товарищи. Есть среди них и рабочие, и учителя, и врачи, и офицеры.

В ту славную пору своей юности человек по прозвищу Фома с полуслова, с одного взгляда получал на пятачке всю нужную ему информацию. Но сейчас здесь обменивались непонятными словами, незнакомыми жестами и глядели мимо Фомина. Лейтенант двигался по знакомому до последнего кирпичика тротуару, как заморский гость, ничего не смысля в происходящем.

Неожиданно за спиной лейтенанта послышалось хихиканье:

— ...А он ей говорит: «Я тебя, как истинный друг, предупреждаю, в клубе он своровал...»

— А она что?

— Она говорит: «Врешь, не верю».

— Ой, ду-у-ура!

— Я их только что видела, они в кино пошли.

— Ой, она всегда достает билеты! Ну, всегда!

Разговаривали три особы не старше пятнадцати лет. Фомин их только что обогнал. Девчонки держались вызывающе, дымили сигаретами, задевали встречных мальчишек. Однако чувствовалось, что они тут еще делают первые, робкие шаги, ни с кем толком не знакомы.

Фомин прислушался к их болтовне в надежде узнать, кто же все-таки «он»? И кто «она»? Но разговор уже перешел на киноактеров: который из всех самый красивый?

Отойдя на достаточное расстояние, Фомин оглянулся на бойкую троицу и постарался всех запомнить.

«Предупреждаю, как истинный друг, в клубе он своровал...» — значит, кто-то из здешних парней знает вора и предупредил девушку, но она не поверила и пошла с вором в кино. Если вор и его девушка сидят сейчас в кино, то...»

Фомин взглянул на часы. Первый сеанс заканчивался. Публику выпустят из зала через единственные двери. Не помешает очутиться поблизости и проверить некоторые предположения. Но он не успел дойти до клуба. Внезапно на пятачке смолкли гитары. Все лица вопросительно повернулись в одну сторону. И тут же залился свисток, раздался топот бегущих ног, кто-то истошно взвыл.

Когда Фомин подбежал, дружинники крепко держали Ваську Петухова, а Васька вырывался, выл от злости и силился пнуть ботинком врага, лежащего на земле. Кто-то из дружинников помог пострадавшему подняться, и Фомин узнал в нем Жорку Суслина. Глаз у Суслина распух, и Фомин подумал, что завтра у солиста ансамбля появится здоровенный синяк. Жорка достал из кармана носовой платок, отер грязь с лица и принялся отряхивать джинсы и замшевую куртку.

— За что он тебя? — участливо спросил один из дружинников Суслина, когда Петухова увели.

— Черт его знает, дурака! — огрызнулся солист. — Милиция виновата! — Суслин покосился на Фомина и бросил с вызовом: — Распустили хулиганье!

Публика поддержала солиста, и Суслин возвысил голос, стал работать на публику, вовсю обвиняя мягкосердечную милицию.

— Ладно тебе! Раскудахтался... — Дружинника допекла Жоркина демагогия. — Взрослый человек, а испугался сопляка, мальчишку. Ты его мог одной рукой...

— Рукой? — взвизгнул Жорка. — А он меня ножом?!

— Не было у него ножа, — уверил публику дружинник, но в ответ послышались голоса: «Был нож!», «Вот такой!». Кто-то даже видел, как хулиган выбросил в кусты маузер.

— Кончайте спектакль, — сказал Фомин резко. — Пригласите пострадавшего в штаб, там все выяснится.

Суслин наотрез отказался идти с дружинником в штаб.

— Обижается, — пояснил дружинник Фомину. — За стрижку. Хотя мы того дурака, который самовольничал, сразу выставили из дружины и перед Суслиным извинились...

Фомин пошел побыстрее, чтобы догнать дружинников, которые вели в штаб Ваську Петухова. С удивлением Николай увидел рядом с Васькой своих бывших одноклассников, Киселева и Семенову.

— Товарищи! В чем дело? — возмущалась Семенова. — Отпустите его, это мой ученик!

«Не надо было рассказывать Киселю про кражу в клубе», — с досадой подумал Фомин и, проходя в штаб, распорядился:

— Посторонних не пускать!

Двое парней встали на крыльце, загородив путь возмущенной Валентине Петровне и Володе.

— Не имеете права! — протестовала она. — Я учительница!

На крыльцо вышел привлеченный шумом Скобенников. Он подергал себя за ухо и сказал дружинникам:

— Вы что, сдурели? Она учительница. Пропустите.

— Лейтенант не велел, — возразили ребята.

— Самим надо думать, — добродушно посоветовал Скобенников. И обратился к Володе: — Вы тоже учитель?

— Я историк. — Володя в общем-то не соврал. — А Валентина Петровна преподает физику.

— Физику? — Скобенников хмыкнул и покрутил ушастой головой. — Тогда все ясно. Проходите, Валентина Петровна!

Следом за разгневанной и решительной Валентиной Петровной Володя вошел в штаб. Все складывалось на редкость удачно. Сейчас дружинники будут разговаривать с Васькой. Не о краже, а о драке. Но все равно за этим разговором многое откроется для проницательного наблюдателя, каким считал себя Володя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ваську усадили посреди комнаты на табурет. Он весь обмяк. Длинные руки свесились до пола. Поза выражала бессилие, но маленькие глазки настороженно шныряли по комнате.

«Он боится не наказания за драку, — подумал Володя, — он еще чего-то боится».

В отличие от старшего брата Васькино лицо не казалось бесцветным. У Петухова-младшего были золотисто-карие глаза, рыжеватые брови, а кожа лица казалась зеленоватой — верный признак раннего пристрастия к курению.

— Платок есть? — спросил Ваську Алеша Скобенников.

Васька не ответил. Он словно впал в забытье — ничего не видит и не слышит.

«Артист!» — подумал Володя.

Алеша Скобенников пошарил в ящиках стола и вытащил лоскут миткаля размером с носовой платок.

— На, утрись! — Скобенников протянул лоскут Ваське.

Васька взял лоскут и будто бы приложил к носу, а на самом деле заслонил нижнюю часть лица.

«Хитер и умеет действовать исподтишка», — мысленно определил Володя.

Скобенников положил перед собой лист бумаги.

— Ну что, Петухов? — скучным голосом начал он. — Как говорится, давно не виделись. Опять будешь изворачиваться, врать? Опять мы услышим, что ты ни в чем не виноват, что ты никого не трогал?

— Я больше не буду, — сказал Васька и поглядел на потолок.

— Чего ты не будешь? — Скобенников притворился, будто удивлен.

— Драться! — провозгласил покаянно Васька.

— Надоело с тобой возиться! — вздохнул Скобенников.

— Отпустите меня! — подхватил Васька и зарыдал в розовый лоскут, который теперь закрыл уже всю его физиономию. — Я больше не буду!

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно заметил Скобенников. — Скажи все-таки, почему ты сегодня вечером напал на человека, который намного старше тебя и не имеет никакого отношения к твоей компании?

Скобенников вышел из-за стола, приблизился к Ваське.

— Может быть, тебя кто-то попросил затеять драку с Суслиным? Приказал? Ребята говорят, что видели Евдокимова.

Васька остервенело помотал головой и снова уткнулся в тряпицу.

— Суслин тебя чем-то обидел? — допытывался Скобенников.

Казалось, последнего вопроса Васька не услышал. Он окаменел в плачевной позе и словно потерял всякий интерес к происходящему и к своей собственной несчастной судьбе.

— Опять дурака валяешь? — вмешался в разговор Фомин, который до сих пор только наблюдал.

Неожиданно для всех Васька, как ошпаренный, вскочил с табурета, выронил тряпицу, и на лице его отразился страшный испуг. Он замер, словно в столбняке, и вдруг рухнул на пол, забился в припадке, исступленно выкрикивая:

— Не имеете права сажать! У меня алиби! Я смотрел кино! Я их не брал!

Валентина Петровна кинулась к нему:

— Вася, успокойся! Ребята, ну, помогите же! Володя, вызови «неотложку».

Скобенников и прибежавший на крик дружинник отстранили Валентину Петровну, подняли Ваську, усадили на табурет. Володя видел, что звонить в «неотложку» не надо: Васька выкидывает свои обычные номера, и дружинники хорошо знакомы с его фокусами.

Валентина Петровна охотно пошла на мировую.

«В его игре все продумано, — отметил для себя Володя. — Он кричит, что у него алиби: он был в тот вечер в кино, и приятели это могут подтвердить. Что это значит? Может, это правда? Тогда чего он так сильно боится?»

Валентина Петровна, как наседка, защищающая своего цыпленка, налетела на Фомина.

— Я не допущу, чтобы моего ученика запугивали!

— Кто его запугивает? — запальчиво спросил Фомин. — А вы отдаете себе отчет в словах? Вас слушает ваш ученик!

Володя отметил, что со стороны следователь и учительница выглядят потешно — Фома и Валька, проучившиеся вместе десять лет, швыряют друг другу официальное «вы». А тем временем Васька внимательно наблюдает за каждым их движением, следит за каждым словом. И когда он смотрит на лейтенанта, в глазах его вспыхивает желтая злость, а при взгляде на Валентину Петровну — зеленый смешок. Нет, Васька, в отличие от своего старшего брата, не бесцветный, он яркий.

Алеша Скобенников встал между Фоминым и Валентиной Петровной.

— Извините, пожалуйста, — обратился он к Валентине Петровне. — Вы в каких классах работаете? В пятых — восьмых?

Неожиданный простейший вопрос остудил гнев учительницы.

— Не все ли равно, в каких, — сказала растерянно Валентина Петровна. — Я веду девятые и десятые.

Скобенников повернулся к Ваське.

— Если ты, Петухов, когда-нибудь все-таки доползешь до девятого класса, в чем я сомневаюсь, ты хоть физику-то учи по совести.

Сбитая с боевой позиции, Валентина Петровна вернулась на скамейку у двери.

— Ты зря погорячилась! — упрекнул Володя. — Начиналось что-то очень интересное. Теперь твоего Петухова уведут, а мы многого еще не узнали.

— Куда уведут? — забеспокоилась она.

— Хорошо, если бы в каталажку.

— Нашел время для шуток.

Алексей Скобенников составил протокол, напомнил Ваське, что это уже седьмой за лето, и отпустил, заявив, что, если продолжение последует, будут приняты самые решительные меры.

Обрадованный Васька вскочил и исчез за дверью. Володе хотелось кинуться следом за Васькой, дать ему необходимый совет, но он удержался. В интересах дела надо было немедленно ликвидировать конфликт между Валей и Фоминым и раздобыть еще кое-какие сведения. В общем, он уже выстроил свою концепцию, не хватало незначительных пустяков. И Володя с удовольствием попытался представить себе, как удивится Фомин, когда завтра же узнает от Володи, кто вор...

Валентина Петровна охотно пошла на мировую. Она понимала, что судьба Васьки Петухова во многом зависит от Фомина. Скобенников не выказал удивления, когда учительница и лейтенант заговорили на «ты».

— Ты пойми, Валя, мне самому жаль таких ребят, как Петухов, — сказал Фома. — И Альку я помню. Но я гораздо чаще, чем ты, встречаюсь с людьми, нарушившими закон. Я знаю, что о многих можно сказать: не он виноват, а обстоятельства жизни, плохая семья, чье-то влияние. Бывает так, что человек совершил преступление, но при этом сердце у него доброе. Однако за преступление надо отвечать. Преступник должен понести заслуженное наказание. А для этого его надо найти. Надо. — Фомин помолчал и сказал жестко: — Вот Киселева, который занимается розысками для развлечения, я понять не могу!

Володя не верил своим ушам: «Фома знает?»

— Вот что я тебе скажу! — Фомин шагнул к Володе. — Ты эти игрушки кончай! У нас не было, нет и не будет частных детективов!

— Ты о чем? — удивленно спросила Валентина Петровна

— Да так... — успокоил ее Володя и мягко обратился к Фомину: — Ну, что ты, Коля, так зло на меня глядишь? Успокой лучше Валю, скажи ей, что Васька не крал фотоаппараты.

— Еще рано утверждать, крал или не крал. — Фомин сбросил с плеча Володину руку.

— Поверь, Валя, — примирительно сказал Фома, — следователю работать в своем родном городе труднее. Я ищу вора, неизвестную мне личность, а потом вдруг окажется, что я его хорошо знаю. Может быть, даже с детства. И он вполне знакомое мне лицо...

Неожиданно для всех дверь в штаб распахнулась.

— Безобразие! — кричали за дверью и всхлипывали. — Какое вам дело! Мы гуляем, никого не трогаем!

Дружинники ввели в штаб трех девчонок в цыганских юбках до полу.

— За что задержали? — строго спросил Скобенников своих ребят.

— За нападение. Шел Петя Евдокимов со своей знакомой, а они пристали.

— Напали или пристали? — уточнил Скобенников.

— Сначала пристали. А потом напали, то есть ударили.

— Евдокимова?

— Да нет, девчонку.

— Мы ни к кому не приставали! — возмущалась бойкая троица. — Мы его вовсе не знаем! Мы ее с ним первый раз видим!

Дождавшись, пока девчонки выкричатся, дружинник разъяснил Скобенникову:

— Они со мной в одном доме живут. Им еще пятнадцати нет, а вы поглядите, как разукрасились...

Алеша Скобенников снова деловито придвинул к себе лист бумаги.

— Из какой школы?

— Мы больше не будем! — заныли девчонки.

Возле монастыря водитель автобуса и сделал вид, что занимается необходимым ремонтом.

— Что́ вы больше не будете? — осведомился Скобенников, доставая из ящика три куска миткаля.

— Кра-а-аситься! — заревели девчонки. — Дра-а-аться! Она сама виновата! — И пошли перечислять какие-то непонятные, горькие обиды на ту девчонку, стирая лоскутами слезы и грим.

— Твои знакомые сейчас приведут себя в божеский вид, — сказал Скобенников пареньку, который сообщил, что живет с девчонками в одном доме, — и ты их проводишь, сдашь родителям с рук на руки.

Троица умоляюще поглядела на паренька.

— Алеша... — помялся паренек, — может, родителям не сообщать?

— На твое усмотрение. И возьми под контроль их занятия в школе.

— Есть! — уныло ответил дружинник.

Девчонки вытерлись начисто, положили на стол черные лоскуты.

— Теперь и я вижу, что вы еще только-только перешли в восьмой, — дружелюбно сказал Скобенников. — Идите, никого не бойтесь, у вас есть провожатый. И чтобы ту — ни-ни, даже пальцем... Понятно?

— Понятно! — Девчонки обрадованно кинулись к дверям.

— Минутку! — остановил их Фомин. Он свирепо оглянулся на Володю и спросил девчонок напрямик: — Про какую девушку вы сплетничали сегодня? Будто кто-то из ее знакомых вор?

— Мы? Сплетничали? Да это же правда! Мы своими ушами слышали. Жорка Суслин подошел к Верке Каразеевой... Подумаешь, Каразеева! Воображает о себе! А Суслин с Евдокимовым...

«Значит, вот кого предупредили... Веру Каразееву! Так я и предполагал...» — Фомин был доволен, что поговорил с бойкой троицей сегодня. К завтрашнему дню они бы все начисто позабыли. А сыщик-любитель Киселев пусть поломает голову.

Прощаясь с Фоминым, Скобенников что-то шепнул ему на ухо. Вероятно, что-то очень важное. Володя понял это по вытянувшемуся лицу Фомина.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На другой день Володя поднялся пораньше, торопливо поел и побежал в музей, чтобы предупредить, что появится на работе во второй половине дня.

Из музея он направился в клуб. Постоял в вестибюле, послушал, как переговариваются уборщицы, получил кое-какие сведения, имеющие непосредственное отношение к делу о краже четырех фотоаппаратов. Прошелся по вестибюлю, внимательно перечитал объявления, нашел расписание дежурств у радиопередатчика, полюбовался фотовыставкой. Свободно поднялся на второй этаж, прошелся до фотолаборатории, вернулся в фойе, пощупал зачем-то сбитые из досок щиты, прикрывающие винтовую лестницу.

Остановка автобуса № 1 «Вокзал — Посад» находилась в квартале от клуба. На конечной остановке возле монастыря рыжий водитель автобуса вылез из кабины с гаечным ключом и сделал вид, что занимается самым срочным и необходимым ремонтом. Это был не кто иной, как упомянутый Анкудиновым Митя, поклонник Веры Каразеевой.

Бодро помахивая этюдником, который Володя специально взял с собой для прикрытия, он зашагал по булыжной мостовой. Обосновавшись

Милицейский «газик» въехал в ворота монастыря ровно в девять.

на паперти Успенского собора, Володя отметил, что немногие из монастырских жильцов торопятся на работу — тут теперь в основном обитают пенсионеры. Последней мимо Киселева проплыла и скрылась в воротах Вера Каразеева. Братья Петуховы не показывались.

На крылечке, справа от Никольской церкви, показался Женя Анкудинов, осмотрелся по сторонам, протер очки и еще раз осмотрелся. Обнаружив — не сразу — художника, погруженного в работу, Женя принялся кружить по двору. С каждым кругом он оказывался все ближе к каменным ступеням и наконец осмелился приблизиться.

— Ты что же не здороваешься? — спросил Володя.

Женя ужасно смутился.

— Простите, я вас не узнал. Только сейчас, по голосу. У меня зрение плохое.

Володя поспешил загладить свою бестактность:

— Мне очень понравились твои работы на фотовыставке в клубе.

— Спасибо, я рад, — скромно ответил Женя.

— Лучше всего тебе удаются портреты. Чувствуется, что ты стремишься передать характер человека. Я обратил внимание на несколько снимков девушки из самодеятельности. Как ее... Забыл фамилию...

— Вера Каразеева. Она здесь живет, в монастыре.

— Каразеева? Вот скажи хотя бы про Каразееву. Какой ты хотел ее изобразить?

Женя задумался.

— Она добрая... — медленно начал он. — Верит людям. Я ей однажды сказал, что у меня фотоаппарат с цветными линзами. Она поверила. Приходит и говорит Валерию Яковлевичу: «Пускай другие меня не снимают. Пускай только Анкудинов, у него цветные стекла». «Верит людям? — Это сообщение Володю очень заинтересовало. — Но не поверила, что старший Петухов — вор...»

Как только дошло до любимого дела, Женя оказался разговорчивым.

— Я всех соседей снимаю, когда попросят, а когда и сам...

— А ребят, приятелей своих, ты тоже снимаешь?

— Здесь нет ребят, которых интересно снимать. В нашем подъезде живет Петухов, но я с ним не дружу.

— Петухов? — переспросил Володя. — Известный хулиган?

Женя отрицательно мотнул головой.

— Он не хулиган, просто дурила. Я не вижу в темноте, а он нарочно заведет в подземелье и убежит. Я его просил вчера подержать лист бумаги при съемке, чтобы от листа отражался свет. Он не захотел. Ему когда надо, я — пожалуйста, я наладил... — Женя осекся, и Володя понял, что он чуть не сболтнул лишнее.

Володя сделал вид, что ничего не заметил. Решительно ткнул кистью в краску и влепил красный блик на зеленый купол церкви архангела Михаила, которую успел уже намалевать.

— Можно я вас сфотографирую? — спросил Женя.

Не дожидаясь ответа, он умчался в дом и тотчас выскочил со своей замечательной фотокамерой.

— Вы работайте, не обращайте на меня внимания, — приговаривал юный фотограф, кружась вокруг Володи и целясь объективом то снизу, то сверху. — Не надо делать вид, что вы размешиваете краску. Вы на самом деле размешивайте!

И тут Володя понял, что не он, а его обвели вокруг пальца. Мальчишка нарочно мешает ему вести наблюдение за подворьем, загораживает собою то ворота, то спуск в подземелье. Кроме того, Володя отвратительно чувствовал себя под дулом замечательной фотокамеры. У мальчишки несомненный дар запечатлевать на снимках больше, чем можно увидеть самыми зоркими глазами. Обладая слабым зрением, Женя Анкудинов научился колдовать с помощью линз. Черт его знает, какую «главную идею физиономии» он обнаружил в Володе?

Наконец мальчишка перестал щелкать.

— Я быстро! — крикнул Женя, убегая. — Проявлю и отпечатаю!

Володя лихо влепил зеленый мазок на розовую стену и с облегчением положил кисть. На подворье установились тишь и благодать. Петуховы все еще не выглядывали, никто к ним не приходил.

Милицейский синий «газик» въехал в ворота монастыря ровно в девять. Открылась правая дверца кабины, на каменные плиты соскочил Фомин. Сегодня он был в форме. Из кузова с зарешеченными оконцами вылез пожилой усатый милиционер, выпрыгнула черно-серая овчарка.

«Начинается!» — Володя сложил этюдник.

По монастырскому подворью пронесся тревожный шорох. С треском распахивались окна бывшей гостиницы. На каменных крылечках келий возникли пенсионеры в полной боевой готовности. Только Петуховы упорно не показывались. И Женя с дедом тоже. «Но с ними все ясно, — подумал Володя. — Анкудиновы затворились в домашней лаборатории».

Фомин и милиционер с собакой направились прямиком к спуску в подземелье. Володя не стал скрываться, двинулся им наперерез.

— И ты здесь? — холодно бросил Фомин и прошел мимо.

Две фигуры в милицейской форме и собака пропали в темноте. Пенсионеры оставались на своих крылечках. Володя занял позицию у спуска в подземелье, напряженно прислушиваясь к доносившимся оттуда звукам. Наконец раздался радостный лай. «Нашла!» — Володя со всех ног помчался туда.

Четыре коробки, перевязанные шпагатом, собака обнаружила под старым матрацем, бог весть когда выброшенным в подземелье.

— Не успели перепрятать, — сказал проводник Фомину.

— А мне думается, наоборот, успели! — уверенно возразил Володя.

— Киселев! — строго прикрикнул Фомин. — Не лезь не в свое дело.

Собака ощерилась и рявкнула.

Презирая опасность, Володя наклонился и внимательно осмотрел коробки.

— Я так и думал! — Он выпрямился, ожидая расспросов, но Фомин не проявил никакого любопытства. — Я так и думал! — еще загадочней повторил Володя. — Мышь все-таки успела отгрызть уголок. Представь себе, Фома, я слышал, как она трудилась. Хочешь знать, где я это слышал?

Фомин игнорировал все попытки Володи привлечь к себе внимание.

— Вы бы отошли, молодой человек, — попросил усатый проводник. — Мешаете собаке работать.

Овчарка потянула из подземелья наружу. Проводник и Фомин поспевали за ней вприпрыжку. Володе тоже пришлось поторопиться.

Во дворе что-то переменилось. Пенсионеры на крылечках вытянули шеи и смотрели в одну сторону. Через двор полусонной походкой брел Васька Петухов.

«Просто дурила!» — вспомнились Володе рассудительные слова Жени Анкудинова.

Васька, ничего не подозревая, двигался навстречу овчарке, охваченной азартом поиска. Все ближе они сходились, ближе... Подворьем пронесся общий вздох — сейчас овчарка хватанет вора за штаны! Но собака, почти налетев на Ваську, даже не оторвала сопящего черного носа от земли. Натягивая поводок, овчарка потащила проводника дальше, через монастырский сад, к лазу в крепостной стене. Громкий вздох разочарования раздался во дворе.

— Дворняга! — полетело вслед розыскной собаке. — Бобик!

Володя прошел садом, нырнул в лаз. Овчарка металась внизу у воды. Значит, тот, кто спрятал фотоаппараты, приплыл на лодке, поднялся по тропе, побывал в подземелье и тем же путем вернулся обратно.

Сверху Володя видел, как тщательно обыскивают берег Фомин и проводник с собакой. Надеются, что вор оставил хоть какую-нибудь улику, отпечаток ботинка, клок от штанов. Поиски не дали результата. Фомин и проводник стали подниматься вверх к лазу. Володя быстро пошел обратно через сад.

Пенсионеры занимали свои прежние позиции. Васька сидел посреди двора на каменном корыте, оставшемся от бывшего монастырского колодца.

Из сада вышли проводник с овчаркой и Фомин. У всех троих был крайне деловой, решительный вид.

— Можно тебя на минуту? — окликнул Володя Фомина.

— Что тебе нужно? — Фомин остановился, упер в Володю профессиональный, проницательный взгляд.

— Мне? — спросил Володя с высоты своего скромного величия. — Мне ничего не нужно!

— Тогда до свидания!

— Погоди! — взмолился Володя. — Я дам тебе хороший совет! По дороге отсюда на Пушкинской остановись, пожалуйста, напротив телеателье. И пусть Жора Суслин увидит, что с тобой служебная собака. И что собака сидит, положив свою благородную, умную морду на коробки с фотоаппаратами.

— Ты мне надоел хуже горькой редьки! — в сердцах прокричал Фомин, залезая в кабину «газика». — Глаза бы мои тебя не видели!

Эти четыре коробки, перевязанные шпагатом, собака обнаружила под старым матрацем.

Проводник и Фомин поспевали за овчаркой вприпрыжку.

Проводник с собакой забрался в кузов. «Газик» укатил.

Володя оглядел подворье. Пенсионеры исчезли. Васька по-прежнему сидел на каменном корыте. Володя направился к нему, уселся рядом.

— Брат еще спит?

— Спит, — хрипло ответил Васька. — А я вот встал, курить охота. У вас не найдется?

— Я не курю.

Васька сразу же потерял всякий интерес к Володе.

— Слушай, — Володя решил взять быка за рога, — а ты ведь знаешь, что фотоаппараты украл Суслин.

— Ну! — Васька лениво сплюнул. — Знаю. А что?

— Да то, что ты даже видел своими глазами, как он их вынес из фотолаборатории.

— Видел, не видел... — Васька с хрустом потянулся. — Вам-то зачем?

— Суслин их спрятал внутри винтовой лестницы. Правильно?

— Ну, правильно! — В Васькином ответе прозвучала некоторая заинтересованность.

— Ты откуда знаешь?

— Видел сверху, — сообщил Васька.

— Ты заранее забрался на третий этаж, чтобы попасть без билета в зал. Так?

Васька только хмыкнул.

— Почему ты не сообщил, кто вор?

— А кому?

— Кому полагается.

— Еще чего! — На Васькиной физиономии появилась презрительная ухмылка.

Через двор бежал Женя Анкудинов, размахивая только что отпечатанным снимком.

— Передатчик Черному пирату он делал? — быстро спросил Володя.

— Он! — Васька хохотнул. — А вы и поверили? Я делал. Сам! — И пошел вразвалочку, не спеша, к воротам.

Подбежавший Женя Анкудинов положил влажную фотографию на край каменного корыта.

— Все-таки успел! Посмотрите!

— Прекрасный четкий снимок! — лицемерно похвалил Володя.

Фотография ему совершенно не понравилась. На красочном глянцевом снимке перед раскрытым этюдником, напыжась, позировал самодовольный, самовлюбленный, самонадеянный мазила. «Неужели это и есть главная идея моей физиономии?» — ужаснулся Володя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

С плиты, которая стояла прямо в саду под нехитрой крышей, Володя снял кастрюлю с молодой картошкой, потыкал вилкой — готова! — наклонил кастрюлю и стал сливать воду, отворачиваясь от щекочущего пара. Затем поставил кастрюлю ненадолго на огонь, чтобы картошка обсохла. Сполоснул из кружки пучок укропа — тоже со своего огорода, — нарезал, посыпал укропом картошку.

В кустах сирени за пятигранным столом сидели гости — Валентина Петровна и Фомин, догадавшиеся купить по дороге банку сметаны. Молодую картошку в Путятине предпочитают есть со сметаной. Володя это прекрасно знал, однако последние деньги истратил на торт. Без торта сегодня нельзя. Такой день!

— Наваливайтесь! — Володя водрузил кастрюлю на стол.

Когда кастрюля наполовину опустела, Валентина Петровна категорически потребовала, чтобы ей рассказали — все по порядку, — как удалось изобличить вора.

И Володя с важностью начал:

— Итак, Шерлок Холмс раскурил свою трубку и задумчиво сказал... Он сказал, ребята, что кража четырех фотоаппаратов не совсем обыкновенная кража. Суслину нравится Вера Каразеева, а она равнодушна к нему. Тогда Жорка решает напакостить сопернику — Альке Петухову. Он крадет фотоаппараты и подбрасывает их в монастырское подземелье.

— Не совсем так, — заметил Фомин.

— Колька, не мешай, — попросила Валя.

— И подбрасывает сопернику! — уверенно повторил рассказчик. — Помните, в штабе Васька кричал, что у него алиби? Я понял, что он знает, кто украл, и даже видел, как это происходило. — Володя с удовольствием оглядел изумленных слушателей. — Но больше всего мне подсказали фотографии Жени Анкудинова. На них я увидел тревогу в глазах Веры Каразеевой и, главное, увидел характер Суслина.

— Володя, ты меня совсем запутал своими рассуждениями, — перебила Валентина Петровна. — Ты попроще не можешь?

— Не может! — вставил Фомин.

— Простоту я уступаю тебе! — парировал Володя. — Ты очень просто заподозрил в краже Петуховых. Нет, я бы не вмешался в твое расследование, если бы не Валя. Она встревожилась за Ваську. Ты мог его погубить! Вот почему я обязан был вмешаться в это дело. Ради Вали!

— Дать бы тебе по шее! — мечтательно произнес Фомин.

— По правде говоря, сначала я блуждал в потемках тайны... — признался Володя. — Каждый человек казался мне подозрительным. Почему перетрусил Женя Анкудинов, увидев Фому? Почему Шарохин вел себя так фальшиво? Некоторое время, — продолжал Володя, — я подозревал в краже Евдокимова. Он в тот вечер дежурил у передатчика. Кроме того, увидев тебя, Фома, он почему-то поспешил скрыться.

— Потому что я утром с ним кое о чем побеседовал, — проворчал Фомин.

— Жаль, что ты мне ничего не сказал о разговоре с Евдокимовым! — упрекнул его Володя.

— Этого еще не хватало! — возмутился Фомин.

— Ребята, не ссорьтесь! — вмешалась Валентина Петровна. — Вы оба молодцы. Кто бы мог подумать, что вор — Жора Суслин! Он ведь из нашей школы. Когда мы ее кончали, он учился в шестом. Я его хорошо помню. Суслин увлекался радио, но как-то по-барышнически, спекулировал дефицитными деталями.

— В телеателье мне сообщили, что он постоянно занимается махинациями. — Фомин с усмешкой повернулся к Володе. — Помнишь, я тебе рассказывал про радиохулиганов? Суслина тогда тоже засекли. — Фомин помолчал, потомил Володю и добавил: — Кличка у него была не Синий дьявол. Суслин назывался Юпитером. А Евдокимов — Ковбоем.

— Ни на минуту не считал ни того, ни другого Синим дьяволом! — вскричал Володя. — Знаешь, Валя, Фома очень серьезно отнесся к сигналу Синего дьявола и по этому сигналу заподозрил в краже Петухова. Но когда Фома рассказывал мне об этом и я все логически осмыслил, то понял, что Дьявол — типичный недоумок. Тогда я еще не мог предположить, что это сам Васька Петухов.

— Васька? — вырвалось у Валентины Петровны. — Не может быть...

Ее перебил Фомин:

— Киселев имеет в виду не старые дела, а недавний выход Синего дьявола.

— А-а-а... — Валентина Петровна понимающе кивнула.

— Этот Синий дьявол всех сбил с толку. Разумеется, должно было возникнуть предположение, что Синий дьявол опять обращается к Ваське Петухову. Даже я не сразу сообразил!

Мне в последний момент помог все тот же талантливый фотограф Женя Анкудинов, умеющий понять «главную идею физиономии». Он сказал, что Васька не хулиган, а «дурила». При этом у Жени вырвались слова, ничего не значащие для непосвященного, но я-то понял: Женя по просьбе Васьки делал ему передатчик. Васька хотел припугнуть Суслина. Он вспомнил, как сам когда-то испугался угрозы Синего дьявола. И именно под этим именем вышел в эфир.

Фомин демонстративно встал и заглянул в кастрюлю.

— Моя система расследования вас, кажется, совершенно не интересует? — проворчал Володя.

Фомин не ответил, он был занят справедливым дележом остатков картошки и сметаны.

— Володечка, — попросила Валентина Петровна, — объяснил бы ты мне все еще раз и попонятней. Значит, Шарохин привез в чемодане четыре фотоаппарата...

Володя выдержал паузу.

— Оставил их в незапертой комнате и пошел к директору. Это видел Суслин, который направлялся к Анфисе Петровне, чтобы выпросить себе квартиру вне очереди. Суслин надеялся, что Анфиса Петровна расстарается, когда узнает, что он собирается жениться на Вере Каразеевой. Услышав в кабинете директора бурный разговор, Суслин понял, что у него есть возможность прибрать к рукам дорогие новехонькие фотоаппараты. Риск был самый малый. Даже если бы Шарохин застал его в фотолаборатории, Суслин легко объяснил бы, что заглянул по-приятельски. Незаметно прошмыгнув мимо кабинета директора, Суслин спрятал коробки за обшивку винтовой лестницы. А утром уборщицы натерли полы, и Суслин решил, что все шито-крыто. Но Суслина, как оказалось, сверху видел Васька Петухов. А Ваську видел Евдокимов, дежуривший в тот вечер у передатчика. Про Ваську Евдокимов рассказал двоим — Суслину и тебе. — Володя многозначительно взглянул на Фомина. — Я своими ушами слышал, как Евдокимов рассказывал Суслину про Ваську и, очевидно, про беседу с тобой. В тот же вечер Суслин сообщил Каразеевой, что фотоаппараты украли Петуховы, но она ему не поверила. Она добрая, как утверждает Женя Анкудинов. И доверчивая! Но не поверила в виновность Петухова!

— Мама говорит, что они скоро поженятся и уедут на стройку в Сибирь, — перебила Валентина Петровна. — Мама говорит, что она зря плохо думала про Альку, он теперь переменился.

— А Суслин... — Володя опять сделал паузу, — сразу прикинул, что коробки с фотоаппаратами удобнее всего припрятать в подземельях монастыря, подкинуть краденое поближе к Петуховым. А если не найдут, можно будет, когда все успокоится, продать. — Итак, все встало на свои места! — с пафосом провозгласил Володя. — Одно только остается невыясненным. Кто был Синим дьяволом год назад?

— Почему невыясненным? — Фомин искренне удивился.

— Тебе что-то известно? — быстро спросил Володя.

— Не только мне. И Валя знает. — Фомин ухмыльнулся. — Она и была год назад Синим дьяволом. Так ведь, Валя?

Валентина Петровна молча кивнула.

Володя окаменел. Только что он назвал Синего дьявола недоумком.

— Для учительницы... Синий дьявол... Придумано не очень удачно, — наконец выдавил Володя.

— По-твоему, ей надо было выйти в эфир без клички? — Фомин запищал женским голосом: — Внимание, говорит Валентина Петровна! Петухов, прекрати ругаться! Иванов, выключи музыку, садись за уроки! Сидоров, я прекрасно слышу, кому ты передаешь решение задачи!

Валентина Петровна расхохоталась.

— Коля, ты-то как догадался?

— Мне сказал Тарантул. Помнишь дежурного в штабе? Он готовится в акустики, у парня отличный слух, он тебя узнал по голосу. Ты у кого брала передатчик? У Жени Анкудинова?

— Не брала, а заходила к ним. И не к Жене, а к деду. Когда Жени не было дома.

Володя испытующе взглянул на Фомина.

— Этот Тарантул... Он тебе сказал про Валю вчера вечером? Значит, ты еще вчера все знал?

— Естественно! — ответил Фомин.

Володя вылез из-за стола, пошел на кухню, принес самовар и почему-то четыре чашки. Методично, не спеша заварил чай, нарезал торт на четыре части.

— Ладно уж, наваливайтесь!

Из кустов сирени за его спиной послышался треск. Володя обернулся.

— Васька! Вылезай!

— Зачем? — спросили кусты.

— Зачем, зачем! — передразнил Володя. — Чай пить! С тортом! — Он с ловкостью опытной хозяйки наполнил чашки, разложил торт по тарелкам.

— Володечка! — восхитилась Валентина Петровна. — Ты с самого начала знал, что Вася прячется в кустах?

Володя неопределенно пожал плечами и сердито бросил в гущу сирени:

— Я тебя долго буду дожидаться?!

Проломившись сквозь сирень, Васька плюхнулся за стол.

— Ты все слышал? — строго спросила Валентина Петровна.

Васька оторвался от чашки, помотал головой.

— Слышал, но не все. — Желто-зеленые глаза сощурились и превратились в щелочки.

Фомин крякнул и промолчал.

КОНЕЦ

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Расскажи, какие животные встречаются в Северной Америке?

Ученик. В Северной Америке есть зайцы, в кустах водятся овцебыки.

Оксана Петренко,
г. Омск.

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Придумай предложение со словом «мороженое»...

Ученик. Ребята галопом съели мороженое.

С. Никифорова,
г. Экибастуз.

* * *

Учитель. Назовите синонимы слова «гулять».

Ученик. Каникулы.

Д. Литвиненко,
г. Киев.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учительница. Что такое феод?

Ученица. Феод — это заместитель феодала.

Тамара Сидоренко
и Оля Шибаева,
г. Пущино,
Московская область.

НА УРОКЕ МАТЕМАТИКИ

Учительница. Ребята, сегодня мы начинаем новую тему. Кстати, какую тему мы закончили?

Ученик. Старую!

Дима Черемшанов,
г. Ленинград.

НА УРОКЕ БИОЛОГИИ

Учительница. Почему у верблюжьей колючки такие длинные корни?

Ученица. Потому что ей надо ходить за водой.

Эржена Дашиева,
с. Можайка,
Бурятская АССР.

Из школьных сочинений

«Свернувшись в калачик, солнце грело дремлющего кота».

«Он мыл шею до пояса».

«У стены стоял диван в кожаном одеянии».

«Речь автора богата и калорийна».

«У моей подруги заливной смех и свитер с отворотами в горле».

«Над столом висела люстра с фонтанами».

«У кота были сибирские пуховые штаны, а над ними торчал хвост».

Есть писатели, которых все знают по одной, самой знаменитой их книге. Сервантес — это, конечно же, «Дон Кихот», Рабле — это «Гаргантюа и Пантагрюэль», а Дефо — «Робинзон Крузо». О других книгах этих писателей редко кто вспоминает. И напрасно: автор замечательной книги не может быть плохим писателем. Непременно стоит прочитать и узнать другие его сочинения.

В этом номере ты можешь прочитать новые переводы стихов Роберта Льюиса Стивенсона. Да-да, того самого Стивенсона, который написал «Остров сокровищ». У себя на родине, в Англии, он и сегодня один из самых любимых поэтов взрослых и детей.

Куда плывет кораблик?

Кофейным омутом — река,
И золотом — песок.
Бежит река издалека,
И путь ее далек.

Зеленых листьев легкий флот
На пенистой волне.
Вослед кораблик мой плывет.
Вернется ли ко мне?

Его уносит быстрина
В зеленые холмы,
И бьет кипучая волна
В квадрат его кормы.

Пусть кто-нибудь кораблик мой
За сотни миль найдет
И водяную пыль рукой
С бортов его стряхнет.

Прощание с летом

Стоит карета у дверей,
И мы спешим усесться в ней
И шепчем как бы невзначай:
— Прощай, прощай, прощай!

И дом, и сад, и дальний луг,
И давний друг — высокий бук,
И дверь скрипучая в сарай,
Прощай, прощай, прощай.

Прощай, дощатый сеновал,
Где в паутине луч играл,
Где нас будил вороний грай,
Прощай, прощай, прощай.

Дома в последний раз мелькнут.
Над лошадьми взовьется кнут,
Сольется лес в зубчатый край.
Прощай, прощай, прощай...

Путешествие солнца

Солнцу нельзя ни минутки поспать.
Даже когда я улягусь в кровать,
Оно продолжает свой путь круговой
И светлое утро ведет за собой.

В самом разгаре солнечный день.
Мы под деревьями прячемся в тень.
А где-нибудь в Индии черная ночь,
И сонная мама баюкает дочь.

За чаем вечерним мы тихо сидим
И в темное небо печально глядим.
А солнце ушло и пришло на восток.
Ах, если б за солнцем угнаться я мог!

Ветер

Ты можешь птиц в полете сбить
И змей воздушный в небо взвить,
Но шорох твой в ночной листве
Нежнее, чем шаги в траве,
О ветер, весело снующий!
О ветер, песенки поющий!

Ты каждый день и каждый час
Летишь над нами, возле нас.
Тебя касался я, слыхал,
Но так ни разу не видал,
О ветер, весело снующий!
О ветер, песенки поющий!

Наверно, ты старик седой.
А может, парень молодой,
Спешащий в дальние края?
А вдруг ты маленький, как я?
О ветер, весело снующий!
О ветер, песенки поющий!

Дождь

Дождь повсюду, везде и кругом.
Он идет и вблизи и вдали.
Здесь на зонтик мой льет сплошняком,
Где-то в море — на корабли.

Мое королевство

Вдали от хоженых дорог,
Где вереск цвел, кустился дрок,
Лощинку я нашел.
Там у прозрачного ручья
В густой траве в то лето я
Немало дней провел.

Непроходимы и густы,
Мне были джунглями кусты,
И морем был ручей.
Я порт у моря основал,
Оттуда в плаванье пускал
Флотильи кораблей.

Здесь все владения мои,
А населенье — муравьи,
Кузнечики в траве,
И желтых пчел гудящий рой,
И даже птицы надо мной
В небесной синеве.

Я знал, что нет меня сильней.
Я знал, что моря нет синей
И краше городов.
Но мама здесь меня нашла,
И подошла, и увела.
Сказала — чай готов.

И я покинул грозный флот,
И город мой, и мой народ,
И море, и кусты.
Я вслед за мамой в дом вошел.
Какой он темный и большой!
А комнаты пусты.

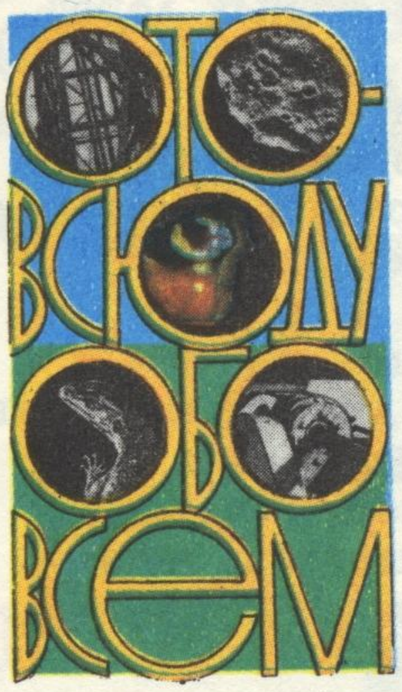
Песни

Дрозды поют в тени ветвей
О гнездах и птенцах.
А моряки в дали морей
Поют о кораблях.

Свою мелодию ведут
Шарманки во дворах,
А дети разные поют
На разных языках.

Перевел с английского
Л. ЯХНИН.

Рисунок Ю. РОДИНА



НОВАЯ ЖИЗНЬ ЧАРЫ

Чара — это небольшой поселок на Тюменской земле. Стоит он в котловине, окруженной высокими остроконечными горами. Добраться до поселка до сих пор можно было только на самолете.

Геологи нашли здесь крупнейшие в Забайкалье залежи коксующегося угля, а в Удоканских горах — богатейшее месторождение медной руды.

Медь нужна всем. Это один из самых дефицитных металлов в мире. Без него остановились бы многие отрасли промышленности. БАМ преобразит поселок Чару. Здесь будет центр Удоканского территориально-производственного комплекса. Вырастет город металлургов и работников горно-обогатительного комбината.

Опять парус?

Последний большой грузовой парусник пересек Атлантический океан лет сто назад. Во всем мире сейчас осталось всего несколько парусных кораблей да и те превращены в плавучие школы для будущих моряков. И вдруг недавно снова вспомнили о парусе.

Конечно, были к тому веские причины. Во-первых, запасы топлива на земле ограничены. Вот и вспомнили люди о том, что совсем недавно сотни парусников справлялись с перевозкой грузов, не тратя ни грамма угля или нефти. Даровая энергия ветра гнала парусник, куда нужно.

И еще: пароход хорош, теплоход еще лучше, да вот беда: загрязняют они океан. А парусник — корабль «чистый».

Правда, у парусного корабля свои недостатки. Придет штиль, и стой в море. К тому же на каждой мачте парусного судна должны работать десятки людей, специально обученных лазать по мачтам и бесстрашно работать там с парусами. Вот тут и подумаешь: что же выгоднее?

И думают люди. Есть уже парусники, на которых машины управляют парусами, а машинами управляет всего один человек. И от безветрия придумали средство: дополнительную ходовую машину.

Недавно в Николаеве инженеры Н. Шередин и В. Шостак предложили проект сухогрузного парусника грузоподъемностью в 50 тысяч тонн! 14 тысяч квадратных метров парусов этого гиганта будут управляться одним человеком, а скорость судна при хорошем ветре не уступит скорости теплохода.

БОБ-ВЕЛИКАН

В незапамятные времена люди «приручили» первые дикие растения. Люди непрерывно изменяли, улучшали их, и теперешние «жители» наших полей и огородов совсем не похожи на своих далеких предков.

Недавно чехословацкий доктор медицины К. Черны нашел в Гане тропическое растение (он назвал его трескучим бобом), которое листьями, голубыми и синими цветами напоминает нашу фасоль. Но не ростом. Трескучий боб похож скорее на дерево: в высоту он достигает трех-четырех метров.

Анализы показали, что и листья, и цветы, и незрелые стручки, и, конечно же, плоды его годятся в пищу, богаты белками, жирами и углеводами. А стебли трескучего боба — прекрасный корм для скота. Как и у всех бобовых, на корнях его живут клубеньковые бактерии. Они добывают азот из воздуха и удобряют им почву.

Боб-богатырь прекрасно чувствует себя в теплице чехословацкого Института тропического и субтропического земледелия.

И вот в прошлом году во Вьетнаме на четырех гектарах чехословацкие ученые посеяли семена трескучего боба. Если чудесные свойства растения подтвердятся и его будут растить на больших площадях, Чехословакия поможет Вьетнаму создать машины для уборки и переработки урожая. А селекционеры постараются сделать это растение еще лучше.

Так социалистические страны помогают друг другу.

Роберт БАБЛОЯН

ЧЕРЕПАШКА ПАШКА

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА

Весной в день моего рождения Галка, которая жила в подмосковном Переделкино, подарила мне черепаху. Да, да, самую настоящую — не игрушечную, а живую черепаху в костяном панцире с четырьмя убирающимися внутрь короткими ножками.

— Чтоб ты, кроме как с ней, больше ни с кем не играл! — сказала она.

— Хорошо,— только и ответил я.

«Ну что ж, черепаха как черепаха,— подумал я,— подарок не обсуждают»,— и поблагодарил Галку.

Вскоре я решил поинтересоваться, как все-таки ухаживать за немой зверюшкой.

Я обратился к Григорию Никитичу — это наш сосед, который недавно из Монголии вернулся и своими узкими глазами и широкими скулами похож был на настоящего монгола. Он всегда ходил в широкополой шляпе, носил толстый потертый портфель. Здороваясь, он слегка приподнимал шляпу, как будто выпускал из-под нее бабочку.

— Гм-м,— ухмыльнулся Григорий Никитич,— что-нибудь по математике или по экономике — пожалуйста, а с этим делом, братец, обратитесь-ка лучше к зоологу.

В нашем девятиэтажном доме из четырехсот квартир ни одного зоолога не оказалось. А в школе я постеснялся обратиться к кому-нибудь с таким смешным вопросом.

Я решил кормить черепаху самым вкусным, что у нас в семье готовилось: харчо, мясными пирожками, фаршированным судаком, голубцами, даже пирожными. Но она от всего отказывалась.

Целый день только и ходит, ходит, ходит. Квартиру за день по нескольку раз обходила. Вот мама была бы рада, если бы к черепашьим ножкам войлочные тряпки привязать! Пол, как зеркало, блестел бы!

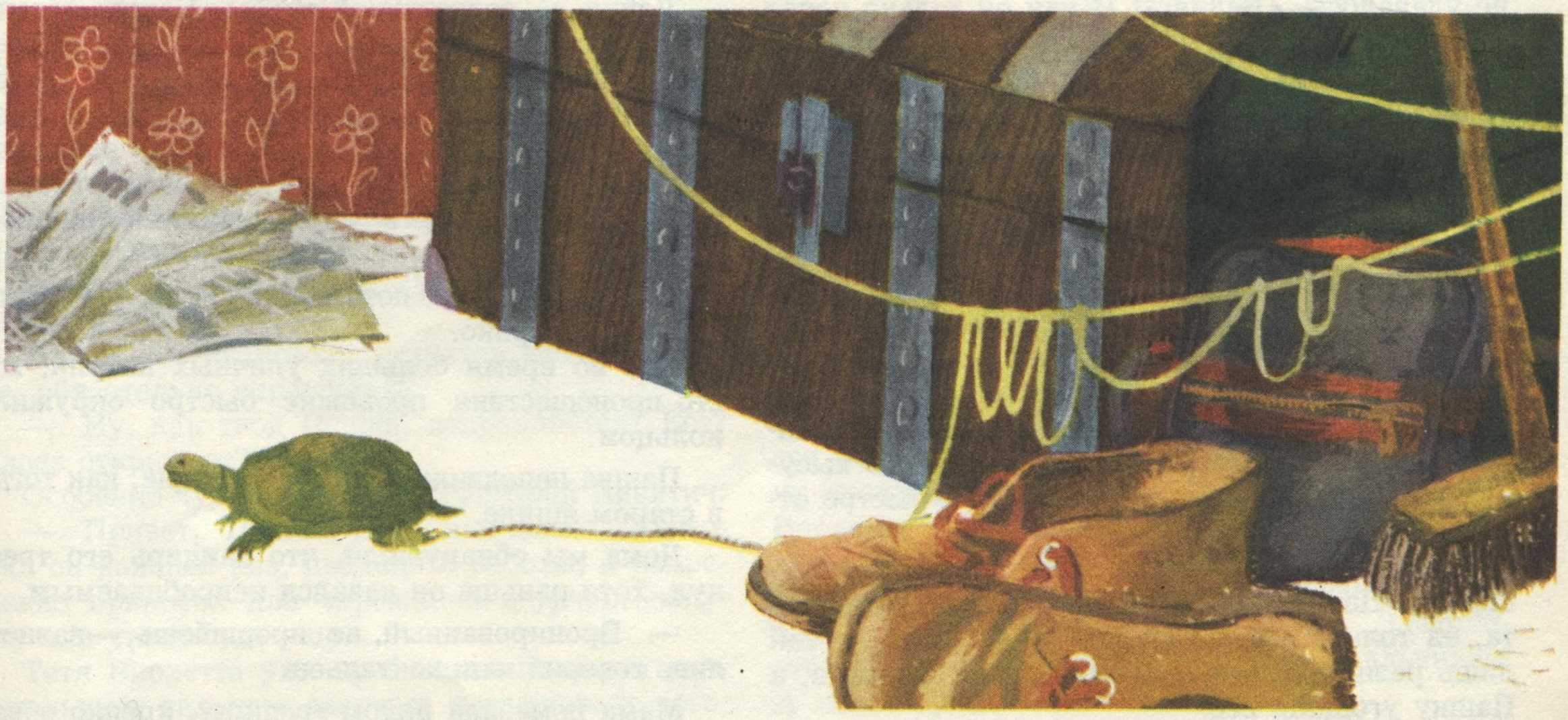
Как-то случайно я разлил воду на кухне и, пока искал, чем вытереть пол, гляжу, черепаха уже пьет. Бедняга! Пить хочет! Я сейчас же налил сладкий чай в блюдечко и поставил в угол.

Вопросов в связи с новым нашим четвероногим жильцом у меня появлялось все больше и больше: кто моя черепаха — «он» или «она»,— сколько ей лет, что любит есть, когда укладывать ее спать и много-много других вопросов.

Пришлось нам с папой ехать в зоомагазин.

В Москве много таких магазинов, но мы пошли в тот, что на Арбате, недалеко от площади, рядом с другим магазином, где марки продают.

Пашку мы нашли в старом бабушкином сундуке с поношенной обувью.



Оказалось, что моя черепаха не «она», а «он», что родился он не где-нибудь в ущельях Кавказа или на склонах Памира, а, как сказал зоолог, в самой настоящей Африке. И что ему уже шестнадцать лет! То есть он почти на четыре года старше меня. Если бы человеком был, уже паспорт бы выдали!

— Как назвать черепашку? — это был еще один вопрос.

— Да что тут гадать?! — сказал папа. — Его имя скрыто в самом слове «черепашка». Пашка!

— И вправду, чере-пашка! — обрадовался я. — Черепашка Пашка!

Утром я объявил всем соседям, что черепашке даю имя Пашка и, будьте добры, так впредь к нему обращаться. И еще добавил: никому на него не наступать, тяжести на панцире не переносить, не дразнить, в воду не бросать, горького и соленого не давать.

Но тут в нашей коммунальной квартире раздалось ворчание соседей.

— Весь день только под ногами и путается, — говорили одни.

— Куда ни повернешься — всюду черепаха, как будто не квартира, а пустыня Сахара! — поддакивали другие.

— Не путается, а ходит, — спокойно поправлял их я и переносил Пашку в деревянный ящик на кухне, куда мы постелили тряпочку и наложили много травы.

Однажды, вернувшись из школы, я не обнаружил Пашку. Обшарил все углы — нет; под диваном и кроватями — нет; в ванной — нет.

— И у меня, гм-м, под кроватью, братец, нет, — сказал Григорий Никитич, встав в дверях с запыленным чемоданом.

Пашку нашли в старом бабушкином сундуке с поношенной обувью, где он беспомощно лежал на спине и казался совсем-совсем жалким, то вытягивая задние ноги, то высовывая голову. Сначала мне показалось, что Пашка после длительного сна нежится, потягивается. Потом понял, что он пытается хоть как-то найти точку опоры, чтобы перевернуться. Но это ему никак не удавалось. «Бедняга! И как он только попал сюда?» — думал я.

Мне сказали, что если черепаха вот так, на спине, пролежит очень долго, — может умереть. Умел бы он говорить, может, крикнул бы: «Люди, помогите!»

Со временем Пашка понемногу научился откликаться.

Однажды Галка Завьялова, которая подарила мне черепаху и с которой я дружу вот уже второй год, привезла мне большое-пребольшое яблоко. Мы его очистили, нарезали на круглые дольки и поочередно стали протягивать их Пашке. Тот долго не брал. Потом вдруг резко высунул из панциря голову и стал быстро-быстро откусывать.

Понемногу мы узнали и о его любимых кушаньях. Пашка, как и наша соседка тетя Виолетта, ел только свежие овощи и фрукты, с той лишь разницей, что тетя готовила и ела сама, а Пашку угощали все.

Даже наш однорукий почтальон, принося телеграмму или какую-нибудь бандероль, старался обязательно погладить Пашку, улыбнуться ему и положить перед ним конфетку.

Со временем мы узнали об особых повадках Пашки. Днем он выбирал такое место на полу, куда падало солнце, и находился там, пока не оказывался в тени. Потом снова переходил на солнечное место... И так — до захода солнца.

Еще мой Пашка очень любил музыку. Не вообще музыку, а, как мне казалось, арабские и индийские протяжные песни. Как только проигрывалась пластинка, он откуда-то из-под кровати или дивана выходил своей медленной величавой походкой, растопырив ноги, высовывал свою слившуюся с шеей голову и, повернувшись боком к проигрывателю, подолгу зачарованно слушал. Даже на яблоко не обращал внимания!

...Летом из Еревана приехал мой маленький брат с длинным именем Матевос. И я стал показывать ему все свои сокровища: тувинские треугольные марки, коньки, термометр в виде золотого ключика, обломок разбитой глиняной посуды из раскопок древнего армянского города Двина, которому более 2000 лет, и, конечно, своего Пашку. Я показал все, что он умеет, а самый лучший номер, как в цирке, оставил на конец.

Обыкновенной веревкой я привязал Пашку за ногу — чтобы случайно не свалился с карниза, и пустил его по широкому выступу вдоль наружной стены нашего дома. Я и раньше так делал, и Пашка очень любил эти прогулки.

Мы выпустили Пашку из окна второго этажа и, по пояс высунувшись, крепко держа конец веревки, внимательно наблюдали за его медленным продвижением. Я всегда бывал уверен в благополучном возвращении Пашки.

Под окном собралось много народу.

— Гляньте, черепаха, настоящая черепаха! — галдели люди.

Одни прохожие с удивлением, другие с улыбкой смотрели то на нас, то на Пашку и, как все москвичи, торопливо уходили.

Дойдя до водосточной трубы, Пашка остановился, осторожно, как маленький танк, развернулся и уверенно пошел обратно. Мы с братом затаили дыхание. Пройдя метра два, Пашка вдруг оступился и — чтоб меня гром разразил, я никогда этого не предвидел — полетел вниз. Мы потянули за веревку — бесполезно, она оборвалась.

В глазах у нас потемнело, на душе стало горько-прегорько.

Как во время больших уличных аварий, место происшествия прохожие быстро окружили кольцом.

Пашка неподвижно лежал на спине, как тогда в старом ящике.

Дома мы обнаружили, что панцирь его треснул, хотя раньше он казался непробиваемым.

— Бронированный, не прошибешь, — завистливо говорил наш почтальон.

Мама помазала йодом трещину, крепко обвя-

Мы выпустили Пашку из окна второго этажа и внимательно наблюдали за его медленным продвижением.

зала шерстяным шарфиком, и мы уложили Пашку в ящик с травой, где он обычно спал.

Несколько дней Пашка ничего не ел, не пил, не двигался.

Теперь все знакомые, встретив меня на улице, обязательно спрашивали:

— Ну, как твой Пашка, поправляется? Ест? Глаза открывает?..

Особенно чутким оказался Григорий Никитич:

— Привет, Пашка, гм-м, как дела? — говорил он каждый раз, приходя с работы, и непременно приносил для черепашки огурчик, капусту или что-нибудь еще.

Тетя Виолетта уже не боялась Пашку и указательным пальцем ласково поглаживала его. Почтальон теперь стал звонить в дверь и без телеграмм и бандеролей...

В одно из воскресений, когда мама и папа пошли во Дворец спорта в Лужниках смотреть заграничный балет на льду, я вынес на кухню проигрыватель и, сев у ящика, поставил арабскую пластинку.

Пашка медленно высунул голову из панциря, резко открыл глаза и показал свои ножки.

Пашка начал двигаться.

В квартире снова стало весело. Приходили гости, приносили овощи и фрукты, трогали Пашку руками, поглаживали, радовались... А тетя Виолетта стала преподносить Пашке еду на маленьком металлическом подносе.

Не приходила только Галка. Увлекшись Пашкой, я совсем забыл свою подругу. Говорят, что она теперь дружит с другим мальчиком. А жаль, правда же?

УМАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой

СЛОВА-НЕВИДИМКИ

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

* * * * * * * * * * * * *

Слова-невидимки ужасно хитры,
Вот правила этой веселой игры:
Запомни, все буквы из первого слова
Находятся также в составе второго,
Но только, конечно, в порядке ином!
Слова притаились, но мы их найдем!

В ... сели моряки,
к чаю береги.

В синем небе ... вьется,
Полный зерен ... гнется.

Опасен ... для цыплят,
дороже, чем шпагат.

Хорош ... из помидор,
В дорогу ... взял шофер.

В котельной ... пышет жаром,
такси помят ударом.

Мое ... из драпа сшито,
В музее ... и корыто.

... с горы глядит в долину,
накачивает шину.

... челна течет немножко,
— противнейшая мошка!

Модель ... были с кучерами,
склейте сами.

... у берега реки,

Забралась ... в куль муки.

кабан салат
банка атлас

* * * * * * * * * * * * *

Сколько лягушат?

Живживка спрашивает

Возле лужицы отряд
Длинноногих лягушат.
Очень стройная шеренга,
По ПЯТЬ ровно — каждый ряд.

По два, по три, по четыре —
Как ни ставил командир,
Неизменно оставался
Лишним кто-нибудь один.

А сейчас в любой пятерке
Все довольны, все в восторге!
Ну, а сколько лягушат
Не в ряду, а в целом?
Свой расчет произведи
С правильным прицелом!

Живживка.

Примечание: учтите, что в лягушачьей шеренге меньше, чем десять рядов.

И ТОГО

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

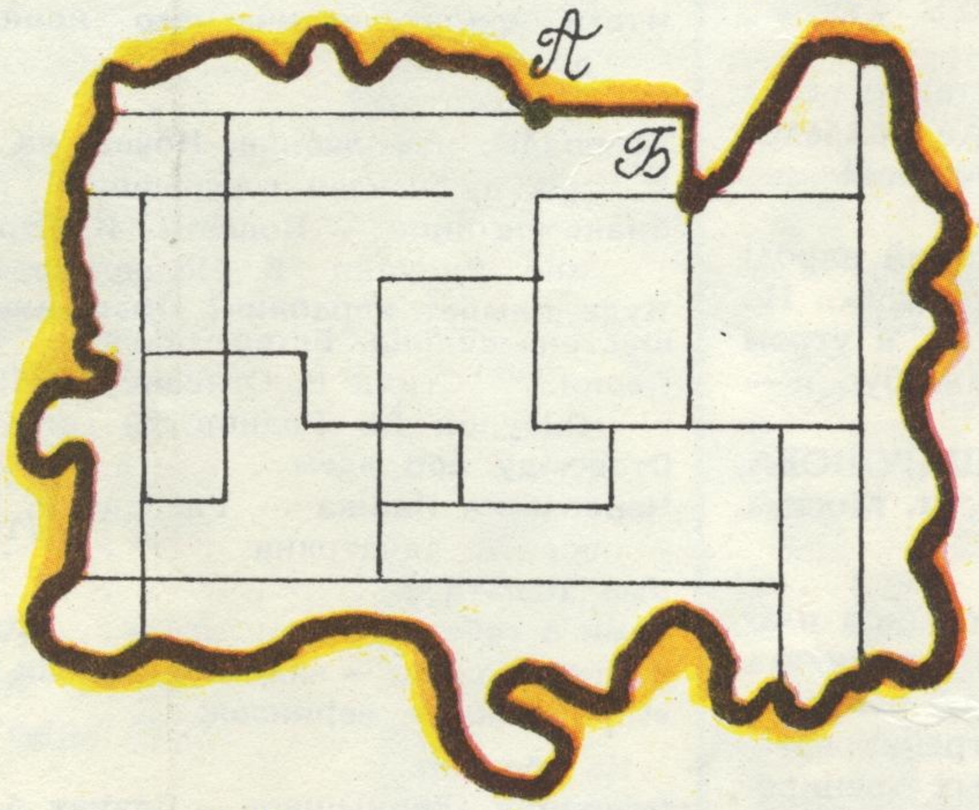
НАЙДИТЕ КЛАД

Капитан Перо ищет помощника

Перед вами план острова, где зарыты сокровища. Дважды к его берегам приставали пираты. В первый раз в бухте «А» — здесь они разделились на две группы, каждая из которых пошла своим путем по прямым линиям. Преодолев совершенно одинаковые расстояния, группы встретились, и в месте встречи был зарыт сундук с драгоценностями. Второй раз пираты высадились в бухте «Б» и снова разделились на две равные группы, каждая из которых вновь различным, но одинаковым по длине путем добралась до места первой встречи. Пираты зарыли рядом с первым сундуком второй. Не могли бы вы найти на плане место, где спрятаны сокровища?

Примечание: перерисуйте план на бумагу в клеточку, это облегчит поиски.

Капитан Перо.



Капитан Перо ищет помощника

Перо ищет помощника

Примечание: перерисуйте план на бумагу в клеточку, это облегчит поиски. Капитан Перо.

Лупа любит марки Того,
Их у нас довольно много.
Ни секунды не теряй,
Сколько марок, сосчитай.

Марок столько, сколько раз можно прочитать слово «Того» на рисунке, читая по всем направлениям: слева направо, справа налево, сверху вниз, снизу вверх, любыми зигзагами. Учтите, что одна и та же буква «о» может быть использована при составлении слова дважды.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 7

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Помогите Лучу Заката

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Какой был счет? Всего было сыграно две игры. А счет таков: Нигер — Мали 3 : 1, Мали — Чад 4 : 4.

Эти часы под номерами 5 и 8. Они показывают одинаковое время.

Дед Буквоед благодарит всех ребят за правильно присланные ответы.

САМИ О СЕБЕ

ЭХ, ЯБЛОЧКО!

Только восемь часов утра, а солнце палит так, будто уже полдень. Обычный день лагеря труда и отдыха. Времени с начала работы прошло немного, но темп взят хороший: пока не устали, надо постараться сделать как можно больше. Подбадривая друг друга, все спешат высыпать свои полные яблок кошелки. Только за спешкой нельзя забывать об аккуратности: яблоки очень нежные и легко бьются.

Из-за жары ужасно хочется пить, но у нас закон: подходить к бачку только во второй половине дня. Закон есть закон. Его мы придумали исходя из опыта: как только расслабишься, попьешь — считай, ты уже не работник.

Интересно, а как сейчас в Москве?.. И вот ты уже не в Краснодарском крае, а дома — пьешь на диване чай, или еще лучше — холодный лимонад. Но мечты прерываются:

— Ребятушки, поднажмем!

Это Анатолий Вадимович. Видит, что уставать стал отряд: кто-то под дерево сел, кто-то к воде поплелся.

— Нельзя пить! Машенька, дружочек, вставай!

Хороший он, всегда нас подбадривает.

— Еще немного осталось. Командир, поднимай народ!

Кажется, что никогда больше сюда не придешь... Но вечером в постели так приятно ноют мускулы, а утром ты, уже совершенно свежий, садишься в автобус и — на работу.

Таня ШАРОНОВА,
г. Москва.

НЕ ОБМАНИ СЕБЯ

Когда мне было семь лет, я записался в секцию плавания. Сначала было очень трудно, ведь мы стремились в воду, плавать на дистанции, устанавливать рекорды, а нас заставляли большую часть времени тренироваться на суше. И только после года усиленных тренировок мы вышли на первые соревнования.

Меня, как самого низкого, поставили на крайнюю дорожку, которая была и самой мелкой. Когда был дан старт, я сразу постарался вырваться вперед и вдруг увидел, что мой сосед только делает вид, что плывет, а на самом деле бежит по дну. Но обманывал-то он самого себя, потому что таким способом далеко не уплывешь и скорости большой не разовьешь. Я прибавил ходу и финишировал первым, сдав на второй разряд.

Дима ЖИВОПИСЦЕВ, 6-й класс,
г. Благовещенск, Амурская область.

ВЕРЮ — МЫ ВСТРЕТИМСЯ

Недавно мы с мамой плавали на теплоходе «Пришвин» по маршруту Уфа — Москва. Я увидела много прекрасных старинных русских городов, познакомилась с их историей. Но самое главное — нашла новых друзей. Два Димы, Леша, Андрей, Лена, Лида и я — ровесники, и, наверное поэтому интересы у нас совпадали. По утрам мы собирались на палубе и рассказывали о себе, своих увлечениях, о прочитанных книгах, слушали радиопередачи. Один раз мы сами выступали по судовому радио — пели песни, читали стихи. На «зеленых» стоянках в небольших деревушках гуляли в лесу, сидели на берегу с удочкой, купались.

А вечером мы опять собирались. Вспоминали прожитый день, рассказывали друг другу истории. Расходились только тогда, когда за нами приходили мамы.

Так весело и незаметно пролетели восемнадцать дней! Остались от поездки лишь добрые воспоминания и фотографии. Мы живем в разных местах, но я верю, что когда-нибудь мы все-таки встретимся.

Оля АНТОНЕНКО,
г. Миасс, Челябинская область.

СОДЕРЖАНИЕ

Клуб «Вратарь» — Фотографии В. Гусева и ТАСС . . . . . II обл.
«Кораблик» 2
Бой солнечных часов — Повесть И. Голубевой. Рисунки В. Дудкина 4
Никто не остался без награды 18
Чайная гора — И. Андрианова, Фотография Б. Задвиля 19
Кем стать, каким стать?
В саксауловом лесу... — А. Стерликов. Рисунки В. Донскова 20
На просторах Родины
Август. Хлеб. Девочка и небо. — Стихи Н. Аникеевой. Рисунок В. Дудкина 23
Ты, я, наш отряд
Акварели о маме.— И. Алексеева, О. Подъемщикова. Рисунки Л. Хачатряна 24
Ребята такие, как ты
Прекрасный утенок. — И. Веденеева 26
Международный пионерский клуб «Товарищ» . . 27
Старый город. Янтарь. В часовой мастерской. Поезда.— Стихи В. Пальчинскайте. Рисунок П. Пророкова 32
«Переменка» 34, 55
Ярость каменных рек — А. Яблоков 35
Итоги филателистического конкурса «От Афин до Москвы» 38
Что нам читать? 39
Водопады, извержения. Новое на карте. Викторина для любителей географии 41
Знакомое лицо — Повесть И. Стрелковой. Окончание. Рисунки Е. Медведева 42
Куда плывет кораблик? Прощание с летом. Путешествие солнца. Ветер. Дождь. Мое королевство. Песни. — Стихи Р. Стивенсона. Перевел Л. Яхнин. Рисунок Ю. Родина 56
Отовсюду обо всем 58
Черепашка Пашка — Рассказ Р. Баблояна. Рисунки Л. Хачатряна 59
Ума палата 62
Сами о себе 64
В стране шаха — владыки черных и белых полей III обл.
«Пионерский» вернисаж . . . . . IV обл.

На обложке:

Операция «Зернышко» — Плакат А. Финогенова и Д. Кассиля из серии «Будь готов!» (серия выйдет в свет в издательстве ЦК КПСС «Плакат»).

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗНЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела коммунистического воспитания), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**
Технический редактор **В. Н. ВЕСЕЛОВСКАЯ.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1980.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 29.05.80.
Подписано к печати 30.06.80. А 10067. Формат 84×60¹/₈.
Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 1767. Заказ № 2508.

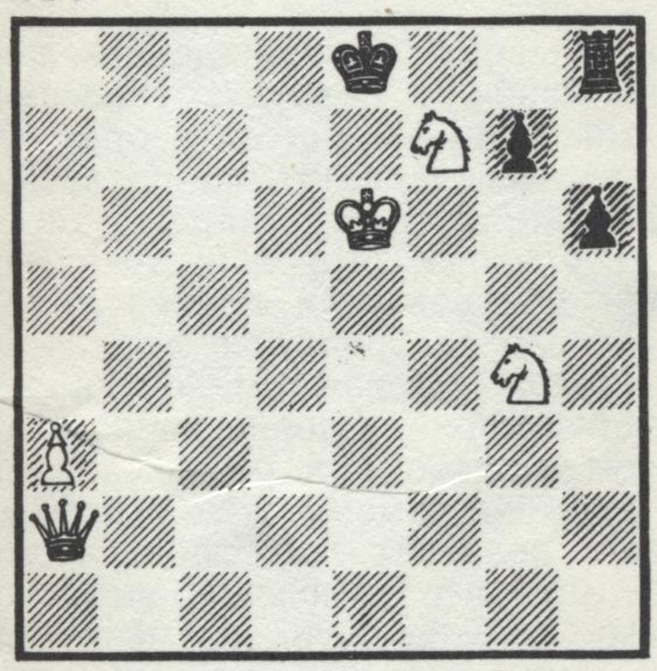
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Ребята из села Мраково

В башкирском селе Мраково немало юных шахматистов. Около сорока ребят занимаются сейчас в школьной шахматной секции. Они проводят турниры клуба «Белая ладья», изучают основы теории, коллективно решают и составляют задачи и этюды. Для занятий сами сделали большую демонстрационную доску.

Секцией руководит учитель, перворазрядник Закир Култаев. За последнее время школьная команда хорошо выступала на районных соревнованиях. Особенно отличились Юнир Мазитов, Алексей Самойлов и другие ученики Култаева.

Публикуем задачу, которую составили для нашего журнала ребята из села Мраково.

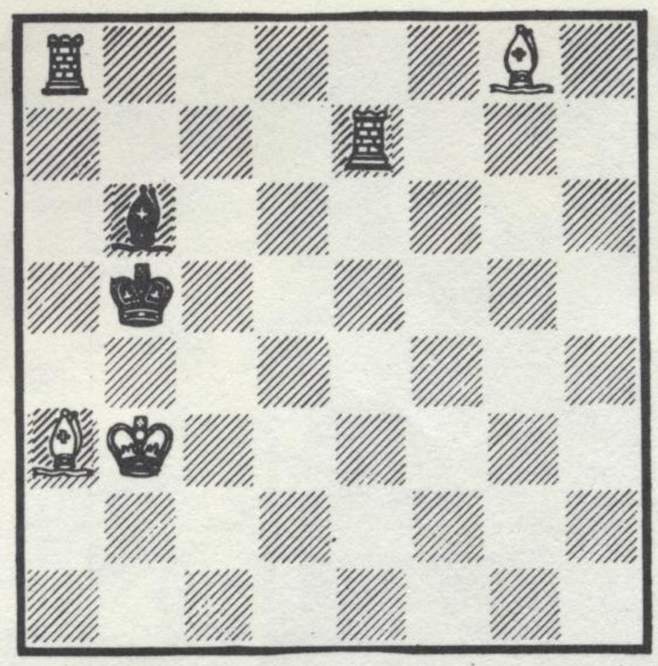


В этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода. Не забывайте, что черные все еще сохраняют право на рокировку.

После того, как решите задачу, попробуйте ответить и на такой вопрос мраковских ребят:

«Возможна ли была бы рокировка, если бы черная пешка стояла на h7?».

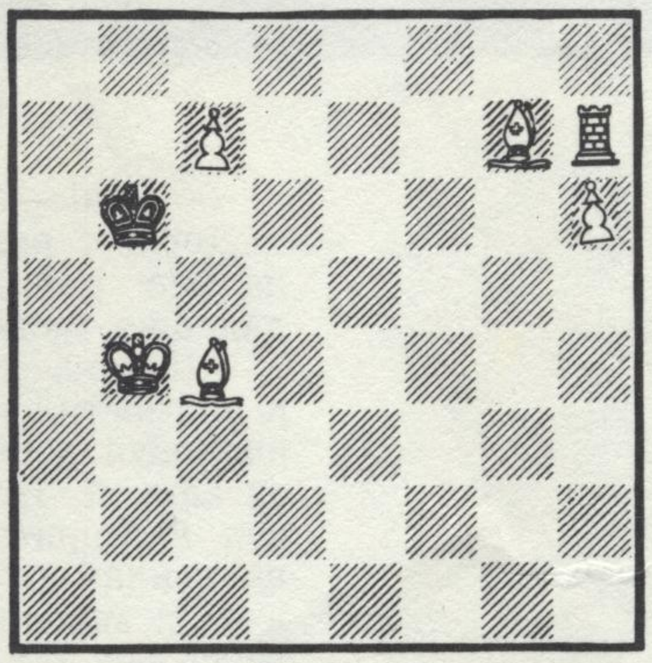
В наше заочное соревнование мы включаем и задачу учителя **З. Култаева.**



Начиная игру, белые дают мат в три хода.

ЧЕТЫРЕ ЗАДАЧИ В ОДНОЙ

Известную тему, использованную в ряде шахматных композиций, по-своему изложил в задаче наш читатель **А. Шапошников** (г. Горький).



В этом положении мат достигается в два хода.

Переставьте слона g7 на b8. Мат снова возможен в два хода.

Не изменится задание, если переставить ладью h7 на d1 или снять с доски обоих слонов.

Все задачи эти нетрудные, и вы, конечно, легко с ними справитесь.

АЗБУКА ПЕШКИНА

Таня Костюкевич (Гродно), **Инна Семенова,** ученица 61-й красноярской школы, **Олег Смирнов** из Ярославля и другие ребята просят нас разъяснять правила игры, рассказывать об основах теории.

В этом номере журнала Пешкин отвечает на два вопроса **Инны Щеголевой** (г. Сергеевка Северо-Казахстанской области).

«Верно ли, что если король дойдет до крайней горизонтали, играющий получает за это пешку?»

Такого правила не существует, оно нелогично и могло бы исказить смысл игры.

«В какие фигуры можно превратить пешку, которая дойдет до первой или восьмой горизонтали?»

В любую, конечно, кроме короля. На доске могут действовать несколько ферзей, ладей, коней и слонов. Примеры подобных превращений содержит задача, приведенная на предыдущей диаграмме.

«Что это за термин — «спертый мат»? На этот вопрос просит ответить **Сережа Скосырев** (Смоленск).

Так называют позиции, в которых собственные фигуры отнимают у короля поля для отступления.

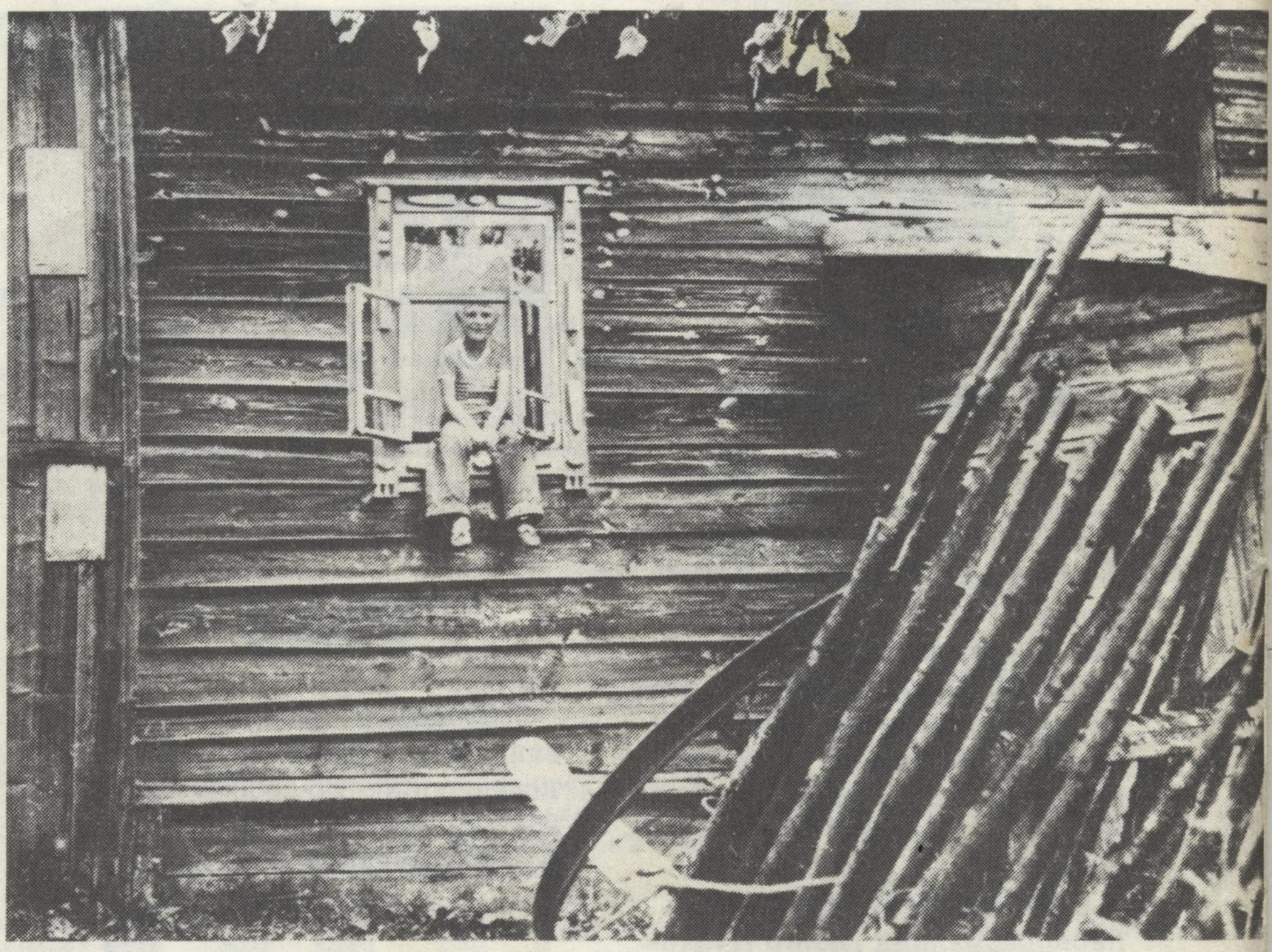
Это финальная позиция в партии, которую давным-давно играли два шахматиста. Хорошие ходы отмечаются восклицательными знаками, плохие — вопросительными. Попробуйте сами разобрать эту партию:

1. e2—e4 e7—e5 2. Кg1—f3 Кb8—c6 3. Сf1—c4 Кc6—d4? 4. Кf3 : e5? Фd8—g5! 5. Кe5 : f7 Фg5 : g2 6. Лh1—f1 Фg2 : e4+ 7. Сc4—e2 Кd4—f3 — мат.

Типичная картина «спертого мата». Белый король в плотном окружении своих же фигур.

Если вы смотрели кинофильм «Джентльмены удачи», то, наверное, обратили внимание на то, что эту партию разыграли и герои фильма в исполнении артистов А. Папанова и Г. Вицина.

ОСТА-НОВИСЬ, МГНО-ВЕНЬЕ!



— Ура! — кричит девчонка.— Пять!!!

Дорого, видно, далась ей эта отметка! Погляди на нее: рот до ушей, глаза сияют, растопыренная ладошка машет в воздухе — пять, мол, пять!

...Парень вылез в окно, ноги перекинул наружу и примостился так. Хорошо! Ему все видно, а его — попробуй достань! И высоко, и тылы крепкие — дом за спиной. Похоже, там, «за кадром», что-то он успел натворить, а потом удрал от погони. Или так, на всякий случай, остерегается — мало ли что бывает в мальчишеской жизни. А может, просто нравится ему тут...

...Долго шли люди по сырой осенней дороге, полем и лесом. Устали. Разбили палатку, сбросили тяжелые сапоги, а сами ушли — один за хворостом для костра, другой — воды зачерпнуть на похлебку и на душистый лесной чай. А щенок, верный товарищ и спутник, лежит у входа, сторожит припасы: вдруг выйдет из чащи медведь, или прибежит голодный волк, или злой человек бродит по лесу.

Девочка, мальчик, щенок... О каждом вон сколько мы узнали, по целой истории. Словно давно знакомы с ними или кто-то нам о них рассказал, да так ловко рассказал, что еще самому можно пофантазировать. А на самом деле мы этих троих видели — одно мгновение! Зато это мгновение выбрано так удачно, что по нему, вглядевшись, можно много чего угадать.

Зоркий человек подсмотрел его, это мгновение, поймал объективом фотоаппарата, сумел остановить. Сберег. Нам с тобой подарил.

Все три фотографии сделаны ребятами. Девочку снял Андрей Карпов, он занимается в Североморском Доме пионеров. Мальчика — Игорь Киселев из той же студии. Щенка — Вадим Смирнов, девятиклассник из города Уфы, фотографией он занимается во Дворце детского творчества.

Все три фотографии были показаны на выставке работ участников всесоюзного конкурса «Глазами детей». С этой выставки пришли они к нам на «ПИОНЕР»ский вернисаж.

С. БОГАТЫРЕВА.

«Отлично!». Андрей Карпов, 14 лет.
«Каникулы». Игорь Киселев, 16 лет.
«Верный сторож». Вадим Смирнов, 15 лет.

Индекс 70694.
Цена 25 коп.
ISSN 0130—8009